

ФЭНТЕЗИ

Роман

для стариков и юношества

Какая бы правдивая история не была в основе сюжета, все равно автору приходится что-то додумывать, дополнять. Приходится включать свое воображение. Если автор хорошо разобрался в характерах, понимает истинные пружины, приводящие в движение события, то это воображение только помогает читателю почувствовать себя участником, создает, я бы сказал, эффект присутствия. И все же я постарался как можно больше полагаться на факты. Без ложной скромности скажу, что я – пожалуй – узнал все, что возможно и даже невозможно, расспросил не только действующих лиц, с которыми вы в дальнейшем встретитесь, но и всех – или почти всех, – кто был с ними связан и хоть в чем-то принимал участие. Боюсь, что я им всем изрядно надоел, но зато информации оказалось больше, чем достаточно.

И все-таки одна проблема оставалась. Один из моих героев был компьютерным гением, ну в крайнем случае талантом, а я всего-навсего рядовой и относительно бездарный пользователь, каких пруд пруди. Даже если я на полную мощность включу свое воображение, то ни в малейшей степени не смогу продемонстрировать достижения героя в этой области. Как быть? Как в таких случаях поступают уважающие себя авторы? Я оглянулся по сторонам, и увиденное меня не ободрило.

В современной литературе универсальная образованность многих авторов достигла невиданных ранее высот. К примеру, Стиг Ларссон в своей трилогии «Миллениум». Даже рядовому читателю ясно, что пишет профессионал высочайшего класса. Он вызывает изумление, доверие, хотя и не понимаешь ни слова. Высший пилотаж. Но все же он специалист в одной сфере - программировании, ну разве что немного в экономике. А некоторые наши популярные русскоязычные авторы не только ему не уступают, но даже превосходят – они проявляют универсальность и широчайшую эрудицию, демонстрируют высокопрофессиональные знания в самых различных областях науки, техники, искусства... да и всего прочего. От подробнейшей технологии подделки картин великих мастеров до заоблачных высот высшей математики, от биогенетического закона Геккеля и мерогоний до исследования вариантов перехода из консонанса в диссонанс, которое далеко не каждому музыканту-профессионалу понятно.

Я, несмотря на эту явную тенденцию, не осмелился шагнуть в ногу со временем и решил не пытаться прыгнуть выше головы. Брать в соавторы специалистов-консультантов, разбирающихся в темах, не хочу, выдавать чужие знания за свои не решаюсь. Поэтому постараюсь донести то, что понял... или мне показалось, что понял. И заранее прошу у более образованных читателей прощения, если что-то где-то напутал.

Начинать приходится с того, в чем я не очень разбираюсь...

Борис Алексеевич Мазуров в свои 35 лет пользовался известностью и уважением среди айтишников постсоветского пространства. Хотя для этой профессии молодых его возраст можно было считать вполне зрелым, а может, даже перезрелым. Сам Борис уже чувствовал себя ветераном. Компьютером он увлекся еще в школе, и стаж работы в качестве профессионала высокого ранга составлял почти пятнадцать лет; согласитесь, немало.

В школе он считался не только очень способным, но достаточно организованным и трудолюбивым – такое сочетание далеко не всегда встречается в жизни. Нередко можно услышать: способный, но ленивый. Или обратное: добросовестный, усидчивый, но... Так вот, это многозначительное «но» по отношению к Борису не применялось. Он легко закончил школу, легко поступил на физмат университета, диплом с отличием ожидал его с первого курса, в этом никто не сомневался. Но в науку Борис не пошел – не захотел. Еще в институте поступил в учебное заведение, которое сейчас называется «Компьютерная академия Шаг» - не знаю, как оно называлось тогда, и был одним из первых его выпускников. Он очень быстро поднялся по иерархической лестнице и спустя два-три года уже был «тимлидом», сокращенное «teamleader», руководитель группы, бригады - мне очень понравилось это слово и врезалось в память.

Сейчас в Ай-Ти вошла в моду узкая специализация, только перечень профессий может занять не одну страницу, но в те уже далекие времена – для темпов информационных технологий это действительно седая старина – еще котировался специалист широкого профиля, как кто-то остроумно сказал «человек-оркестр». Борис был по-настоящему талантлив во всех направлениях. Он отлично разбирался и в компьютерном оборудовании и в программном обеспечении, а новые идеи из него сыпались как из рога изобилия. Он вполне мог бы создать свою фирму, но, увы, не любил рекламу, продажу, менеджмент и прочие бизнес-составляющие, поэтому был только техническим руководителем разработок. Это «только» нисколько не умаляло его авторитет, потому что Борис всегда оставался душой и мозгом любых проектов.

Основной своей специализацией он избрал средства защиты информации – суперинтеллектуальная и, общепризнано, очень нужная к тому же, пожалуй, самая высокооплачиваемая в Ай-Ти работа.

Почти всеми заказчиками были солидные фирмы запада и востока, оплата в твердой валюте. Рентабельность этих работ Борис доказал на практике – к 30-ти годам он уже был достаточно обеспеченным человеком, хотя далеко не олигархом. Все признаки были налицо - новый «мерседес», круглый счет в банке – кое-что на всякий случай и в офшорах, в хорошем районе недалеко от моря симпатичный двухэтажный коттедж с небольшим участком земли, правда пока без бассейна. Пора было перебираться из квартиры родителей на новое место жительства. И как следствие, возникла необходимость жениться.

До этого времени необходимости в таком важном шаге не было. С точки зрения быта все было не просто хорошо, а великолепно. Борис был единственным ребенком в семье и жил с родителями в довольно большой четырехкомнатной квартире. Две комнаты были в его

распоряжении - в одной кабинет, в другой спальня. Кабинет был необходим - он много работал дома, и визитеров хватало, несмотря на то, что фирма снимала офис.

У него были замечательные родители. Мама, Алла Михайловна, самоотверженно в пятьдесят пять лет ушла на пенсию, хотя могла бы еще работать и работать – она считалась квалифицированным бухгалтером. Но главным для нее было, чтобы Боренька не знал никаких домашних забот, чтобы он мог спокойно работать и добиваться успеха. Отец, Алексей Борисович, человек солидный и уважаемый, был проектировщиком в бюро главного архитектора. Правда, его зарплата была небольшой, но, как вы уже знаете, для этой семьи деньги давно не были проблемой.

И мать и отец с трудом представляли себе, что будут делать в опустевшей квартире, но будучи современными людьми и любящими родителями, понимали - сыну уже давно пора свить свое гнездо. Они – особенно Алла Михайловна – были сознательными противниками традиции коммунального сожительства двух семей. А Алексей Борисович... Алексей Борисович всегда был единомышленником жены, не случайно Мазуровы столько лет жили душа в душу.

Итак, с точки зрения быта пока необходимости в женитьбе не было. Не было ее и по другой причине: недостатка в женском внимании - в самых разнообразных вариантах этого внимания - Борис не испытывал. Скажем прямо, у женщин наш герой успех имел. Его трудно было назвать красавцем, но давно известно, что для женщин внешность мужчины не самое главное. Симпатичный – да, пожалуй. Но что еще важнее – были в нем индивидуальность и... мужская сексуальность, качество, которое нельзя описать и которое замечают только женщины.

Борис был невысокого роста, немногим за метр семьдесят. Крупная голова, курчавые темные волосы, широкое скуластое лицо, большие черные глаза. В облике есть что-то негритянское, хотя трудно понять, что именно. Широкие сильные плечи, сильные руки, широкая грудная клетка, правда талия не слишком заметна и таз великоват для классической фигуры. Ноги плотные – в юности Борис серьезно занимался прыжковой акробатикой, несмотря на некоторую массивность. Это сочетание крепкой фигуры и легкости движения, может быть, и составляло часть той внешне заметной индивидуальности, о которой я говорил.

Принято считать, что талантливые люди, особенно в нервной компьютерной профессии, часто бывают эксцентричны, порывисты. Нет, Борис был уравновешен, доброжелателен. Он никогда не атаковал понравившуюся ему женщину, но давал понять, что не возражает, если она... Это выглядело не высокомерием, а уверенностью в себе. Добавьте к этому довольно приятный баритон, добавьте ауру успешного человека. Определенно, недостатка в женском внимании он не испытывал.

И все же переходить в новый красивый дом в качестве холостяка ему не хотелось. Правда, можно было в этот дом приводить подружек, но, как я уже рассказывал, этот процесс для Бориса давно потерял прелесть новизны.

В его жизни все складывалось очень удачно, и как раз после покупки дома не заставила себя ждать и любовь. Он довольно быстро понял, что это не просто флирт, не просто секс, а настоящее чувство. Лера – так звали его будущую жену – тоже оценила его

привлекательность, да еще в придачу дом с машиной и всеобщим уважением... Нет, я не намекаю на ее меркантильность, просто в жизни всегда есть комбинации из лирики и физики.

Лера только закончила факультет английского языка с отличием; пока в жизни не определилась, жила, как и Борис, с папой и мамой. Но у нее тоже было свое приданое - она была моложе его на семь лет, очень красивая и умная. Это три ценных достоинства, которые, впрочем, легко могут перерасти в большие проблемы для мужа. Такая жена требует внимания, забот, соответствующего уровня жизни и прочее, и прочее, и прочее, если не хочешь остаться сначала с рогами, а потом с носом.

Они поженились через три месяца после знакомства. Еще через год родилась девочка. Самоотверженная Алла Михайловна помогала, чем могла, заботливый Борис нанял няню, через день приходила и домработница. Сначала Лера была занята новой жизнью, ребенком, потом два года спустя устроилась преподавателем в обычную школу. А затем обнаружила, что брак с увлеченным айтишником имеет свои особенности.

Мужа в основном она видела со спины – за компьютером, от которого он отрывался с трудом. И когда отрывался физически, то морально связь не прекращалась – он все время обдумывал что-то свое и не всегда правильно реагировал на окружающих, в том числе и на жену. Даже когда они ходили на концерт или в театр, то было заметно, что мысли его витают далеко... во всяком случае не на сцене. Компания сотрудников Бориса, точнее сотоварищей, у них собиралась часто, но разговаривали они на непонятные темы и на «птичьем» - как говорила Лера – языке. Добрую половину слов-терминов она не понимала. Подавала кофе, печенье, пирожные, иногда – реже – выпить и закусить и уходила смотреть телевизор.

Она познакомилась с некоторыми женами сотоварищей. Жены были в основном двух категорий – одна группа тоже активно увлекалась компьютером, другая в лучшем случае им иногда пользовалась. В отличие от первой вторая группа была на пути или в процессе развода. Лера поняла, что ее проблемы являются частью профессиональной болезни работников Ай-Ти.

Я бы мог рассказать подробно, что затем случилось, но не стоит. Все было ожидаемо, немножко пошло и, к сожалению, банально. Лера от него ушла, вместе с ребенком. Ушла в фигуральном смысле, а в реальном Борис вернулся к родителям, оставив ей коттедж недалеко от моря. Спустя довольно непродолжительное время она снова вышла замуж и уехала за границу, между прочим продав коттедж.

Это произошло за два года до событий, о которых я намереваюсь рассказать. После развода травмированный Борис собрал остатки средств и купил хорошую четырехкомнатную квартиру в большом доме еще ближе к морю, чем бывший его коттедж, – наверно в пику Лере. И стал жить на два дома. У родителей кормился, у себя... ночевал, дело молодое. Он не впал в отчаяние, не посчитал, что наступил конец света, вел примерно такой же свободно-холостяцкий образ жизни, как до женитьбы. Скорей всего понял, что это не была любовь всей жизни. По дочери он скучал, но постепенно смирился. Се ля ви.

Но одна серьезная и существенная перемена все-таки произошла - он неожиданно остыл к своей напряженной, творческой и денежной профессии, которая разрушила его семейный очаг. Видимо, все-таки последствия душевной травмы. И результат немедленно сказался –

последняя выполненная им работа по заказу очень серьезной английской фирмы не слишком удалась. То есть это не было провалом, материалы приняли, деньги заплатили, но фирменного знака качества, которым всегда отличались проекты Бориса, на этот раз не было.

Кстати сказать, тема последнего проекта была хоть и не новой, но довольно сложной – еще один вариант так называемого голосового набора текста. Подобных программ разработано много, но и необходимости в их усовершенствовании оставалось еще больше. В идеале программа должна дать возможность диктовать текст без машинистки, но это – те, кто пользовался голосовым блокнотом, знают – оказалось далеко не простым делом. На запись влияют и дефекты речи, и нечеткое произношение, и искажения – слова произносятся не так как пишутся. А правописание, а проблемы с синтаксисом, а пробелы между словами, а... и т. д. и т. п. Разработчику приходится накручивать программу на программу, как следствие всего перечисленного ненадежность, бесконечные помарки и исправления. Проще самому напечатать. Впрочем, углубляться в эту тему я не собираюсь, а упоминаю о проекте только потому, что он немного позже оказался толчком к основным событиям, которые вас еще ожидают.

После не слишком удачного окончания этой работы Борис еще долго испытывал дискомфорт и какое-то чувство вины. В результате в конце концов набрался решимости, ушел из фирмы – как объяснил, «на пенсию» – и стал преподавать на двухгодичных компьютерных курсах, патроном которой была солидная американская фирма. Денег получал меньше, но ему хватало.

Параллельно появилась еще одна интересная и достаточно денежная работа в научно-исследовательском институте «Омега», ее сосватал бывший однокурсник Бориса по компьютерной академии Миша Ядловский. Многие знали, что «Омега» реликтовый институт считавшегося почившим в бозе КГБ, который менял названия, но замаскированно выживал при любой власти и по-прежнему имел хорошую финансовую базу. В «Омеге» занимались тоже не менее модной темой: «интерфейс мозг–компьютер». Возможность прочесть мысли человека всегда было розовой мечтой наследников «железного Феликса». На это ни денег, ни сил не жалела любая власть, даже вроде бы демократическая. Был детектор лжи, были специальные виды энцефалограмм, но хотелось, не мудрствуя лукаво, включить компьютер и прочесть, что там у этого человека на уме. Всю подноготную. Пока, к их сожалению, до этого было еще далеко.

Сведения о достижениях иностранных фирм в «Омеге» были, информация традиционно считалась сильной стороной замаскированных и незамаскированных спецслужб. Мировая наука штурмовала секреты работы мозга. Вживлялись электроды, специальная синтетика (надеюсь только животным, но не уверен), обрабатывались на компьютере сигналы мозга, нейронов и прочее. В «Омеге» был конкретный план работ, не слишком высоконучный, на который и наняли Бориса. Там ничего никому не вживляли, а для улавливания сигналов пользовались либо специальным шлемом, либо наклеивали датчики. Подопытному ставилась задача – думать либо о колбасе, либо о книге, а по сигналам нужно было постараться понять,

что он выбрал. Борис сразу предложил сунуть датчик под язык – пойдут слюнки, значит, он думает о колбасе, нет – о книге. Шутка успеха не имела.

Что, собственно говоря, требовалось от Бориса - слабые и неизвестных параметров сигналы мозга нужно было по возможности отфильтровать от всяких прочих сигналов, заполняющих пространство вокруг нас. Задача очень сложная. Борис, «человек-оркестр», прекрасно ориентирующийся и в программировании, и в оборудовании, добился в этом серьезных результатов. Ему даже удалось настраивать программу на конкретного человека, а каждый индивидуум – как выяснилось – имел собственную, не похожую на других «радиостанцию» со своим диапазоном. Человек и в этом оказался оригинален! Результат был удивительным - при точной настройке на человека сигнал был не сильным, но стабильным, и можно было не пользоваться шлемом; даже на значительном расстоянии от источника – два, три, пять метров, больше помещение не позволяло - сигналы практически не изменялись.

И при этом обнаружилась еще одна особенность: при точной настройке на конкретного человека сигнал был не таким, как при снятии его с головы, облепленной датчиками. Это было не колебание электрических потенциалов мозга, нейронов и прочего, а нечто другое и в совершенно другом диапазоне, с другими характеристиками. Картинка на экране другая, и еще какие-то признаки, которые мне, извините, не известны. Но зато мне известно, что у Бориса почему-то возникла аналогия с компьютером. То ли с дополнительной картой памяти, то ли с флеш-накопителем, в быту именуемым флешкой. Но в голове никто отдельного дополнительного хранилища информации пока не обнаружил. Может, это какое-то пока неизвестное энергетическое поле? Он знал, что энергетическим полем человека принято называть ауру, свечение вокруг тела человека и тому подобную малонаучную эзотерику. Но если действительно может существовать не материальный блок хранения информации? Такая мысль промелькнула и растворилась – Борис не был физиком, его это мало касалось. Но вы все-таки обратите на этот момент внимание.

Расшифровать полученные данные не удавалось. На экране был только «шум», «снег». Разницу между «колбасой» и «книгой» еще можно было уловить, но это было не стабильно, а главное – не слишком убедительно. Несмотря на старания подопытного, в его голове был хаос, мелькали мысли, образы, а пожелание «думай о белой обезьяне» давало примерно такой же эффект, как и знаменитое «не думай о белой обезьяне».

Сведения о том, что вроде бы кому-то в Японии удавалось различить на экране то, что человек видел, особого доверия не вызывали, во всяком случае даже приблизиться к этому «Омеге» было не по силам.

После почти года добросовестного служения работодателям Борису пришла в голову интересная – с его точки зрения – идея.

В «Омеге» покончили наконец с книгой и колбасой, дали испытуемому картинки и заставили смотреть на какую-нибудь из них часами. На экране пытались разглядеть нечто похожее. Ничего не получалось. Но вот однажды, когда испытуемому надоело смотреть на картинки, он в сердцах смачно и со вкусом мысленно выругался. На экране появились какие-то изменения. Борис выяснил причину и попросил мысленно повторить текст, добавив

энтузиазма, что было выполнено с явным удовольствием. Да, реакция экрана была, пожалуй, аналогичной и более определенной. Борис проверку прекратил, больше к этой теме в исследованиях на оборудовании «Омеги» не возвращался. И в дальнейшем поступил по отношению к работодателям, скажем так, не очень корректно. Впрочем, это вывод спорный. Дело в том, что по условиям договора, все сделанное в рабочее время считается собственностью фирмы. Но тут возникает извечный вопрос: если человека осенила идея, то как можно с уверенностью утверждать, что она пришла во время работы и связана с ней? Где критерии? Словом, Борис, человек опытный и осторожный, ничего никому не сказал. Кроме всего прочего, возмущения сигнала были такими слабыми, что работать с ними было невозможно. Но он уже представлял себе принципы работы нового блока, который заранее назвал фильтром-усилителем. И абсолютно новый подход к этой теме.

Дальнейшие рассуждения принадлежат Борису, я опять-таки их только пересказываю с уже известными вам извинениями и реверансами.

Он исходил из того, что в основе интерфейса должно быть не только и не столько желание человека проникнуть в сознание другого, а в первую очередь желание самого испытуемого, чтобы его поняли. Что в таком случае попытается сделать человек, в отличие от других представителей животного мира? Не махнуть рукой – мол, пошли за мной, не повилить хвостом или оскалить пасть. Не прокукарекать или прочиркать. Использовать те возможности, которые его отличают – сказать или написать. И хотя на этот счет есть много теорий, Борис был уверен, что именно возможность общаться с себе подобными, то есть язык и письменность, сделали человека гомо сапиенсом. И этим путем нужно идти - для интерфейса, то есть новых контактов на современном уровне, прежде всего использовать язык.

Что творится у человека в голове? Во-первых, мысли. Это вообще что-то сложное, аморфное и даже абстрактное. Как их расшифруешь, когда человек и сам не понимает, что там проносится?

Дальше – зрительные образы. Они могут быть конкретными, но это не его епархия. Нет, эта задача не для него.

А вот речь, язык? Это уже ближе. Правда, речь без звука. Так сказать, внутренний голос. Но человек часто думает словами, беззвучно произносит тексты. Это все знают. Скажем, мысленно с кем-то споришь. Мысленно выстраиваешь предложения, тщательно подбираешь слова. А кстати, не случайно о полиглоте говорят – для него родной язык тот, на котором он думает. То есть думает человек все-таки на языке! И в его силах мысленно говорить четко и внятно, если хочет, чтобы его поняли. Если испытуемый акцентирует каждый беззвучный звук (простите мне кажущийся парадокс), форсирует слова, то сможет перекрыть шумы. Так собственно и произошло с эмоциональными и нецензурными текстами испытуемого. Значит, сигнал можно будет выделить и проанализировать. Все-таки легче, чем разбираться в изображении.

В упрощенном виде это может выглядеть примерно так. Можно вместе с испытуемым сначала составить азбуку звуков (думай «а», думай «б»), то есть буквы, потом наговорить (опять-таки мысленно) достаточный словарный запас. Компьютер все запомнит, научится

узнавать слова. А финалом будет вполне реальная процедура - что-то вроде голосового набора текста, это программы, с которыми Борис хорошо знаком. Кстати, эту программу вполне можно будет использовать. И вот, не говоря вслух ни слова, человек напишет на экране текст! Великий немой заговорит! Это уже похоже на открытие!

Может показаться, что зона действия такого открытия ограничена. Скажем, только для глухих, слепых, людей с дефектами. Тоже, между прочим, немало. Но гораздо важнее другое: это первый шаг к новому качеству – телепатии, передаче мыслей на расстоянии, о чем сегодня читаем только в фантастической литературе. Впрочем, у человека предпосылки к телепатии были известны давно – гипноз, особенно массовый, опыт экстрасенсов. Сейчас их загадки могут стать обоснованной реальностью. Ведь сигнал при настройке на человека улавливается на расстоянии... Конечно, пока это только предположения и мечты, хотя достаточно обоснованные.

В жизни Бориса снова появились интерес, смысл и цель. Работать нужно будет дома, но при этом соблюдать осторожность и даже секретность - промышленный шпионаж в Ай-Ти был на уровне мировых стандартов, да и хакеры не дремали.

Теперь оставалось решить еще одну важную проблему - подобрать испытуемого, который фактически будет компаньоном. Человек должен быть порядочным и разбираться в компьютерных технологиях. Но командир должен быть один. Не такое простое дело, каким кажется на первый взгляд, учитывая намечающиеся масштабы проекта, а соответственно и масштабы соблазнов. Борис остановил свой выбор на Павлике Луние.

Семнадцатилетний Павлик заканчивал десятый класс престижной элитной школы, одновременно двухгодичные курсы Бориса, и был компьютерным вундеркиндом, как некогда его уважаемый преподаватель. А еще Борис был для Павлика кумиром, и любое утверждение преподавателя – истиной в последней инстанции. Так бывает, когда учитель и ученик талантливы. То есть с точки зрения командной работы тандем был бы удачным. Профессиональные знания Павлика тоже безусловно были на достаточно высоком уровне, отсутствие практического опыта заменяли свежий, острый ум и интуиция. А по поводу порядочности – один взгляд на юное искреннее, восторженное лицо не оставлял никаких сомнений. Брать профессионала не стоило, разбалованные айтишники бесплатно, без договора, только в надежде на будущие блага работать не станут. А парню можно будет платить немного, для поощрения. Да и занимать его слишком часто не придется, основную часть работы придется выполнять самому. Да и к счастью, значительная часть - а может, даже основная – выполнена уже за деньги фирмы «Омега», продублировать разработанное будет не слишком сложно. И хотя в таком принципиально новом проекте сюрпризы неизбежны, пока полтора работника в бригаде будет достаточно. Дальше жизнь покажет...

Борис откладывать принятое решение надолго не привык. Вскоре он попросил Павлика остаться после занятий и предложил поработать вместе над очень серьезным проектом, настолько серьезным, что распространяться о нем посторонним не следует. Павлик пришел в

восторг, глаза его загорелись, о таком он даже не мог мечтать. А в том, что проект будет эпохальным, не могло быть никаких сомнений.

- Борис Алексеевич, я с радостью, я...

- Хорошо, но все-таки подумай. Поговори с родителями.

- Борис Алексеевич, какие проблемы? Да у меня такие родители, они такие... Они тоже будут рады, если я займусь серьезным делом.

Но проблемы все-таки возникли. Оказалось, что родители Павлика были против его участия в совместной работе с Борисом. Впереди выпускной 11-й класс, золотая медаль, которую ему единодушно пророчили преподаватели, – все это требовало серьезного отношения к учебе. В дальнейших планах было поступление в Кембридж, материальные возможности Луниных и способности сына делали эти планы вполне реальными. Даже компьютерные курсы родители перенесли с трудом, но вот они, слава богу, заканчиваются, Павлик наконец сможет полностью, не отвлекаясь, посвятить себя школе – и снова проблемы.

Когда он дома восторженно, захлебываясь, рассказал о предложении работать над эпохальным проектом с самим Мазуровым, родители тактично сказали, что должны подумать. В семье Луниных были уважительные, демократические отношения. Просто запретить – нет, на такое не мог пойти даже его отец, крупный бизнесмен, который слыл очень решительным и властным человеком. Но эта властность на семью, к счастью, не распространялась, точнее ее ограничивала «мягкая сила» в лице его жены. Снова физика и лирика - физика бизнесмена Лунина-старшего смягчалась лирикой Алисы Николаевны, выпускницы консерватории по классу рояля и преподавательницы музыкальной школы.

Буквально на следующий день после этого разговора Антон Петрович Лунин, для которого не было ничего невозможного, узнал номер мобильного телефона Бориса, закрытого, не числившегося в телефонном справочнике. Звонить решила Алиса Николаевна.

- Ты только наломаешь дров. Для Павлика эта работа...

- С самим Мазуровым! - саркастически вставил Лунин.

- Не будь циничным, мальчик им восхищается. Ты видишь, как он счастлив, для него это очень много значит. А Мазуров действительно авторитет в своей области, я и сама испытываю что-то вроде гордости. Нашего сына ценят. Нет, нам нужно быть очень осторожными и тактичными. Это может быть удар прямо в сердце.

- Уж очень у вас нежные сердца, - еще ироничнее заметил Лунин, объединяя жену и сына, наверно у него были основания. – Трудно жить с такими чувствительными органами. И быть голубых кровей.

Ответ прозвучал немедленно.

- Теперь я понимаю, почему ты любишь это вино.

- Какое вино? – он заподозрил ловушку. – Я многие вина люблю.

- Бычья кровь. Красное вино. Не голубое.

Лунин невольно взглянул в зеркало на свое громоздкое отражение. Да, определенно не голубых кровей... Но промолчал. Не нашелся. В дискуссии с женой предпочитал не вступать. Проигрывал.

В тот же вечер Алиса Николаевна позвонила Мазурову. Выбрала удобное, по ее мнению, время – полседьмого, работа закончилась, вечерние развлечения еще не начались.

Представилась, извинилась за беспокойство, но уж очень важный повод.

- Очень приятно, что вы предложили Павлику участвовать в важной работе. Но мы с мужем беспокоимся...

И она рассказала и о медали, и о Кембридже. Объяснила, что основания для беспокойства у них определенно есть. Нет, нет, не поймите неправильно, беспокойство еще не означает, что они возражают или того хуже - запрещают. В конце концов, они современные люди, а Павлик взрослый и самостоятельный мальчик (в ее устах такое сочетание прозвучало естественно). Поэтому они предлагают встретиться и обсудить ситуацию; конечно, вместе с Павликом. Если у Бориса Алексеевича найдется свободное время... Словом, они приглашают его на ужин завтра или послезавтра, как ему будет удобно.

У Алисы Николаевны был приятный голос и не менее приятная манера разговора, Борис не устоял.

- Хорошо, - и вежливо добавил: – С удовольствием.

- У вас завтра занятия заканчиваются в полседьмого? Можете приехать с Павликом, не нужно будет искать наш дом.

На том и порешили.

Борис сопротивления со стороны родителей Павлика не ожидал. Как-то не подумал. Он сам уже с восьмого класса подрабатывал на подхвате у программистов. Его заработки в семье были не лишними, работа не мешала учебе, только меньше болтался без дела. Он и медаль получил, и серьезное отношение к работе вошло в привычку. Может, не ездить на переговоры и просто отказаться? Но начинать новые поиски будущего компаньона не хотелось.

«Ладно, - решил он, - посмотрим, каковы эти родители. Если упертые и будут мешать, то придется искать замену».

Борис, правда, собирался завтра после занятий поехать не с Луниным, а с Тимченко. О свидании было условлено заранее. С Леной Тимченко - он уже приобрел привычку преподавателей называть учеников только по фамилии. А вот еще одно педагогическое правило давалось ему с трудом – не заводить интриг с ученицами, даже великовозрастными. И пример – та самая Лена, о которой я только что упоминал. Но в данном случае нарушение принципов можно было объяснить и даже оправдать – 25-летняя Тимченко была не просто красивой, а очень красивой. Далеко не каждая красивая женщина сексуальна, тем более не каждая сексуальная обязательно красива, это немного разные, хоть и связанные между собой понятия. В Тимченко оба качества сочетались на высшем уровне, и она это прекрасно сознавала. При знакомстве с мужчинами называла себя полным именем Елена, рассчитывая – мне кажется – на сравнение с легендарной женой спартанского царя Менелая. И действительно, часто в ответ звучало с придыханием: «Елена прекрасная!»

Белокожая брюнетка, волосы гладко зачесаны назад и собраны на затылке иногда в валик, иногда в пучок, красивое аристократическое лицо от этого только выигрывает. Полные губы, большие черные – не карие! – глаза, все остальное в лице - классика. Никакая одежда, даже

самая мешковатая, не может скрыть привлекательность фигуры, не современной спортивной, а тоже ближе к классическим формам - думаю, вы понимаете, что я имею в виду. На каблуках она была немного выше Бориса. Всегда и в любом оформлении очень эффектна. Правда, иногда в ней проглядывал вамп, но вряд ли можно это считать недостатком.

При этом Лена (что тоже не часто случается) умна и не слишком легкомысленна. После окончания института не стала искать себе богатого мужа, а решила приобрести профессию программиста – надежный поплавок в наше время. Из описания, надеюсь, ясно, что поклонников у нее было в избытке. Хотя все-таки меньше, чем ей бы хотелось, - большинство потенциальных кандидатов, недостаточно эффектных или богатых, заранее признавали свое поражение и в безнадежное соревнование не вступали. Поэтому Борис, который не считал себя ни Крезом, ни Парисом, был польщен, когда Лена стала оказывать ему явное предпочтение. Наверно, сыграла свою роль уже отмеченная мною его методика ухаживания – не наступать, а снисходительно уступать. Для избалованной успехом красавицы это было непривычно.

Кстати, хочу уточнить, что Борис был действительно скорее польщен, чем увлечен, и для этого имелись причины. Не последнюю роль играл ее успех у мужчин, и как следствие - рой ухажеров, создающих неудобства и даже иногда неприятности. К примеру, был у нее не на шутку увлеченный поклонник «с серьезными намерениями», бывший бандит, а ныне миллионер, оставшийся откровенным бандитом – в нашей реальности очень распространенный случай. Миллионер-бандит как-то сказал, что если еще увидит Бориса рядом с Леной, то даже мокрого места от него не останется.

- А кого бы ты хотел видеть рядом? Себя? Людей смешить?

Миллионер действительно товарного вида не имел. И обещал припомнить... Другие были не столь откровенны, но думали в том же направлении.

Борис слаонервным себя не считал, но согласитесь, такая аура настроение не улучшает. И все-таки главная проблема заключалась не в этом. У Лены было много достоинств, но кое-что настораживало. Я имею в виду медные трубы. Сознать себя первой красавицей города нелегкое испытание, ни для кого оно не проходит бесследно. Характер от этого лучше не становится. Опыт общения с красивой и умной бывшей женой у Бориса уже был.

Словом, он не очень расстроился от того, что свидание сорвалось, чего нельзя сказать о самолюбивой Лене. Предстоял небольшой скандал – ее демонстративно-раздраженное поведение на уроке. Не слишком приятная ситуация для солидного преподавателя, и так их отношения для многих являются секретом Полишинеля. Борис уже не в первый раз подумал, что нужно заканчивать эти «опасные связи», он как раз перечитывал Шодерло де Лакло. Но пока не решался, а главное – Лена бы ему этого так просто не позволила. Кажется, она всерьез им увлеклась, может, тоже, как и ее миллионер-бандит, «с серьезными намерениями». Плюс ее непростой характер с задатками вамп... Но решать что-то все равно придется – в связи с новыми грандиозными планами он теперь часто будет занят по вечерам, и капризная молодая красавица ему этого не простит. Повторяется история с женой. Он второй раз наступает на одни и те же грабли.

Лунины жили в элитном районе на берегу моря. Вокруг дома ограда выше человеческого роста. Когда подъехали к воротам, Павлик позвонил по мобильному телефону. Ворота открылись – автоматика, они въехали на территорию и повернули на крытую асфальтированную площадку, там уже стояли две машины. Участок был небольшим, соток примерно двенадцать. Цветник, несколько плодовых деревьев, ближе к забору бассейн, метров восемь длины. Было еще светло, и Борис заметил одну особенность: дно бассейна усыпано разноцветной галькой, и казалось, глубина не превышала десяти сантиметров. Борис удивленно пожал плечами – зачем такая большая лужа? Павлик довольно рассмеялся.

- Глубина полтора метра. Это иллюзия, секрет проектировщика. Я тоже не понимаю, как такое получается. И никто не из наших не знает.

Дом располагался в самом конце участка, от забора до забора. Коттеджем его не назовешь, скорее особняк. Два этажа и что-то еще на крыше.

Алиса Николаевна вышла их встречать.

- Очень рада с вами познакомиться. Павлик мне всемуши прожужжал: Борис Алексеевич, да Борис Алексеевич. Чувствуйте себя как дома. Проходите. Это наш салон. Мы посидим в столовой, там уютней. – Указывая на винтовую лестницу в конце помещения, она продолжила: – Это вход на второй этаж, там спальни и прочее.

На первом этаже были высокие потолки, не меньше пяти метров, поэтому салон площадью метров 50-60 производил солидное впечатление. Мебель соответствовала классу особняка, была не дешевой, но спокойной, не кричащей. Здесь жили богатые люди, но не нувориши – так показалось Борису. Прошли в столовую, которая была действительно уютной, но отнюдь не маленькой. И стол солидный, на человек восемь, а то и на все десять. Борис подумал, что втроем сидеть за таким столом может быть... скажем, неудобно. Но положение – особенно финансовое – обязывает.

Больше подробностей обстановки описывать не буду; надеюсь, остальное вы представите сами.

Антон Петрович ждал в столовой. При их появлении он встал из-за стола и подошел к жене. Теперь можно было рассмотреть супружескую пару в сочетании, нужно сказать сочетании довольно контрастном.

Алиса Николаевна была почти блондинкой, Антон Петрович почти брюнетом. Рядом с габаритным мужем она казалась маленькой и даже хрупкой.

«Эльф», - так сразу определил Борис, хотя подумал, что обычно представляют себе эльфов молоденькими, с крылышками. Матери Павлика должно быть в районе сорока, хотя на вид больше тридцати пяти не дашь. Миловидная, улыбчивая, приветливая. Легкие движения. Нет, все-таки эльф, во всяком случае по контрасту с высоким, широкоплечим, немного располневшим, немного грузным и - сразу видно - очень земным мужем.

Контраст был, но это не значило, что пара не смотрелась. Она определенно нуждалась в заботе и защите, а муж, несомненно, этой надежной опорой был. Во всяком случае, такое

первое впечатление сложилось у Бориса о чете Луниных. И он успел подумать: «Интересно, подтвердится ли это мнение в дальнейшем? В жизни не все бывает таким, как кажется».

Основания для сомнений у Бориса были. Алиса Николаевна сразу показалась очень интеллигентной и обаятельной, а бизнесмен Лунин, входивший в десятку самых богатых людей города, определенно в облаках не витал, хотя бы потому, что тесно сотрудничал с уже упомянутым бандитом-миллионером и мэром города, который пока не сидел, но надежды на это у горожан еще оставались. Лицо Лунина показалось Борису немного простоватым, но волевым и запоминающимся. Даже полнота не сглаживала резкие и крупные черты его лица, жесткие складки в углах губ. Интересно, как жена справляется с его безусловно крутым характером?

Оказалось, справляется.

А Павлик – как это нередко случается – был гибридом. Телом в отца, во всяком случае двигался в этом направлении, и с лицом матери.

«В принципе не худшее сочетание», - подумал Борис.

Ужин был вкусный, но не обильный, не такой, какой «дают» на званых вечерах. Разве что закуски было больше, чем на рядовом ужине – красная рыба, какие-то овощные салатики, ветчина, – минимум, который шел в дополнение к бутылке марочного армянского коньяка для мужчин и бокала вина для хозяйки. Павлик привычно довольствовался минеральной водой. Потом были жареные ребрышки с гарниром, потом кофе и сладкое. Да, достаточно вкусно, но определенно без намерения поразить.

Обслуживала их молодая девушка, которую Лунины старший и младший называли Олей, а Алиса Николаевна Оленькой. Судя по акценту - да и по внешним признакам – Оля не так давно переехала из села. Подрабатывала. Училась, как понял Борис, в техникуме, был какой-то обмен репликами на эту тему между нею и хозяйкой. Определенно все выглядело прилично, семья не из тех, кто «из грязи в князи». «Но, - подумал Борис, – удивляться не приходится, судя по первому впечатлению, хозяйка была из «князей».

Разговор за столом в основном тоже поддерживала Алиса Николаевна, во всяком случае дирижировала. Аккомпанировал ей в основном Павлик, который, было видно, совершенно не волновался по поводу результатов переговоров, а искренне наслаждался тем, что сидит рядом с замечательным любимым преподавателем и дорогими любимыми родителями. При таком сочетании все должно быть не просто хорошо, а замечательно. Антон Петрович включался не часто, но голос у него, естественно, был низкий, поэтому звучал весомо. Однако отношение его к происходящему, кажется, было негативным.

Говорили о погоде, о том, что театральный сезон выдался скучным. В этом Борис более-менее разбирался – прекрасная Елена любила не столько представления, сколько тусовки, пришлось ему стать театралом. О войне и политике не вспоминали, Антон Петрович было начал что-то на эту тему, но жена ласково ему сказала – сказала, а не оборвала:

- Антон, не будем портить хорошее настроение...

Борис обратил внимание, что она называла его Антоном. И правильно, ни Тоша, ни тем более Антошка ему не подходили.

Когда принесли кофе, Алиса Николаевна при молчаливой поддержке мужа начала разговор о работе Павлика. В принципе высказывала те же сомнения, что и по телефону. Выпускной класс, выпускные экзамены, нужно готовиться к Кембриджу, совершенствовать английский язык. Компьютерные курсы практически закончились, и они думали, что теперь можно будет всерьез заняться школой...

На лице у Павлика появилось крайнее удивление и, конечно, огорчение, такого поворота он не ожидал. Борис пришел на помощь:

- У него проблемы с учебой?

- Мама, ты о чем? У меня проблемы с учебой? Когда последний раз я получал хотя бы четверку? А мой английский в пример ставят!

- Нет, с учебой как раз хорошо. Но нужно и отдыхать тоже. В твоём возрасте...

- Ма, ты хочешь, чтобы я с ребятами болтался по кафешкам? Вместо того, чтобы делом заняться?

Алиса Николаевна немного растерялась от напора Павлика, а упоминание о кафе определенно ее впечатлило.

- Павлик, дорогой, кто говорит о кафе? Есть еще много замечательного и интересного в жизни. – И обратилась к Борису: – Я знаю несколько айтишников. Мы заказывали кое-какие обучающие программы для нашей школы.

Павлик, все еще огорошенный позицией матери, тем не менее с гордостью ее поддержал.

- Мама вполне приличный пользователь. Ее класс все называют компьютерным. И к ним на уроки ходят преподаватели из других музыкальных школ.

- Не подлизывайся. Борис Алексеевич, к вам это, конечно, не относится, но один из них мне сказал: «Нет бога, кроме компа, и программист – пророк его». Их от этой кормушки не оторвешь. Присохли. И засохли. Нет других интересов.

А взгляд ее спрашивал: «Может, и к вам это относится?»

- Мама, а при чем тут я?

- Сынок, ты тоже в последнее время мало чем в жизни интересуешься, кроме ящика. Стал совсем мало читать. А без чтения не может быть полноценного человека, я в этом, ты знаешь, уверена. Мы так старались приучить тебя к книгам.

И она снова вопросительно посмотрела в глаза Борису. Не станет ли он для Павлика засушенным образцом достойным подражания?

Известные вам события в жизни Бориса доказывали, что в ее словах было немало правды. Но Павлик смотрел на него с такой верой и надеждой, что Борис решил больше не отмалчиваться. Хотя начало прозвучало как оправдание.

- Я все-таки читаю.

Алиса Николаевна невольно облегченно вздохнула. Читает, уже неплохо.

- Вот видите.

- И не только потому, что к этому меня приучили родители. – Он задумался, а действительно, почему еще? – Может, и потому, что не люблю телевидение. Не только информационное, что вполне объяснимо, но и развлекательное. Почему? В книгах я могу

прочитать то, что хочу. Особенно сейчас, когда есть огромный выбор в электронных библиотеках. С телевидением дело обстоит иначе. Там в основном тиражируется массовая культура, та, что имеет высокий рейтинг. А рейтинг не только не соответствует качеству, но чаще всего прямо противоположен ему. Поэтому если человек не хочет быть просто таким, как все, то невольно возвращается к литературе.

Алиса Николаевна слушала Бориса с возрастающим интересом. Больше всего ей нравилось, как это было сказано. Грамотные полноценные предложения, простые и сложные, язык читающего, образованного человека. Не какие-то огрызки из двух-трех слов – распространенная манера общаться не только по СМС, а и «вживую» современной молодежи. Хороший язык Алиса Николаевна ценила, она в юности стояла перед нелегким выбором профессии – музыка или литература.

Борис не обманывал, он читал.

- Я с вами согласна. Но, увы, сейчас редко у кого в руках увидишь книгу.

Антон Петрович определенно заскучал от этих высоких материй и предложил тост под сладкое. Предложение было принято. Качественный коньяк, вкусные шоколадные конфеты – лица посветлели.

Борис тоже немного расслабился и неожиданно почувствовал необходимость быть объективным. Так и сказал:

- Алиса Николаевна, все-таки нужно быть объективным. Есть обоснованные причины для того, чтобы люди стали меньше читать.

- Какие причины? – спросил Антон Петрович. Кажется, тема его серьезно заинтересовала. Жена посмотрела на него и понимающе ухмыльнулась.

Борису не очень хотелось развивать свои спорные мысли, он их относил к графе «для домашнего пользования», но взялся за гуж...

- Да, в общем-то, не новые. Человек за последние два-три века мало изменился. Я имею в виду его возможности, психические, физиологические, всякие. А посмотрите, как поменялось все вокруг? Неузнаваемо. В том числе и информация – то, что загружает мозг. Телевидение, радио, Интернет. Кроме изменившегося реального мира появился такой виртуальный, что трудно разобрать, где начинается один и заканчивается другой. А мозг все тот же. Хочешь не хочешь, чем-то приходится не то чтобы жертвовать... Хотя все-таки жертвовать. Сейчас экран дает куда более доступные и легкие способы познания и развлечений. Сиди, смотри, все на блюде, с доставкой на дом. Даже страницы перелистывать не нужно. Для нашего перегруженного серого вещества это определенно облегчение.

Борис заговорил с увлечением, наверно сыграли свою роль и коньяк, и понимающие слушатели. Во всяком случае один из них.

- Я недавно прочитал... Мне попался в электронной книжке уже забытый, а когда-то любимый мною Вальтер Скотт, роман «Уэверли», я его раньше не читал. Там на каждой странице фамилии философов, писателей, мыслителей, не только современников автора, а и вглубь веков. Прежде образованные люди их знали, иначе автор бы в текст не включал. А сейчас? Сейчас возле них стоит звездочка или номер, они только в сносках, замечаниях или

приложениях. И я думаю, большинство бывших знаменитостей доставляет много хлопот редакции – как найти их следы, где отыскать? Канули в Лету. Их знали всего двести лет тому назад. Образованные люди того времени вполне могли себе это позволить. Образованным людям двести лет тому назад нужно было помнить и знать на несколько порядков меньше. Сейчас такие толстые книги писать и...читать непросто, разве что в ущерб чему-то другому, это очевидный факт.

Антон Петрович высказал свою живейшую поддержку этим рассуждениям, предложив еще один тост. И Павлик тоже радостно заулыбался. Впрочем, он радовался не тому, что можно меньше читать. А тому, что его преподаватель спорит на равных с мамой; ни ему, ни папе это не удастся.

- Павлик, ты, сынок, не слушай. Все равно широко образованный человек добьется гораздо большего и на работе, и в жизни.

Но дух противоречия уже овладел Борисом.

- Я с вами полностью согласен, особенно в том, что в жизни это важно. Такой человек для всех интересен. И по поводу работы... я тоже с вами. Но боюсь, в этом вопросе нас так и останется только двое.

- Как это? - не поняла Алиса Николаевна. – Хотя да... Современная тенденция...

- Вот именно, - поддержал Борис, - тенденция. Специалист должен быть глубоким... и узким. Чем глубже и уже – тем лучше. Во всяком случае, для сложных специальностей. И в сущности по той же причине – информации столько, что нельзя объять необъятное. Консервативная физиология человека не в состоянии угнаться за тем, что он успел натворить. Натворить в смысле творчества. Впрочем, все это, повторяю, общеизвестно, просто раз зашел такой разговор...

Тут Борис остановился и вспомнил, для чего пришел в этот дом.

- Кстати, о работе, которую я предлагаю Павлику. Она будет исключением из современной тенденции. Кроме программирования и разработки специального оборудования мы будем заниматься многими вещами. Большой диапазон. Не узкий. Конечно, если идея окажется удачной.

И тут неожиданно для всех оживился Антон Петрович, который до сих пор, как я уже отмечал, активно не выступал, но определенно был почти безмолвной оппозицией.

- А в случае удачи дело может быть прибыльным? Я слышал, у вас, айтишников, немереные деньги. Те программы, которые мы вынуждены заказывать, дак они буквально на вес золота.

- Вполне может быть, - улыбнулся Борис.

- Борис Алексеевич, я знаю, что вы один из лучших в своем деле, - он напрягся, не любил хвалить, считал, что любая похвала потом денег стоит. – Может, я бы тоже мог поучаствовать в этом проекте, само собой экономически? Возможности сейчас у меня есть.

Борис с трудом сдержал улыбку – внезапно появилась поддержка с той стороны, откуда ожидалось самое тяжелое сопротивление. Отказывать Лунину не стоило, хотя соглашаться

тоже никакого смысла не было - в финансовой поддержке Борис еще долго не будет нуждаться.

Ответ был дипломатичным.

- Антон Петрович, вы серьезный бизнесмен,; не зная сути, вы в дело не войдете. А я ничего конкретного сказать не могу, пока все только на стадии идеи. Еще как минимум год самое главное в этой работе не деньги, а секретность. Вот когда - и если – появится результат, то вы будете первым, к кому я обращусь. Тем более, что один из членов группы, судя по всему, окажется вашим родственником?

Лунин почти миролюбиво кивнул. Его нужно было дожать.

- Надеюсь, мы тогда докажем, что не зря айтишники едят свой хлеб, – и для страховки добавил: – С маслом.

Лунин опять кивнул в знак согласия – «масло», как Борис и рассчитывал, произвело впечатление.

Алиса Николаевна засмеялась.

- Вижу, вы умеете убеждать. А какие аргументы у вас есть для меня?

- Для вас? - Борис в ответ тоже улыбнулся. - Найдутся и для вас. Ваш сын очень способный...

- Начало для матери звучит приятно.

- Он лучший ученик на курсах, хотя самый младший по возрасту. Но это только теория. А поработав – поверьте на слово – над очень интересным и сложным проектом, он приобретет практику. И специальность. Востребованную специальность. Это серьезная страховка. Плюс его хороший английский. В жизни все может случиться. При необходимости без приличной работы он не останется не только у нас, но и в любой стране. Это серьезный довод? Для матери?

Павлик теперь мог вздохнуть свободно – все было решено. Борис обещал его много не занимать – раза два-три в неделю, и не во вред учебе. Стаж будет официальный, на полставки.

Попрощались вполне довольные друг другом. Антон Петрович даже предложил «на посошок», но Борис отказался. Хоть у него, как всегда, было при себе пятьдесят долларов на автоинспектора, но все-таки «за рулем» перебирать не стоило. Алиса Николаевна это оценила: человек серьезный и сдержанный, разумеется со скидкой на местные нравы и обычаи.

Борис считал, что именно с этого вечера он начал работу над проектом, которому дал многозначительное название «Телепат». Ему удалось за конец дня решить два очень важных организационных мероприятия. Первое из них - получение согласия родителей Павлика - оказалось приятным и не очень сложным делом, а второе закончилось к полуночи большим скандалом и потребовало немалого количества нервной энергии.

Когда он вернулся от Луниных, то застал в квартире недовольную – пока только недовольную - Лену. Дверь она открыла своим ключом, их отношения с Борисом были легальными для ее вполне современных родителей. Она могла остаться у него ночевать;

главное, не забыть предупредить предков, чтобы не волновались. Правда, Лена этим не злоупотребляла, не без помощи Бориса, который упорно отстаивал свою свободу, хотя все-таки шаг за шагом уступал позиции превосходящим силам – и красоте – противника. Но сегодня он решил, что отступить больше некуда, потому что активная общественно-тусовочная жизнь, в которую его втягивала Елена Прекрасная, и предстоящая серьезная работа были «несовместны».

Лена сидела в гостиной, за журнальным столиком, на котором стояла открытая бутылка «Саперави», два фужера – в одном вино, сыр на тарелочке. Ей было себя жалко, одинокая женщина а-ля «Любительница абсента» Пикассо. Борису не хотелось лишней нервозности ни для себя, ни для нее, но судя по насупленным красивым бровям сегодня вечером она обеспечит напряжение и без его помощи. А раз так, то семь бед – один ответ.

Примерно так все и произошло. Лена, не поднимаясь, привычно подставила щеку для поцелуя, и наверно аромат марочного армянского коньяка оказался сильнее «Саперави».

- Сыт, пьян и нос в табаке. А я сиди, жди его, голодная.

- Я же тебя предупреждал, родители Лунина пригласили меня. Был деловой разговор, за ужином. Ты все знала.

- Какие такие у тебя с ними важные дела? Мы же договорились пойти на открытие выставки... Можно было перенести твою беседу на свободный день. Или ты считаешь, что встреча со мной не повод для того, чтобы сказать: я сегодня занят?

Борис вздохнул.

- Лена, не так просто с тобой выбрать свободный день.

Лена вспыхнула, глаза засверкали, и Борис понял, что ее недовольство сейчас перейдет в более темпераментную стадию. Нужно было не дать произойти взрыву, иначе любые осмысленные разговоры будут невозможны.

- Подожди. Послушай. Есть очень важный разговор.

Он сел рядом, налил себе в бокал вина, немного добавил в другой. Все делал сосредоточено, серьезно и этим отвлек внимание Лены от намеченных ею эскапад.

- У меня намечаются перемены в работе, которые и тебя касаются. Я задумал большой и важный проект. Лунина я возьму в помощники, собственно поэтому и ездил к его родителям. Получать разрешение.

- А я тут при чем?

- В том-то и дело. Работать буду по вечерам, так что с тобой смогу куда-то пойти в лучшем случае в субботу. Работа будет тяжелая, как говорится, все отдай – да мало. Ни на что другое сил не хватит.

Лена не удержалась от привычного сарказма.

- У тебя и сейчас не на все сил хватает.

Ожидаемой реакции не было. Кажется, он действительно настроен серьезно.

- Не поняла, почему по вечерам, почему не в рабочее время, днем, как у людей, - она подозрительно на него посмотрела и стала опять раскаляться. – Может, это джентльменский повод для разрыва отношений? Так я не нуждаюсь в вежливости, таких, как ты, у меня...

- Я же просил не заводится. Проект мне никто не заказывал, платить не будут. Только расходы. Это самодеятельность. А днем я буду работать, за деньги. Жить-то надо.

Лена немного остыла.

- Почему Лунина, а не меня?

- Ты бы работала по вечерам? Да еще бесплатно?

Вопрос был риторический, это понимали оба. Поэтому вместо ответа Лена спросила:

- А зачем тебе эта самодеятельность?

- Очень важно. Я должен найти ответ на один вопрос. Знаешь, американцы говорят – вопрос на миллион долларов? Этот может стоить дороже.

- Ну не знаю... Если для тебя самодеятельность важнее, чем наши с тобой отношения...

- Почему одно должно исключать другое?

- А что я буду делать вечерами?

- Потерпишь. Я думаю, примерно за год уложусь.

Лена отшатнулась. Борис понял, что она пришла к окончательному выводу.

- Год? Год? – она задыхалась от ярости. – Ясно. Мне все ясно! Нет, миленький мой, это не ты, это я тебя бросаю! Я!

Она вскочила, подошла к шкафу, взяла пакет и стала нервно швырять в него какие-то вещи. Потом пошла в ванную, забрала зубную щетку, баночки и тюбики. Параллельно она громко и не очень мелодично произносила монолог, в котором Борису доставались самые нелицеприятные характеристики и эпитеты, в том числе неприличные и даже нецензурные. Время от времени Лена замолкала и вопросительно смотрела на него. Никакой реакции, останавливать подругу он определенно не собирался. После небольшой паузы монолог продолжался с новой силой.

Возле входных дверей она задержалась. Борис встал, подошел к ней и вежливо сказал:

- Я тебя отвезу.

Это было уж слишком. Лена ответила фразой, в которой единственным приличным словом было «такси», и вылетела из квартиры.

К своему стыду, Борис ничего не почувствовал, кроме облегчения. «Удивительная черствость, - подумал он, - мы встречались почти полгода, я видел от нее только хорошее. Почти только хорошее. Но в общем-то, финал был неизбежен».

Такие стрессы даром не проходят. Облегчение, о котором я упоминал, плавно перетекло в окончательно испорченное настроение, затем в самобичевание. Борьба с этим можно было только сном, по принципу «утро вечера мудренее». Он улегся в кровать, взял с прикроватной тумбочки книжку – была у него привычка почитать минут 20-30 что-нибудь художественное на сон грядущий, чтобы освободить мозг хотя бы на ночь от непрерывных иссушающих компьютерных проблем. Но сегодня даже не слишком сложные тексты и содержание «Сияния» Стивена Кинга до него не доходили. Пришлось книгу отложить до лучших времен.

Полночи он проворочался в постели. Послевкусие от скандала с Леной сменили более серьезные проблемы. Не стоит легко относиться к своей ответственности перед фирмой «Омега». За ними не только права на разработки Бориса, но и сила, что важнее любых прав.

Патенты сейчас оформляет Миша Ядловский. Ответ, безусловно, будет положительный, а значит, Борис фактически уже не хозяин своих идей, во всяком случае не единоличный. Но не выдумывать же все заново, это глупо. Для пущей безопасности придется теперь самому оформлять патент, обходить, по существу, его же предыдущий. Стандартное начало предмета изобретения «...отличающийся тем, что...». Придумывай теперь, чем отличается, лишняя морока, трата времени, но иначе от них не отвяжешься. Хотя нужно создавать фильтр-усилитель, так что нечего ворчать. Плохо, что все равно может быть скандал.

Последнее, о чем он подумал перед тем как наконец погрузиться в сон, – почему-то вспомнил мультик «Красавица и чудовище». Может, ассоциация с четой Луниных? Нет, вряд ли. И Лунин не чудовище, да и жена его не красавица. Просто симпатичная.

Борис умел планировать работу, умел выполнять намеченное, особенно когда был увлечен. И в таких случаях у него все складывалось как нельзя лучше. Вот и сейчас все на удивление совпадало. До конца договора с «Омегой» оставалось полтора месяца, до конца учебного года в школе у Павлика примерно столько же, и месяц до окончания курсов. На это время Павлик ему не нужен, пусть спокойно учится. Если постараться, то за полтора месяца Борис сможет продублировать весь комплект интерфейса «Омеги» у себя дома. Он уже не все помнил, придется сверяться с оригиналом, так что от работы, кроме денег, будет и конкретная польза. Неплохо бы позаимствовать парочку дефицитных деталей из комплекта запчастей.

Борис уложился в сроки, правда не без напряжения. Человек объективный, он оценил вклад, который внесла в эти успехи Елена Тимченко - в ее присутствии такое было бы просто невозможно. Лена после «развода» на курсы ходить перестала, на экзамены не явилась. Это было нехорошо и неправильно: она была способной ученицей, да и курсы были далеко не бесплатными. Борис - повторюсь, как человек объективный, – договорился с администрацией, и ей по почте переслали диплом об окончании курсов, законный и оформленный по всем правилам.

С «Омегой» расстались довольно мирно. Борис свою задачу выполнил, получил сигнал приличного уровня. Анализировать, исследовать результат должны были специалисты другого профиля. Кстати сказать, опытные гэбисты пока заявлять патент не собирались, держали в секрете, и напомнили Борису его обязательство о неразглашении. Бориса это больше чем устраивало. Как складывалось!

К началу школьных каникул система была готова, включая фильтр-усилитель и еще одно устройство - блок связи, о котором немного позже. Это было солидное «...отличающееся тем, что...».

Тандем начал работать в полную силу. Борис объяснил молодому соратнику суть идеи, тот был восхищен, но не удивлен – он и ожидал чего-то подобного по масштабам. Но свою лепту в определение уникальности задачи внес:

- Теперь мозг сам будет разговаривать, без помощи тела и разных человеческих причиндалов. До сих пор его только изучали как подопытного кролика.

Борис оценил – парень умел мыслить самостоятельно.

Работали они слаженно, взаимозаменяемо. По очереди сидели «у микрофона» - так называли подачу сигнала, – по очереди у компьютера. Система была настроена на параметры каждого, каждый вносил свою лепту. Борис больше занимался оборудованием, алгоритмами, а Павлик определенно имел склонности к программированию, было у него сочетание свежих мозгов и педантичного трудолюбия. Не обошлось и без проблемы - его трудно было вовремя отправить домой, а ссориться с Луниными Борис не хотел. И парень рвался на работу не два-три раза в неделю, как было условлено, а каждый день. Но это были трудности борьбы хорошего с еще лучшим.

С началом учебного года ритм изменился – до обеда Борис преподавал на курсах, а Павлик был в школе. А дальше у Бориса был ненормированный не только рабочий день, но и рабочая неделя. Для Павлика работа над проектом начиналась в будние дни – понедельник, среда, пятница - с четырех часов вечера и до тех пор, пока его удавалось выгнать домой.

У Бориса было очень важное качество настоящего профи, кстати, как и у истинного бизнесмена – он умел поддерживать хорошую физическую форму. Понимал, что без этого никакие долговременные результаты невозможны. Он жестко придерживался режима - обязательная утренняя зарядка, после компьютерных курсов шел домой быстрым шагом, примерно час ходьбы, вечером перед сном тоже часовая прогулка, в субботу пробежка вдоль берега моря. В ответ на заботу организм с успехом поддерживал работоспособность.

Золотая мама Алла Михайловна смирилась с тем, что сын уже не имел возможности у них подкармливаться, и теперь каждые два-три дня приезжала к нему. Она готовила еду впрок, из расчета на двоих - вместе с Павликом. Раз в неделю приходила уборщица, которую нашла и сурово контролировала Алла Михайловна.

Условия для работы были почти идеальными, и результаты не заставили себя ждать.

За период летних каникул они почти отработали словарь. А в конце сентября состоялось торжественное эпохальное событие – на экране компьютера появился текст: *«мама мила раму»*, мысленно проговоренный Павликом. Это легендарное предложение из старого букваря вспомнил, конечно, Борис, он тоже знал его только со слов родителей. Просто хотелось в первой записи чего-то исторического. На радостях они простили ошибку – «мила» вместо «мыла». С этого момента можно было считать, что идея стала реальностью. Хотя работы впереди еще было невпроворот. Словарный запас мизерный, чувствительность системы архаичная, программа пока еще зачаточная, примитивная. Но дальнейшее развитие уже было делом техники и, само собой, таланта, а того и другого у компаньонов хватало. С этого момента я мало буду сообщать об их производственных успехах; не только потому, что сам в этом почти не разбираюсь, но и уверен – вам подробности не интересны. Буду говорить в основном о делах житейских. А эти житейские дела волновали Бориса только с точки зрения их влияния на работу над проектом «Телепат».

Серьезная угроза нарушить рабочие планы возникла в октябре месяце. Тогда он убедился в правильности народной приметы – никакое доброе дело не останется безнаказанным. Диплом

об окончании компьютерных курсов, отправленный Елене Тимченко по почте, привел к неожиданным последствиям.

К своему удивлению, Лена за время разрыва их отношений – прошло больше четырех месяцев – не только не забыла свое увлечение, но поняла, что очень скучает, а может даже тоскует. Ее чувства оказались серьезными, и добавьте к этому непривычное состояние красавицы, которую впервые в жизни отвергли. И кто? Не миллионер, не какой-нибудь сердцеед, даже не популярный певец. Все вместе дало взрывоопасную смесь, да еще на базе вампизма, который оказался не только в ее внешности, но и где-то внутри. Она пыталась встретиться с кем-то из самых интересных или щедрых поклонников – ничего не получалось. Как будто сглазили. Больше недели-двух она ни с кем не выдерживала. Бандит-миллионер тоже снова принял участие «с серьезными намерениями», и один раз даже покалечил – чужими, правда, руками – одного конкурента. Напрасно, конкурента она бы сама выгнала, да и у бандита шансов не добавилось. Лене стало казаться, что иного выхода, кроме как вернуться к Борису, у нее не остается. Поэтому она постепенно убедила себя в том, что отправка ей диплома без экзаменов в нарушение законов, это признак раскаяния Бориса. Были у нее и сведения, что он никого не завел себе, а действительно «вкалывает как папа Карло». Источник этих сведений жил двумя этажами выше в доме Бориса, точнее жила, потому что это была бывшая его одноклассница Рита Ильина. Подруга Рита, так ее называл Борис. «Привет, подруга Рита». «Тебе звонила подруга Рита», – записка от мамы. И так далее. Так повелось со школы. Работала она главным бухгалтером компьютерных курсов.

Рита Ильина была в принципе интересным персонажем. Невысокая, пухленькая, не красавица, но и не урод, с хорошим ровным характером. Вполне нормальный человек женского пола. И при этом у нее не было никогда мальчика в школе, парня в институте, мужчины в последующие годы. Непонятно почему. Наверно фригидна, наверно не очень хотела, хотя даже не лесбиянка, но все эти признаки, мне кажется, еще не основание для такого поведения. У нее была младшая сестра, несколько внешне – да и внутренне – не лучше ее, но у сестры был полный комплект все периоды жизни, и в конце концов она вышла замуж за богатого человека. Рита жила с ними на одной лестничной клетке в холостяцкой, но неплохой двухкомнатной квартире и воспитывала двух их девочек. Ни она сама, ни все ее знакомые не сомневались, что ей суждено оставаться старой девой, но не злой и высохшей, а полной и доброй.

Рита была хранилищем секретов многих знакомых женщин и даже некоторых мужчин, она вызывала желание поделиться самым сокровенным – такое свойство характера. Все были уверены, что тайну вкладов она сохранит надежнее, чем любой банк. Так и было, за единственным исключением – по старой памяти она иногда доносила Борису секреты, касающиеся его лично. Она его опекала, тоже по старой памяти. Сам же Борис с Ритой не делился, он вообще был к этому не склонен, тоже свойство его характера.

Лена не избежала общей участи и обсуждала с Ритой свои проблемы. Можно сказать, они сдружились, вопреки кажущемуся явному несходству по всем параметрам. И узнав, что Борис ей не изменяет, что он просто весь отдался работе, Лена не выдержала борьбы со своими

чувствами, хотя изо всех сил старалась. Она позвонила Борису и сказала, что надо бы поговорить. Он – нужно признать нехотя – согласился, так никогда и не поняв, чего ей это насилие над собой и своей природой стоило. Свидание назначили на субботу, в семь часов вечера.

Лена для приличия опоздала минут на десять. Борис открыл дверь, помог ей в прихожей снять отороченную мехом курточку – на улице было прохладно. Эту курточку он ей подарил прошлой зимой, и надета она была не случайно. Не случайным и продуманным было все оформление: одежда, обувь, макияж. В будни Лена предпочитала брюки и кофточку; когда встречалась с Борисом, то надевала туфли на низком или среднем каблуке, чтобы не возвышаться над ним. Но сегодня она была в платье джерси, нежного персикового оттенка, даже не пытающегося скрывать достоинства фигуры. Лена гордилась тем, что ее пропорции были точно такими, как у Венеры Милосской, то есть 89-69-93, а ноги длиннее, чем у скульптуры Праксителя – все в пересчете на ее рост. Она даже в одной курсовой работе сделала программу, пересчитывающую пропорции скульптур на любой рост, Борис сам помогал ей эту программу готовить.

А чтобы хоть как-то скомпенсировать непривычное чувство неуверенности, она выбрала туфли с самыми высокими каблуками, которые оказались в наличии – двенадцать сантиметров. Посмотрев на себя в зеркало в прихожей Бориса и искоса взглянув на хозяина, она с удовлетворением подумала: «Если меня ждет фиаско, то я хотя бы смогу презрительно посмотреть на тебя сверху вниз».

- Знаешь, я уже стал забывать, какая ты красивая. Королева!

Борис сказал это совершенно искренне, но к своему удивлению, не почувствовал никакого восторга или просто влечения, только обострившееся сознание опасности. Было абсолютно очевидно, стоило только посмотреть в зеркало - рядом с такой женщиной нельзя оставаться трудоголиком, каким по существу он был вот уже почти пять месяцев. И каким твердо решил оставаться, во всяком случае до тех пор, пока не окончит проект «Телепат». Конечно, Лена заслуживает, чтобы ради нее отказаться от суеты сует, включая тщеславные мечты об успехе. Но только при одном условии – если любишь. У Бориса сомнений не оставалось: любви не было. И нет. И не будет.

Странно, почему так? И дело не только в том, что она может помешать работать. Объективно то, что он не любит Лену, так же удивительно, как и то, что она любит его. Или убедила себя, что любит. И то и другое нелогично. По мнению подавляющего большинства знакомых - и не только мужчин, – ему невероятно повезло, и непонятно, почему он этого не ценит. Борис и сам удивлялся.

Вот и сейчас, глядя на Елену Прекрасную, он почувствовал, что рука не подымается окончательно вычеркнуть ее из своей жизни. Но так сложилось, он должен выбирать. Какими бы не были ее намерения сейчас, нормально работать она ему не даст. Такова правда жизни. Кстати, выражение само по себе говорит о том, что правда это одно, а правда жизни что-то другое и часто не только нелогичное, но даже абсурдное.

Итак, вы уже поняли, что Борису было известно намерение Лены помириться и вернуться к нему - подруга Рита по старой памяти открыла доверенный ей секрет. Правда, она считала, что делает доброе дело; как и большинство других, она не представляла себе, что можно не ценить свалившегося на голову Бориса подарка судьбы.

Они с Леной вошли в гостиную, где на уже знакомом вам журнальном столике на этот раз вместо сиротливой бутылки «Саперави», стояло шампанское «Царское золото» с эффектной этикеткой, а взамен скромных кусочков сыра красивая ваза с персиками и другая – с набором шоколадных конфет. Борис пытался, острил про себя, подсластить пилюлю.

Они обменялись обычными репликами: хорошо выглядишь, - а ты усталый, заработался - как родители? – спасибо, все нормально, а твой? - тоже благополучно, отец немного прихварывает, сердце дает о себе знать.

Получилось, что серьезный разговор невольно начал Борис.

- Как на работе? Тебе добавили денег?

- Да, после того, как я получила ваш диплом. Боря, я хотела поблагодарить тебя, - это часть признания прошла легче, дальше было намного тяжелее. – И сказать, что я вела себя как дура, когда бросила курсы. Если бы не ты...

- Ну ладно, я тоже хорош...

Борис замолчал. Лена набралась мужества, брови сошлись к переносице.

- И вообще... я хочу признать. Скандал, который я закатила... Это было некрасиво...

Вместо того, чтобы помочь, понять, как это для тебя важно, я думала только о себе.

- Лена...

- погоди, дай закончить, раз я уже пришла. Я знаю, со мной такое бывает. Фигаро тут, Фигаро там. Трудно быть постоянным, когда вокруг сплошные комплименты и восторги. Но на этот раз не прошло.

Борис, хоть и обещал себе не идти ни на какие обострения, не выдержал.

- Почему не прошло, мне говорили, что у Фигаро было все в порядке. И тут и там.

Лена покраснела, мгновение казалось, она встанет и уйдет. Ей действительно было нелегко и непривычно. Они оба почувствовали, что тогда возврата уже не будет. Но – нужно признать – отнеслись к этому по-разному.

Лена овладела собой и с явным трудом продолжила. Даже голос стал хриплым.

- Во-первых, ничего не было. Но дело не в этом. Давай прямо, о самом главном. Я хочу помириться. Мне... мне тебя не хватает. Давай о главном. Как ты ко мне сейчас относишься?

Борис помолчал. Почувствовал, что напряжение слишком нарастает. Молчание становилось неприятным, обидным. И сказал то, что заранее продумал. Впрочем, это была правда. Или почти правда. Точнее та самая правда жизни, о которой я упоминал. Борис хотел, чтобы сомнений не оставалось и чтобы в то же время прозвучало не очень обидно.

- Хорошо, скажу. Ты знаешь мою историю. Я имею в виду бывшую жену. Она была умная и красивая. Моложе меня намного. Чем закончилось, ты знаешь. Лена, ты еще красивей, еще умнее, разница в возрасте у нас еще больше. И ты - скажу так – требовательнее. У тебя есть на

то основания. Наверно, я подсознательно... да, правильно, где-то внутри, понимаю, что тебя не удержу. Или буду думать, что не удержу. Все время буду так думать.

Лена пыталась возразить, но он перебил. Нужно было ставить точки над «і», так будет честнее.

- Вероятно, это сознание и подавляет чувства.

- Подавляет?

- Да, Лена, глушит. Сознание, что такую Елену мне не удержать. Я это почувствовал.

Вот теперь был финал. Борис понял, что все сделал правильно. Пожалуй, лучший вариант из всех. Во всяком случае это дало возможность Лене сделать вид, что она не только не обиделась, но даже польщена.

Они еще долго, больше часа поговорили, вроде бы довольно мирно. Допили шампанское. Борис высыпал в пакетик конфеты, отдал Лене, отвез ее домой и... вздохнул с облегчением.

Через несколько дней подруга Рита доверительно ему сказала:

- Боря, ты дурак, но это мое личное мнение. А что объективно – ты нажил себе серьезного врага.

Борис улыбнулся:

- Ну уж врага! Красивая женщина. Драться она не будет.

- Ей и не нужно. Она всегда сможет найти себе Фельтона.

- Какого Фельтона?

Рита историю знала слабо, зато «Три мушкетера» до сих пор были ее любимой книгой.

- Того, которого соблазнила миледи, чтобы он убил герцога Бекингема.

Посмеялись.

После объяснения с Леной жизнь и работа продолжались в привычном ритме. Опасность миновала. Борис проявил твердость характера и в то же время постарался выглядеть пострадавшей стороной, был джентльменом. Лена ушла из его жизни окончательно. Правда... изгнать ее из мыслей пока не получалось. Может, теперь он стал вспоминать о ней чаще, чем до полного разрыва. Особенно по субботам, когда он – опять-таки по жесткому расписанию – не работал. Хоть один день в неделю, но полный отдых должен быть! Утром пробежка по побережью вдоль моря, я об этом уже говорил. Вечером... вечером было сложнее. Читал, иногда ходил в кафе «Интер», где традиционно собирались айтишники со своими ноутбуками под мышкой – там был Wi-Fi. Как-то пошел на спектакль драмтеатра, хотя уже отвык ходить один. И к тому же знакомые его часто спрашивали – а где твоя красивая подружка? А однажды услышал, как кто-то, указывая на него, сказал:

«Это парень Елены Тимченко. Везет же людям!»

Как тут забыть! Иногда воспоминания о Лене приходили вечером и даже посреди ночи... Но Борис ни разу не пожалел о принятом им решении. Общего будущего у них с Леной не было, а ради возникающей время от времени ностальгии – чувством это трудно было назвать – обманывать человека не стоило.

Словом, продолжались жизнь и работа, хотя у Бориса на данном этапе это были синонимы. Как он и ожидал, сложности в «Телепате» возникали на каждом шагу, иногда они казались непреодолимыми. В последнее время не давалась пунктуация; например, появлялось слово «запятая» вместо знака. Как отличить одно от другого? И прочее, и прочее, и прочее. Будни неудач сменялись праздниками успехов, во всяком случае скучно не было. Это было творчество, а оно нелегко дается, но приносит радость.

Я еще не рассказал, в каких условиях наш тандем работал. У Бориса была вполне приличная квартира, сто двадцать метров квадратных – назло бывшей жене с расчетом на будущую семью. Довольно большая гостиная, спальня, кухня-столовая и еще две комнаты, одна из них проходная. Эти две комнаты они называли кабинетом. В одной был главный компьютер с оборудованием интерфейса и дополнительный – для программирования. В другой тахта и кресло для обследуемого, которого именовали абонентом, и система датчиков – тоже с соответствующим оборудованием. В первую комнату кабинета вела отдельная дверь из прихожей, поэтому редкие гости Бориса туда не попадали, разве что парочка доверенных компьютерных специалистов, помощь которых была иногда нужна. Мама Алла Михайловна шла прямо на кухню, иногда подруга Рита заходила поболтать, иногда появлялся старый школьный приятель Тимоша – вот, собственно, и все.

Но с ноября месяца, когда на улице стало рано темнеть, появилась новая посетительница. Это была мать Павлика, Алиса Николаевна. Она не могла допустить, чтобы в темноте мальчик добирался домой на автобусе. А главное – потом примерно полкилометра, может немногим меньше, шел пешком. В элитном районе, где жили Лунины, прохожие вообще не водились как класс, жильцы передвигались только на машинах. Но зато была мода на сторожевых собак, тоже в основном элитных. Иногда эти породистые, но не всегда воспитанные собаки появлялись вместо пешеходов на пустынных вечерних улицах.

Алиса Николаевна тоже была золотой мамой, она добровольно вызвалась проводить два раза в неделю уроки во вторую смену, в понедельник и пятницу. Занятия в музыкальной школе заканчивались в шесть часов вечера, работа у Бориса в лучшем случае в семь. Час ожидания, кафе, магазины, прогулка, если позволяла погода, – не каждая мама на такое бы пошла. Павлику машину пока не купили; остановка, естественно, была не за деньгами – водительские права по закону можно было получить только с 18-ти лет. Когда мать за ним не заезжала – в среду – он отправлялся на такси.

Сначала Алиса Николаевна ждала сына в машине, что нередко приводило к взаимному недовольству, потом, уступая просьбам обоих компаньонов, она подымалась в квартиру и ожидала в гостиной. Часто она приходила «на самом интересном месте» в работе, и Павлик просил ее подождать.

- Ей-богу, ты как маленький. Вернулись в детство. Вечно просил меня – мама, можно я еще поиграю пять минут.

Алиса Николаевна, когда не находилась на фоне своего громоздкого мужа, не выглядела хрупким эльфом, нуждающимся в опеке и защите. Невысокая женщина, стройная, но отнюдь не бестелесная. Сдержанная, тактичная, она безропотно сидела в гостиной, никогда не

высказывала недовольства. Читала свою электронную книгу, с которой не расставалась. И никогда не интересовалась, чем они занимаются. Но ситуация все-таки напрягала, особенно когда Павлик с Борисом в паре работали на передаче и приеме, им тогда приходилось прерываться действительно «на самом интересном месте».

Однажды изобретательный Павлик придумал, как извлечь пользу из этой проблемы. При распознавании слов очень большую роль играют индивидуальные свойства абонента, так же – по аналогии - как тембр голоса, особенности произношения, акценты при голосовом наборе текста. Они помучились, пока удалось сделать прием одинаковым для обоих. Но два абонента для статистики мало. Если система воспримет без доработки третьего, да еще женщину – это уже будет серьезный шаг вперед. Признак универсальности.

- Борис Алексеевич, - Павлик так и не смог уважаемого компаньона называть только по имени, - вы видите, какой надежный и терпеливый человек моя мама. Надежней не бывает. Давайте попросим ее стать абонентом. Вы знаете, как нам он нужен. И женщина. Борис Николаевич!

Борису такая мысль тоже приходила в голову. Но тогда прежде всего нужно будет рассказать, чем они занимаются. Борис не хотел пока обнародовать суть своих работ, но в то же время не был маниакально подозрительным. Лунина безусловно вызывала доверие. Так и порешили. И когда Алиса Николаевна следующий раз приехала за Павликом, Борис вежливо спросил, не сможет ли она задержаться минут на двадцать. Он хочет рассказать, над чем они с ее сыном работают. В общих чертах.

Борис увлекся, в двадцать минут не уложился. Они перешли в комнату интерфейса, Борис коротко – как мог – объяснил суть идеи. Сказал, что компьютер запишет текст, который молча, мысленно ему продиктует человек. При этом постарался не замечать иронической улыбки Алисы Николаевны. Потом Павлик ушел в другую комнату к микрофону.

- Давай! – громко сказал Борис.

В той комнате по-прежнему было тихо. Было видно неподвижное сосредоточенное лицо Павлика. И на экране стали появляться строчки:

«Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог. Всё!»

Когда весь текст появился на экране компьютера, и слово «занемог» было подчеркнуто красной чертой (ошибка), Борис громко спросил:

- Что ты продиктовал?

И Павлик повторил:

- Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог. Всё.

Эффекта они добились. Не только лицо, но и вся фигура Алисы Николаевны выражала удивление и даже потрясение.

- Это... Это не трюк?

- Мама!

Немного придя в себя, Алиса Николаевна сказала:

- Меня в детстве допекали. Чуть задумаюсь, - а со мной такое бывало часто, - сразу же слышу – ау, Алиса, ты опять в Стране чудес? И вот теперь я действительно там, в Стране чудес.

Борис был вознагражден за то, что решился все ей рассказать. Вознагражден с лихвой. Он расплылся в счастливой улыбке.

- Алиса Николаевна, а не согласились бы вы нам помочь? Нужен еще один абонент, желательна женщина.

- Мама, это нетрудно. По часу, всего раз пять – когда будешь заезжать за мной. Примерно так, Борис Алексеевич?

- Да, примерно так. Даже говорить не нужно будет. Только сидеть перед датчиком и думать.

- Мама?..

Алиса Николаевна согласилась с видимым удовольствием.

- Хорошо, но буду приезжать на час раньше. Хотя бы на улице без толку болтаться не придется, время проведу с пользой, - она добавила с улыбкой: – Для человечества.

Алиса Лунина фактически является моим соавтором – большую часть информации я получил от нее. Поэтому будет только справедливо, если я вас немного ближе с ней познакомлю. Но буду называть ее не Алисой Николаевной, а просто Алисой - наше уже довольно продолжительное знакомство дает мне это право.

Популярна теория, что характер человека в какой-то мере зависит от имени. Возможно, в этом что-то есть. Взять хотя бы литературу. Отрицательный персонаж не может быть, к примеру, Андрюшей, Володей, Степаном или Наташей. Это Вадим, Эдик, им может быть Игорь, Нонна.

Но пример Алисы Луниной более убедителен – имя популярного человека или персонажа определенно оказывает влияние на характер человека. Особенно если это имя не рядовое, не шаблонное. Тогда человека невольно сравнивают со знаменитым тезкой, поэтому бедняге - тоже невольно - приходится подтверждать или отрицать сходство. Всю жизнь, начиная с детства.

У моего соавтора тезками были два известных литературных персонажа – лиса Алиса и Алиса в стране чудес. И мне кажется, оба повлияли на ее характер. Чтобы не сравнивали с лисой, она с раннего детства старалась быть правдивой, искренней, добросовестной, хотя, думаю, в основном такой была от природы. А аналогия с Алисой в Стране чудес требовала романтики, приключений, жажды чего-то необычного. И это тоже было. Она действительно, как и сказала Борису, нередко уходила в себя, отключалась, и тогда из внешнего мира доносились призывы родителей, преподавателей, друзей – вернуться на грешную землю, в реальную жизнь: «Алиса, ты опять в Стране чудес?»

Но особенно ей нравилось то, что попадая в необычные обстоятельства, семилетняя девочка – героиня Кэрролла – не терялась, не пугалась, а спокойно, вежливо и терпеливо

старалась во всем разобраться. В этом Алисе виделся главный посыл сказки. Жизнь полна неожиданностей, и нужно быть готовым преодолевать проблемы разумно, терпеливо, находить контакты. Наша Алиса была уверена, что ее ожидает интересная, необычная жизнь и что она внутренне готова справиться с грядущими чудесами и, само собой, трудностями, так как одно без другого не бывает. Ее родители, зная характер и наклонности дочери, тоже – не без волнения – предполагали, что Алисе предстоит бурное плавание. К слову, родители были людьми образованными и уважаемыми, врачи во втором поколении. Борис правильно предположил, что она родом «из князи». Мать гастроэнтеролог, кандидат наук и зав. отделением, отец просто терапевт. Может поэтому, в семье был прочный матриархат, так что Алиса с детства училась нелегкому искусству управления мужем.

Итак, все окружающие, включая саму Алису, ожидали от ее будущего чего-то такого... ну как минимум не банального. Но правда жизни – та самая правда жизни! – рассудила по-своему.

Алиса выбрала музыку – она посчитала ее более романтичной профессией, чем преподавание литературы, – и поступила в консерваторию. Начиналось неплохо. Но на втором курсе – ей еще не было и девятнадцати, познакомилась с Павлом Луниным. Знакомство произошло на корпоративе новоявленных городских олигархов, где Алиса подрабатывала с бригадой консерваторцев. Тогда олигархи еще не приглашали всесоюзных знаменитостей, довольствовались местными кадрами. Лунин на общем фоне выглядел неплохо, хотя по разговору и манерам было заметно, что он хоть и закончил институт, но приехал из Измаила, тмутаракани. То есть вроде бы был «из грязи». На Алису это не очень повлияло, она не была снобом и знала, что его после института оставили на кафедре, а для этого нужно было обладать определенными достоинствами. Лунин почти закончил диссертацию, но бизнесмен в нем победил кандидата наук. А деньги, роскошная машина, достраивающийся большой дом с участком в хорошем, уже тогда элитном районе произвели впечатление даже на совершенно немеркантильную Алису – тяжелое было время. И сам Лунин в те годы еще был подтянутым, атлетически сложенным, не накопил жирок, лицо еще не приобрело налет властности и хамства, свойственный многим «новым русским». Словом, произвел впечатление. Он сразу и навсегда был покорен Алисой и с самого начала не скрывал желания оказаться у нее под каблуком. Пример благоденствия семьи Алисы под управлением матери тоже сыграл свою роль.

Короче, через месяц знакомства они поженились. Мгновенно выйти замуж за миллионера, да еще внешний контраст пары, все эти новости подтвердили надежды общественности – Алиса, как и ожидалось, удивила. Но на этом все и закончилось. Муж не давал на нее пылинке упасть, она была как за каменной стеной. Серьезного музыканта не получилось, мотаться с второразрядными ансамблями или аккомпанировать второразрядным исполнителям смысла не было, и Алиса нашла постоянную – не очень хлопотную – работу в музыкальном училище, была там на хорошем счету. Ко всяким тусовкам была равнодушна, кокетства, легкомыслия и авантюризма практически лишена. Словом, с первых дней и по настоящее время она вела спокойную, обеспеченную жизнь, не избилующую особым разнообразием. Были, правда,

поездки на отдых за границу. Даже один раз Лунин снял яхту, организовал круиз по Средиземному морю вместе со своим партнером и его семьей. Алиса подозревала в партнере бывшего заключенного, правда по экономическим преступлениям, что в то время даже считалось достоинством. Она всегда была вежлива и контактна, но удовольствия от общения с этой компанией не испытывала.

Описанная жизнь может показаться сказкой только для малоимущих, а Алиса так жила уже двадцать лет. Она не роптала – было бы глупо, – но осознавала: в Страну чудес попасть ей так и не удалось. Поделиться этими мыслями она ни с кем не могла, любой нормальный человек ей бы сказал – с жиру бесишься. Она ни с кем и не делилась.

Итак Алиса с удовольствием приняла предложение Бориса, стала не только приезжать сразу после окончания уроков, но и в тот день, когда у нее второй смены не было, то есть в среду. Борис с Алисой легко нашли общий язык и даже не слишком соблюдали пиетет – по взаимному согласию они стали называть друг друга только по имени, хотя оставались на «вы» – так было проще работать. Она оказалась способным абонентом. Хороший слух, хорошая дикция, добросовестность, выдержка и тактичность, чего еще можно желать? Хотя непредвиденные трудности на первом этапе все-таки возникли. У нее оказалась плавающая, нестабильная точка максимального сигнала. Борис заподозрил, что эта особенность касается всех женщин – предположение в дальнейшем полностью подтвердилось. Еще одно доказательство непостижимости прекрасного пола, на этот раз научное. Словом, Борису пришлось изобретать автоматическую подстройку, тюнинг, еще одно «...отличающееся тем, что...». Тоже полезная вещь, но на это ушло почти две недели.

Павлик все это время был почти не у дел. И наконец однажды попросил разрешения поехать к Кате и помочь ей с математикой. Мать знала о романе сына с его соученицей и не возражала, потому что Катя жила недалеко, а в центре города вечером было относительно безопасно. Борис разрешил.

Алисе работать было интересно, а вот общение с Борисом особого удовольствия не доставляло. Его, кроме работы, казалось, не интересовало ничего. Впрочем, как и Павлика. Это не на шутку начинало ее беспокоить. Когда она приходила, то делилась новостями.

- Какое ужасное обострение на востоке. Сколько убитых...

- Да? – в ответ звучало довольно равнодушно. Они не включались.

Попытки рассказать о важных событиях в мире искусства, впечатления от новой нашумевшей книги тоже никакого впечатления не производили.

Постепенно она пришла к определенным выводам. Вкратце, это выглядело примерно так. Конечно, это была Страна чудес. Алисе в кабинете Бориса казалось, что она... нет, не попала туда, а увидела людей, которые не только находятся в этой стране, но и ее создают. И дело не в том, что ее собственный мозг напрямую печатал тексты на компьютере. Это конечно удивительно, но в наш бурный век всеобщей компьютеризации, когда из-под каждого куста торчит камера, когда в каждом кармане компьютер, когда бионика соседствует с

клонированием и генной инженерией погоняет, в наше время поразить чем-то трудно. Чудеса и сказка были в одухотворенных, счастливых и в то же время сосредоточенных лицах Павлика и его учителя. Компаньоны были в другом, параллельном, а может, перпендикулярном мире. Во всяком случае, не в этом.

По мнению Алисы это было и хорошо и плохо. Одновременно. Прекрасно, что они увлечены, что у них заполнена интересом каждая секунда жизни. Но помимо своей работы они ничего не замечают. Они становятся теми узкими и глубокими специалистами, о которых говорил Борис. И тоже чем уже, тем лучше. А ведь в мире кроме профессии есть много чудес. Алиса была уверена, что только гармоничность интересов может дать человеку счастье и ощущение полноты жизни. Если человек – она себя имела в виду – не испытывает эмоций, интереса, живет просто как живет, конечно, это из рук вон плохо. Но и увлеченный работой нормальный человек должен думать о многом. Духовность, широта интересов не входит в необходимый перечень талантов специалиста-айтишника, но нормальному человеку это необходимо.

А Борис, но главное - вслед за ним Павлик, как она и боялась, становятся засушенными и однобокими специалистами. Это ее пугало. Кажется, она поспешила, когда на основании только одного параметра – грамотной речи Бориса - пришла к выводу, что он человек читающий и достаточно образованный.

Шла вторая неделя ее участия в проекте. Была пятница, 30 декабря, впереди были зимние каникулы, на время которых Борис объявил перерыв. Вечером работали только Борис и Алиса, Павлик ушел помогать Кате. Тему закончили раньше, чем предполагали, и дожидались его возвращения. Наступила неловкая пауза, общаться вне работы они не привыкли. За окном шумел ветер, в стекла стучали капли дождя.

Борис предложил выпить немного шампанского и предварительно встретить Новый год. Алиса согласилась.

Они перешли в гостиную. Борис достал вторую бутылку «Царского золота», которую он не использовал в уже описанной встрече с Леной Тимченко, конфеты тоже еще оставались. Тот же журнальный столик, те же фужеры. Они немного пригубили, не чокаясь, и Борис сказал:

- Мне кажется, что вас последнее время что-то заботит. Я действительно затянул больше, чем мы договорились. Но новое дело всегда таит сюрпризы. И мы уже почти закончили.

- Нет, - сказала Алиса и допила шампанское. - Дело не в этом.

Борис долил в оба фужера.

- А в чем?

Алиса посмотрела ему в глаза. Глаза были хорошие, внимательные. Неглупые. Пожалуй, красивые. И сказала ему примерно то, что написано чуть выше начиная со слов: «Постепенно она пришла к определенным выводам». Не поленитесь и перечитайте эти строки, тогда мне не придется их вам повторять.

Борис внимательно ее слушал, не хмурился, не обижался. Алиса говорила, глядя ему в глаза, и видела в них только внимание. Она и раньше замечала, что глаза у него

выразительные. Он мог осуждать, одобрять, иронизировать, поддерживать и отторгать только глазами. Сейчас они ей сочувствовали. Может, поэтому конец продолжительной речи, судя по содержанию, она посвятила самой себе. Не последнюю роль в этом сыграл и второй фужер шампанского, который Алиса потихоньку опорожнила во время монолога. Она обычно пила брют, а это было полусладкое. Попроще, но покрепче.

- Бывает, к сожалению, что человек не умеет наслаждаться разнообразными радостями жизни. Оказывается, не всем это дано. – Она очень печально вздохнула. - Но даже в этом случае он должен оставаться гомо сапиенсом, не заикливаться на чем-то одном, даже очень важном. Думать о своем предназначении, для чего он появился на свет божий. О том, что было раньше, что происходит сейчас. С ним и не только с ним. О том, что будет. И что с нами произойдет, когда нас... не будет. Потом. Вы понимаете, что я имею в виду?

Борис кивнул.

- Понимаю.

- Если хотите – нужно думать о душе. Не в религиозном смысле, я атеист. В смысле духовности. Если вы гомо сапиенс. – Она остановилась. Спыхватилась. – Кажется, меня высоко занесло. Давно я так красиво не говорила. Давайте последнюю фразу вычеркнем из нашего разговора. Вы, наверно, считаете это допотопными интеллигентскими завихрениями... И правильно считаете.

Я не стану утверждать, что на Бориса тоже подействовал второй фужер шампанского, как-никак мужчина, вряд ли. Скорее обстановка доверия, а может, человеческое обаяние собеседницы. Но и без шампанского дело не обошлось.

- Нет, Алиса, я так не считаю. Мало того – и сам грешен.

- То есть как грешен? В чем?

- В размышлениях о высоких материях. Но наедине с собой, в свободное от работы время. И тоже о том, что было, что будет. Чем дело кончится, чем сердце успокоится. И даже о душе. Кстати, о ней в первую очередь.

- Вы верующий?

- Нет. Просто у меня такое хобби. Я бы даже сказал, целая теория. Для внутреннего потребления.

- Можете мне о ней немного рассказать? Павлика пока нет. Ночь перед Рождеством. Здесь тепло, на улице холодно и дождь со снегом.

- Вы умеете убеждать. Но... нет, простите. Я же говорю – только для внутреннего потребления.

- И вы никому об этой теории никогда не говорили?

- Конечно, нет, меня считают здравомыслящим человеком.

- Сейчас самое время рассказать, – и Алиса повторила то, что ей казалось очень важным: - Ночь перед Рождеством! Святочный рассказ! Надеюсь, в нем есть чудеса и нечистая сила?

- Есть. И чистая, и нечистая. Всякая.

Борис наконец улыбнулся не только глазами. А Алиса рассмеялась. Он первый раз услышал ее смех. Приятный, такой, какой и должен быть у эльфа.

- А давайте. Попробую. Самому интересно, как это будет звучать. Но при условии, что вы ко всему серьезно не отнесетесь. Как к ненаучной фантастике. Нет, даже как к фэнтези. Кстати, самый популярный сегодня жанр. Никаких ограничений, бросай в кастрюлю все, что хочешь, как ирландское рагу у Джерома. Смешай события, времена, реальность и выдумку, взболтай...

- Да, - поддержала его Алиса, – и получишь «День опричника».

- Это тяжелое блюдо. Я имел в виду полегче, Стивена Кинга...

- Не отвлекайтесь. Давайте ваше фэнтези... И еще немного шампанского.

Борис разлил остатки поровну, поставил пустую бутылку под стол. На этот раз они чокнулись, но без тоста.

Шампанское и вино почти сразу дают реакцию, быстрее, чем крепкие напитки, вспомнил свой житейский опыт Борис. В голове у него прояснилось. А Алиса подумала, что давно уже не была такой бойкой, как сегодня. Они удобно устроились, откинулись в креслах. Она приготовилась слушать, он говорить.

Немного подумал.

- Не знаю с чего начать. В литературе часто так говорят перед длинным монологом. Я думал, что это просто шаблон, а сейчас понимаю...

- Не отвлекайтесь.

- Ну, хорошо. Но учтите, это фантазии айтишника. Специфика. Кстати, вы знаете, что значит аббревиатура Ай-Ти?

- Мне Павлик рассказал. Информационные технологии.

- Учтите это. И еще одно. Я атеист и стопроцентный сторонник эволюционной теории Дарвина, ее доказывают история и археология. Поэтому исходил из того, что Бога нет и все, что связано с религией, предрассудками, суевериями и прочим, только легенды. Но эти легенды, как мы видим, очень стойкие, многовековые, их не стоит сбрасывать со счетов. Возможно, в них есть вполне реальный смысл и они являются производными от действительности. Поэтому такие живучие. Я попытался связать эти мифы с реальностью и объяснить эту связь – такую первую задачу перед собой поставил. В самой этой идее нового немного, любой следователь в детективе доказывал, что «чудо» имеет реальное объяснение. Важно само объяснение.

Оказывается, очень непросто писать длинный монолог героя, придумывать ему особенности речи, манеру и так далее. Давайте-ка продолжу его рассуждения своими словами. Все равно это непрямая информация, я - как уже говорил – только доношу то, что и как понял.

Как все началось. Однажды Борис где-то прочитал, что пути развития человека и обезьяны разошлись уже два-три миллиона лет тому назад. Бог не создал человека по своему образу и подобию на пятый день, происходило это постепенно, тысячелетиями, поэтому вероятней всего нашей эволюцией занимался не Он, а терпеливая природа. Почему же такими разными оказались результаты этих тысячелетий? В человеке постепенно, путем долгой эволюции появилось принципиально новое качество, которого нет ни у одного живого существа. Это,

как вы поняли, интеллект. Разум. Огромный объем информации и возможность им оперировать - с точки зрения Ай-Ти. Это принципиальные перемены. Почему они произошли, точнее каким образом? Человек физически мало чем отличается, скажем, от орангутанга, многие даже очень на него похожи, но интеллект совершенно другой – разум! А значит вполне вероятно, что только одного даже более развитого, чем у орангутанга, мозга оказалось недостаточно. В человеке все изучено, от «А» и до «Я», однако принципиальных отличий, скажем, от человекообразной обезьяны не нашли. А возможности несравнимы. Значит, опять-таки вероятно, в человеке появилось в результате эволюции нечто такое, чего пока обнаружить не удалось. Скорей всего в нашем развитии заложена какая-то принципиальная новация, то, чего нет у животных, иначе бы такого огромного скачка не произошло. Если бы это было какое-то физическое отличие, то ученые его давно бы обнаружили.

Потом Борис призвал на помощь религию, но сделал это очень своеобразно. Попытался объединить реальность и легенду, как и обещал. Примерно так. Отличие от всех представителей животного мира дает основание религиям утверждать, что человек - единственный - создан по образу и подобию божию. В чем это отличие? В том, что в человека Бог вложил душу. Что такое душа, точно неизвестно, это некое скорее моральное понятие, обнаружить ее тоже не удастся. И даже неизвестно, что она собой представляет. Что-то мистическое, а значит неконкретное. Но зато наличие у гомо сапиенса разума сомнений не вызывает. Так почему то и другое не может быть одним и тем же? И Борис сделал еще одно смелое предположение: душа и есть мифологическое название разума и интеллекта. Но с нравственным оттенком. И в этом отношении мог считать себя сторонником Декарта, с точки зрения которого душа имеет одну-единственную функцию - мышление. Поддержка такого авторитетного философа и ученого, хоть и жившего четыре столетия тому назад, приободряла.

Во многих религиях душа, в той или иной форме, присутствует в человеке и покидает его тело после смерти. А мы уже решили считаться с такими стойкими легендами. Мозг, обратите внимание, тело не покидает. Именно душа участвует во всех религиозных вариантах жизни после смерти. Говорят, что оттуда никто не возвращался. Да, не возвращался. Но забывают, что туда никто никогда и не уходил. Все тела со всей начинкой остаются на земле. Как можно вернуться, если не уходил? Уходила только душа. Но куда?

И снова Борис призвал мифы себе на помощь. Он имел в виду загробный мир, который в разных формах признается почти всеми религиями. Если загробный мир материален, то где он может быть? В параллельном мире? Это уж слишком! Древние греки хотя бы под землю его загоняли, в царство Аида. Где-то по соседству? Мы не только все вокруг на сотни световых лет видим, но и прощупываем самыми разнообразными приборами. Где этим материям скрываться? Похоже на абсурд. То есть материальный загробный мир это не более чем иллюзия, очень сильное желание человека, сознающего, что он смертен. Загробный мир вряд ли реален, как и параллельные миры. А вот, скажем, свет, гравитация, электромагнитные поля и т. д. в космосе прекрасно сосуществуют.

Далее. Если душа, она же разум, покидает тело человека после смерти, а мозг остается, значит мозг не единственный источник разума. Возможно природа постепенно развила в

человеке – только в человеке! - новую форму сознания, параллельно с привычными функциями мозга, который, как я уже говорил, исчерпал свои возможности.

Чтобы объединить все сказанное и устранить противоречия, природный айтишник Борис Мазуров предложил – правда, только самому себе - такой вариант:

Известно, что информация без носителя не может существовать, но носителем может быть не только физическое тело. Вот на базе такого пока неизученного нами энергетического поля – не эзотерического, а реального, разновидности электромагнитного – в результате эволюции у человека разумного, гомо сапиенса, кроме мозга появился мощный блок хранения и обработки информации. И произошло разделение сфер влияния - мозг, как и у всех животных, обеспечивает жизнедеятельность тела в реальном мире, к чему он исторически приспособлен, а новый блок - это епархия разума. Компьютерщики знают, что накопитель информации объема и энергии почти не требует, долго сохраняет свои свойства, а создание его на каком-то поле-носителе вряд ли в наш век чудес может серьезно удивить.

Мозг умирает быстро, через пять-шесть минут происходят необратимые изменения. Тогда энергетическое поле, не связанное механически с телом, может от него отделиться – «душа отлетела», «отдал Богу душу». И еще долго сохранять информацию о человеке. Его разум. А значит, в определенном смысле душу.

- Как флешка? - выдохнула Алиса, которая слушала как зачарованная эти сказки Страны чудес.

- Мне тоже флешка в свое время сразу пришла в голову. Допустим, только не материальная, - согласился Борис, - но вполне самостоятельная. Хорошо, назовем это флешкой. Когда мозг умирает, флешки «отлетают» и остаются в пространстве, над нами, сохраняют заложенную в них информацию, то есть разум - она же душа, и почти не требуют дополнительной энергии. Как им, флешкам, и положено.

- И над нами сейчас миллионы этих душ? – она с восторгом и ужасом посмотрела в темноту за окном.

- А почему бы им там не быть? Они не мешают друг другу, никому не мешают. Поэтому мы их и не обнаруживаем. Это всего лишь пока неизвестные нам небольшие энергетические поля. А там, в бесконечном пространстве, места всем хватит. Поэтому суть моего (или моей?) фэнтези - легенда о загробном мире не совсем легенда, хотя оттуда не возвращаются. И поэтому все-таки кое-какие сигналы до нас доходят, но мы их считаем предрассудками и суеверием. Примеров хватает...

Алиса все с тем же восторгом и ужасом его перебила.

- Это и есть «все там будем»? Но пока все умозрительно?

- Конечно, умозрительно. Алиса, я просил не относиться к моему святочному рассказу серьезно. Хотя... Мы сейчас, кстати, с вами вместе, можем настроиться на конкретного человека, ловим сигналы, то ли его мозга, то ли, как вы говорите, флешки. Но если окажется, что человек умер, а его флешка продолжает работать, вот тогда мое фэнтези... Между прочим, был однажды серьезный намек, который и навел меня на эти мысли.

В это время прозвенел звонок в дверь. Пришел Павлик.

- Какой намек? – с увлечением пыталась продолжить разговор Алиса.

- Как-нибудь в другой раз, - остановил ее Борис. - Не забудьте, все считают меня здравомыслящим человеком.

И он глазами указал на Павлика.

Тот сразу же заметил не только следы пиршества, но и бутылку под столом.

- Что празднуем?

- Новый год, авансом. Тем более, что ты задержался на домашних занятиях.

- Ма, извини. Но мы тоже, честно говоря, немного встретили. И тоже авансом.

Лунины откланялись. Все взаимно пожелали друг другу в новом году здоровья, успехов, счастья - впереди было непривычно длинное расставание, целых две недели.

Алиса после шампанского ехала осторожно и медленно, хотя у нее тоже с собой было пятьдесят долларов. В эту неприветливую и мрачную погоду, как издревле повелось на Руси, на большую дорогу вышли нынешние потомки разбойников – автоинспекторы, вооруженные вместо кистеня жезлом. Но Алису не останавливали, женщин за рулем щадили. Потом они попали в пробку, в такую погоду – дождь со снегом и стало немного подмораживать - авария не редкость. Словом, до дома они добирались долго, времени на общение было больше чем достаточно. Алиса была под впечатлением фэнтези Бориса. Особенно – как и положено женщинам – ее мучило любопытство, потому что история оборвалась на самом интересном месте. О каком намеке ей не успел рассказать Борис? Ведь если что-то действительно реальное, то его идея становится не просто занимательной, это... это!.. И во всех случаях мысли у Бориса интересные и необычные. А сам он...

- Твой преподаватель все-таки интересный человек.

- Ага, дошло, наконец! – обрадовался Павлик. Его огорчало, что мама и Борис не находили контакта, не заметить этого было нельзя. – Голова в нашем деле у него работает дай боже.

- Не только в вашем деле. Да, сынок, признаю, твой учитель хороший пример для подражания. Нет, просто хороший пример.

А через некоторое время.

- Он так и живет один?

- Был женат. Разошелся. Жена уехала за границу и дочку увезла. Жена была красивая.

- А ты откуда знаешь?

- Весь женский пол на курсах только о нем и судачит.

Алиса задумалась, прилично ли у ученика расспрашивать о личной жизни учителя. Но Павлик уже сам включился.

- Сама Лена Тимченко, Елена Прекрасная, с ним встречалась, все знали, что втюхалась в него по уши...

- Павлик, что за выражение!

- Это не выражение, а всем известный факт. Но когда мы начали проект, они разбили горшки. Наверно, из-за того, что он теперь все время занят. Круглые сутки работает. Женщины этого не любят. Особенно первые красавицы города.

- Ух ты, специалист по женщинам.

- Лена даже с курсов ушла, не доучилась. И на экзамен не пришла. Но говорят, что Борис ей диплом по почте отправил. Человек!

Потом Павлик отключился, стал подремывать. Алиса изо всех сил старалась не последовать его примеру. Доехали благополучно...

Новый год Лунины встречали в банкетном зале мэрии, среди городской элиты. С ними за столом сидел неизменный напарник Антона Петровича с женой, которую по слухам хотел менять на молодую. Через стол сидел мэр, что было признанием заслуг Лунина. Гордости, а тем более веселья Алиса не испытывала, ей на этих банкетах было привычно скучно. Под тосты и раздражающий уши музыканта оркестр она вспоминала предварительную встречу Нового года у Бориса. Там было интересней.

Потом пошла череда праздничных дней, с точки зрения Алисы довольно однообразных – выпили, закусили, снова выпили и снова закусили. Мэр предложил Лунину и его напарнику присоединиться к его компании и слетать на неделю на Канары, но Алиса сослалась на недомогание и отказалась. Вопрос отпал. Слово и здоровье Алисы было самым главным для Лунина, важнее отношений с мэром, напарником и даже бизнеса.

Алиса отключалась от бесконечных, в основном нетрезвых разговоров, сопровождавших зимние каникулы, погружалась в воспоминания о беседе с Борисом. Больше всего ее впечатлили его идеи об устройстве загробного мира. Конечно, она в это не верила, но сама возможность все-таки напрягала. Она смотрела, особенно по вечерам или ночью, на мрачное небо - тучи, снег, холод. Бр-р-р! Души смотрят на нас из этой бездны. Не только звезды, как у Кронины, - души смотрят вниз. Конечно, они не испытывают ни холода, ни эмоций, но все равно бр-р-р! Хорошо, если Борис окажется неправ. Лучше никакой загробной жизни, чем такая.

А иногда она думала иначе – почему люди, особенно в старости, надеются на существование «того света»? Ну, во-первых, из естественного желания сознавать, что это еще не конец. Но главное другое – потому что очень хочется узнать, что будет дальше с миром, с родными, и при этом не испытывать неизбежных мучений и унижений глубокой старости. А ведь эти души над нами – если они есть – всё знают, все видят и не страдают...

И вдруг впервые за последние годы она услышала почти забытое:

- Ау, Алиса, ты опять в Стране чудес? Может, выпьешь с нами?

Она этому обрадовалась и даже на какое-то время поверила, что еще есть надежда... нет, не попасть в сказку, уже поздно, а хоть одним глазком туда заглянуть.

Хуже всего было то, что никому нельзя рассказать о фэнтези Бориса – так она привыкла его теории называть. Она попыталась поговорить с мужем просто о высоких материях, о душе, о цели в жизни, о предназначении. Результаты были удручающими. Муж сказал, что его главной целью является приобретение большого колбасного завода, и он найдет способ укоротить

хозяина, который называет его рейдером и рэкетиром. Алиса с трудом перевела разговор на свою головную боль.

Прошло дней десять из намеченных Борисом двух недель отпуска. Оказалось, Алиса с нетерпением ждала новой встречи, ее мучило любопытство – был реальный «намек» или это опять только рассуждения? И при обдумывании накопилось много вопросов на эту тему. Как в таких случаях и бывает, время тянулось медленно.

Рассказать об услышанном за журнальным столом в сопровождении «Русского золота» она не могла, и поэтому с большим удовольствием поделилась со своей ближайшей, а может даже единственной подругой впечатлениями о Борисе. Интересное совпадение: эту школьную подругу тоже звали Ритой.

Они, как обычно, договорились встретиться в кафе «Солнышко» – Рита не очень любила приходить к ним домой. Алиса после двух-трех приветственных слов начала рассказывать о своем новом знакомом, Борисе – «ты его не знаешь». О том, что он компьютерщик, преподает на курсах у Павлика. О его авторитете специалиста, о том, что он предложил Павлику временную работу, и она тоже им немного помогает. Но довольно быстро Алиса перешла на описание. Красивые умные глаза, хорошая улыбка. Сдержанный. Манера держаться спокойная, уверенная, вызывает уважение. Красавцем не назовешь, но какое-то обаяние определенно есть. А для Павлика он кумир. И думает, можно сказать, необычно, не банально...

Алиса внезапно остановилась, поняв, точнее сама услышав, что мнение это далеко не равнодушное. Скорее пристрастное. И Рита посмотрела на нее подозрительно:

- Аля, я никогда не слышала, чтобы ты так кем-нибудь восхищалась. Алька, может, это неспроста?

Алиса ответила не сразу. Сначала хорошенько подумала. Неужели она действительно увлеклась Борисом? И пришла к твердому выводу – не просто нет, а ничего похожего. Ее поразили результаты его работы и смелые предположения о мироустройстве. Как автор этих идей он, безусловно, заслужил ее уважение. И даже, возможно, восхищение. Как автор, не как мужчина, а это далеко не одно и то же. И ее энтузиазм в описании Бориса только отражение отношения к его идеям, о которых она не имела права рассказывать, не больше.

- Нет, Риточка, не волнуйся. Он не принц на белом коне. Исключено.

- Тогда, пожалуй, жаль. Я не волновалась, даже скорей обрадовалась. Мне показалось... Уж очень ты оживилась. Как будто вернулись в прошлое...

- Не вернулись...

И они перешли к другим темам.

Алиса постепенно становилась все более пассивной, даже бокал вина – выпили за Рождество – не помог. Она неожиданно для себя почувствовала огорчение. И с удивлением осознала, что уже не ждет встречи с Борисом, даже предпочитает ее оттянуть, насколько возможно. Откуда такая резкая перемена настроения? Но подумав, поняла, в чем причина. Нет никаких сомнений, что «намек», о котором она с волнением думала, окажется просто мыльным пузырем. И тогда окончательно станет ясно, что все ее ожидания просто нелепость.

Она, как в детстве, снова обманулась, нет Страны чудес. А Борис в таком случае окажется не волшебником, а просто банальным обманщиком, пускающим пыль в глаза за бокалом шампанского.

Алиса почувствовала, что восхищение им – пусть только как автором – уступает место даже, пожалуй, враждебности. Хлестаков! В этот момент она не вспомнила, что чтение мыслей на расстоянии – а точнее печатанье мыслей на компьютере – было в реальности, что это не миф и не пыль в глаза.

Словом, Алиса Лунина доказала, что даже у самой серьезной, спокойной и рассудительной женщины имеется плавающая, нестабильная точка настройки на максимальный сигнал. Она на практике подтвердила уже упомянутый научно-компьютерный вывод Бориса.

После этой встречи Алиса не только вернулась в прежнее спокойно-равнодушное состояние, но даже, как сказал Павлик, потухла. А Антон Петрович забеспокоился.

- Алисочка, ты какая-то невеселая? Голова болит?

В общем-то это было странно, к резким перепадам настроения Алиса не была склонна. Ее состояние было очередным уроком правды жизни - не стоит очаровываться надеждами на то, что где-то в мире остались чудеса, что в мире еще могут быть перемены и что есть люди, которые верят – действительно верят! - в сказку. Потом больно разочаровываться.

Павлик горел желанием начать работать и считал дни. В воскресенье он сказал Алисе:

- Ма, завтра идем на работу. Эти дурацкие каникулы...

Но к своему удивлению, единомышленника в ней не нашел.

- Не знаю, завтра у меня педсовет...

- Ма, ты что?! Это же работа!

- Твоя работа, не моя. Ладно, успокойся, приеду, только, может, попозже.

Приехала к Борису с неохотой, почти на час позже. Сидела в кафе.

Борис рассказал, что на каникулы ездил в Карпаты с Тимошей. Он, оказалось, увлекался горными лыжами. Выглядел посвежевшим, лицо обветренное, загорелое. Несмотря на враждебность, Алиса отметила, что даже симпатичное. Павлик Бориса разоблачил – он узнал, что с ними ездили какие-то девицы из их компьютерной группы. Так как они уже окончили курсы, то ничего непедagogического в этом не было. Борис поморщился – он не любил фривольностей со стороны Павлика. Тот понял и прикусил язык.

Алиса начала работу неохотно. Борис это почувствовал – хороший педагог не может не реагировать на настроение подопечных. Он сказал, что постарается сегодня закончить программу с Алисой. Установил камеры, направленные на нее, на экран, синхронизировал их, словом сделал необходимые приготовления. И Павлик тоже работал со вторым компьютером, нужно было зафиксировать последний диктант.

Но окончания работы не получилось. В тексте, который мысленно наговорила Алиса, было придаточное предложение, и к удивлению участников в нужном месте на экране появилась запятая. Я уже говорил, что с пунктуацией были проблемы и Борис отложил эту задачу до лучших времен. И вдруг запятая. Как, откуда?

Алиса объяснила, что представила ее себе в тексте. Вы уже знаете, что они получить картинку на экране не могли, тогда откуда запятая?

- Я ее не увидела, а представила, может в этом отличие?

- Как это произошло?..

Не буду углубляться, но началась дискуссия – пробы, азарт. То же только с еще большим энтузиазмом продолжалось в среду. И Алиса втянулась. А заодно проявилось скрывающееся на задворках памяти любопытство: так все-таки, о каком «намек» шла речь? При Павлике этот разговор начинать не стоило. Отложила на потом.

В пятницу и понедельник опять работали над запятой, заодно и над точкой. У Бориса и Павлика долго не получалось ставить знаки, Алиса им объясняла, что и как нужно думать. Было интересно. Борис официально объявил ее соавтором, сказал, что введет в очередной патент. Она снова почувствовала себя своей в этой компании. Павлик так гордился замечательной мамой, что она окончательно отмякла. Недовольство растаяло без следа. Хандра прошла.

И на первое место опять вышел «намек». Постепенно любопытство превратилось в идею фикс. Так все-таки, фэнтези и души над нами имеют шансы на существование? Павлик заниматься с Катей не уходил, он, кажется, тоже поменял увлечение на творчество. И Алиса уже не знала, осуждать это или принять как должное. Да, к своему удивлению она убедилась, что страдает не только перепадами настроений, но и нестабильностью мнений.

Идея фикс стала просто нестерпимой.

На следующей неделе – утром в четверг - она с работы позвонила Борису и попросила назначить ей свидание. Без Павлика. Она хочет продолжить разговор о фэнтези. В первую очередь ее интересует, какой «намек» имел в виду Борис. Как ни странно, он сразу понял, о чем идет речь, напоминать ему не пришлось. Значит, их разговор не прошел для него бесследно. Приятно и обнадеживает – может, «намек» был не просто сотрясением воздуха? И Алиса добавила, что у нее есть еще несколько вопросов на эту тему. Борис предложил приехать сегодня в любое время, сегодня он дома, занятий на курсах нет.

Что интересно – слово «свидание» ни для кого не прозвучало неуместно или подозрительно.

В полвторого Алиса перезвонила и спросила, будет ли удобно, если она приедет через полчаса. Борис ответил, что вполне.

Сразу же после звонка он открыл дверь – выходит, ждал. Аккуратно причесан, что бывало не часто, новый свитер симпатичной голубоватой расцветки с разводами – готовился, приятно. Борис сразу же предложил пройти в кухню, у него сейчас хозяйством занимается мама, он бы хотел их познакомить.

Алла Михайловна оказалась симпатичной женщиной, на вид лет шестидесяти, не больше. Может, немного полновата – все-таки возраст, – но подтянута и энергична. Видно, что следит за собой, аккуратная прическа, волосы не слишком короткие и не длинные, светлорусые,

умело подкрашены, выглядят естественно. Из-под халата видны вельветовые брюки. Она не была похожа на пенсионерку и домашнюю хозяйку. Алиса обратила внимание на ее глаза – такие же, как у сына, точнее, соблюдая хронологический порядок, у Бориса такие же, как у матери.

Алла Михайловна тоже заулыбалась глазами:

- Очень приятно познакомиться, Борис мне о вас много рассказывал. У вас замечательный сын.

- У вас тоже неплохой, - ответила Алиса.

Тут Алла Михайловна не только улыбнулась, но и рассмеялась.

- Не жалуюсь.

- Есть контакт! - вставил Борис.

И действительно, дальше общение прошло без всякого напряжения.

Алла Михайловна сообщила, что обед она уже приготовила и должна уходить. Борис ест в полчетвертого.

- У него режим, - прозвучало ехидно.

Но сейчас, если они согласны, можно попить чаю с пирожками, она может составить компанию, у нее есть еще – взгляд на часы - минут двадцать.

Они сели за стол, стандартный, к нему шесть стульев, он свободно размещался в кухне. Чай оказался не обычный, со смородиной, вкусный, пирожки с мясом не хуже. Похвала Алисы была искренней, расположение к ней Аллы Михайловны тоже.

Говорили в основном о детях. Собственно говорила Алла Михайловна. О том, что они в любом возрасте остаются для мамы детьми, хоть уже взрослые. Они считают, что мать мало что понимает в современной жизни, может и так, возраст все-таки свое берет, но мы еще многому можем их научить.

- Правда, Алиса Николаевна?

Конечно, помочь и поддержать главное для матери, но нужно и пример показывать, оставаться в любом возрасте в седле.

- Правда, Алиса Николаевна?

Алла Михайловна было ушла на пенсию, но почувствовала, что отстает от жизни, становится клушей...

- Ну, мама, - вяло возразил Борис.

И она теперь на дому ведет бухгалтерию четырех мелких фирм. Поэтому – взгляд на часы – нужно бежать. Но сил и времени еще хватает на все.

- Так что приходится нам держать себя в форме, чтобы им не было за нас стыдно. – Она аккуратно поправила прическу. - Правда, Алиса Николаевна?

Алиса соглашалась. И представляла себе, как бы отреагировала на эти речи Рита, которая посчитала ее равнодушной к Борису? Алла Михайловна четко разграничила два поколения – уже взрослых детей, и пока еще не совсем состарившихся родителей. Алису без всяких сомнений брала к себе в компанию.

Алла Михайловна опять посмотрела на часы и заторопилась.

- Ну все, мне пора. Очень приятно было познакомиться.

Борис пошел ее провожать. Алиса расслышала:

- Симпатичная у Павлика мама. Интеллигентная. И еще совсем не старая.

Считать ли это комплиментом?

Было слышно, как Борис получает какие-то наставления. Хлопнула дверь, он вернулся, добродушно улыбаясь и покачивая головой.

- Ох уж эти мамы, ничего с ними не поделаешь...

- Да, ничего с нами не поделаешь, - неожиданно резко прозвучало в ответ.

И оба смутились. Она - потому что обнаружила обиду, он - потому что понял причину ее огорчения.

Алиса поспешила сгладить неловкость.

- Ну, давайте поговорим о том, ради чего, собственно, я пришла. О ваших идеях.

И тоже прозвучало сомнительно – никто вроде бы и не подозревал, что она здесь по какой-то другой причине.

- Хорошо. Я подогрею еще чаю, а пирожки, надеюсь, нам не помешают.

Он повозился у плиты, давая возможность ситуации утрястись. Когда вернулся к столу, Алиса уже улыбалась – она не позволит себе поддаваться внезапным перепадам настроения. Главное действительно то, зачем она пришла.

Борис разлил чай, подвинул к ней пирожки. Она отпила, откусила и задала вопрос, который уже столько времени не давал ей покоя.

- Так все-таки, какой был «намеком»? Вы знаете, о чем я говорю. Все интересно, оригинально и занимательно. Но чтобы поверить, что это не просто умозаключения, нужны хоть какие-то доказательства.

Бориса, кажется, это немного задело.

- Во-первых, я просил не относиться ко всему слишком серьезно. Было такое?

- Было, но у меня не получается. Я понимаю, что логика во всем этом есть. Еще бы хоть какое-то реальное ее подтверждение.

Борису польстило серьезное отношение к его идеям.

- Хорошо, я расскажу о «намек». И если хотите, еще о кое-каких доводах в пользу моей теории. Хотя слово «теория» я стараюсь говорить с самоиронией. Заметно?

- Не очень.

- Ну ладно, шутки в сторону. По сути. Это было примерно год тому назад. В фирме «Омега». Меня туда пристроил один программист, Миша Ядловский, с которым мы вместе когда-то заканчивали... с которым я давно знаком. Мне там удалось получить стабильный сигнал и индивидуальную настройку на человека. Этим человеком был один пожилой пенсионер. Он мог позволить себе сидеть с нами за небольшое вознаграждение хоть круглые сутки. Схема еще была сырой, все делалось в ручном режиме. Но мы уже подозревали, что наш сигнал не просто разность потенциалов участков мозга, а что-то другое. Я работал на первой смене, а на второй Миша со специалистом по энцефалограммам, медиком. В один прекрасный, точнее печальный день я узнал, что накануне вечером на фирме было ЧП.

Серьезные неприятности. Старичок получил инфаркт и умер во время исследований. Была паника, даже расследование – не являлись ли наши работы причиной смерти? Какие лучи, какие сигналы?.. Старичка увезли на медицинскую экспертизу, словом нервотрепки хватало. Перед уходом Миша заметил, что сигнал как будто идет, экран светится, хотя абонента уже нет. И картинка почти та же, что и раньше. Он решил, что комп завис, поэтому, не мудрствуя лукаво, обесточил всю систему. В это время мы еще не научились запоминать параметры настройки, просто оставляли систему в спящем режиме. То есть он потерял «точку». Обстановка, нервы, усталость, и спрашивается, зачем она нужна, если клиент умер? И запись мы еще не делали – все было в стадии отладки.

Алиса подалась вперед, слушала не перебивая. А Борис постарался ответить на невысказанные вопросы.

- Комп мог зависнуть. Вполне. Но после этого случая ничего подобного не было. Кстати, и до. Это довод «за». Шансов на то, что именно в этот момент он завис в процентном отношении, немного. А довод «против» тоже серьезный - закон Мерфи: «если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет». Вот и у нас могла произойти.

Алиса с трудом перевела дух. Борис вопроса не дождался.

- Проверить мы не могли – для настройки нужен клиент, а его оживить можно только в сказке.

- И вы тогда подумали?..

- Нет, не сразу, позже. Когда я убедился, по косвенным признакам плюс интуиция, что это чем-то напоминает накопитель информации. Есть такие признаки, компьютерщики знают. И еще – если комп зависает, то картинка не дышит. Я пытал Мишу, как было после смерти пенсионера? Но пока до меня доходило, прошло немало времени. Он не помнил. Сначала сказал, что кажется, картинка дышала, но потом закончил решительным: а черт его знает! А больше, - Борис развел руками, - у нас абоненты не умирали. Есть еще вопросы?

Алиса растерянно не то подумала вслух, не то спросила:

- Выходит, доказательств нет, а есть только шансы.

Борис пожал плечами.

- Имеем то, что имеем. – Потом он внимательно посмотрел ей в глаза. – А теперь я тоже могу кое о чем спросить?

- Конечно.

- Вот вы, обычный пользователь – это не обидно звучит?

Алиса заулыбалась.

- Нисколько. Простой народ, как все, так и я.

Борис оставался серьезным.

- Вот мнение простого народа меня и интересует. Сейчас это модно. Почему вы решили, что в моих фантазиях есть логика?

Алиса задумалась.

- Мне показалось, что есть. Действительно, если мы от всех отличаемся, то у нас и должно быть...какое-то устройство для этого. Отличие не количественное, скажем, добавить пару лишних извилин в мозгу, а качественное. – Она опять задумалась. – У мозга задача другая. Сложная, но другая. У него все тело, до кончиков пальцев. Всем управлять, все связано. Нейроны. И нервы, и внутренние органы, и зрение. Руки, ноги, встать, бежать, испугаться. И инстинкты. И энергетика. Тысячелетиями это отрабатывалось, как у всех животных. А мыслить - не думать, а размышлять - это что-то другое. Не совсем правильно, но скажу так: абстрактно размышлять. Как мыслитель у Родена. Сиди в любой позе, даже неудобной, это не имеет значения, сиди и размышляй. Это другая работа. Вы меня понимаете?

Борис только молча кивнул, не хотел перебивать.

- Это, как вы говорите, работа с информацией. Перебирать, сравнивать, анализировать, заглядывать вперед. Но только с информацией, не с руками, не с ногами, не камни таскать и от врагов бегать. Действительно как компьютер. Почему у других этого нет? Значит, у нас есть какая-то флешка. Я повторяюсь?

- Вы умничка! – Борис смутился. – Извините...

В его глазах было восхищение.

Алиса приободрилась.

- И насчет души и разума. Я тоже с вами согласна. Напрасно душу связывают с совестью, с душевностью. Бог любому человеку вдохнул душу и этим отделил от животных – так говорит религия. Любому, и хорошему, и плохому. И Сталину, и Гитлеру. Конечно, душа это не мораль. А вот высший разум – другое дело. «Я мыслю, значит я существую» - это и есть душа.

Восхищение в глазах Бориса переросло в восторг.

- Алиса... кажется, даже я начну серьезно относиться к этим идеям.

– А вы действительно к ним относитесь несерьезно?

- Я же говорил, считаю это своим хобби. Разминка для мозгов. Я их называю... помните был фильм «Игры разума?». Вот так и отношусь.

Но Алису уже было трудно остановить.

- Подождите, Борис. У меня еще есть вопросы. То, о чем я только что говорила, вполне возможно. И данные у вас есть, плюс, как вы говорите, интуиция. Может, и флешку мудрости в человеке найдут.

- Как вы сказали? Флешку мудрости? Ну и ну...

- Но это принципиально в нашей жизни ничего не изменит. А вот «отдал богу душу», - она подняла глаза вверх, – души, которые смотрят вниз.

Борис автоматически повторил за ней:

- Души смотрят вниз.

Почувствовал мороз по коже...

- Это, - продолжала Алиса, - меняет все. Все меняет! Тут одного «намёка» недостаточно.

Борис не возражал, а только немного подумав, перечислил:

- С древности никто в загробной жизни не сомневался, хотя знали, что тела остаются.

Только тело Иисуса пропало из ниши в пещере. Но на то он и сын божий. Верили в загробную

жизнь для чего-то нематериального. Какого-то царства теней. Как на это махнуть рукой? И легенды о сигналах с той стороны. Явления, привидения, столоверчение, как его... спиритизм. А сны? Сны! Сколько раз нам являлись...

Он недоговорил. Почувствовал, что звучит неубедительно.

Алиса только пожала плечами.

- У меня такой вопрос. Допустим, природа это сделала. О Боге пока дискутировать не будем?

- Не будем.

- Но природа ничего не делает напрасно. Зачем эти души над нами?

В глазах Бориса на смену восхищению и восторгу пришло изумление.

- Вам цены нет, - он спохватился, - как философу. Я тоже думал над этим. И предлагаю вариант: мы не знаем, зачем.

Алиса разочаровано вздохнула. Борис продолжил:

- Точнее, я не знаю. Но предполагаю. Каким-то образом они передают свой опыт. Уроки и ошибки прошлого. Наверно, своим потомкам. Просто пока мы не знаем, как это происходит. А спустя какое-то время, я думаю, они гаснут. Отыграв свою роль. Ничего вечного в этом мире нет.

Сказанное им почему-то произвело тяжелое впечатление. Далекое от оптимизма.

- Кстати, я вспомнил – ваши с Павликом «точки» находятся близко друг от друга, может случайность...

Алиса встала, подошла к окну и посмотрела на небо. Погода была мрачная, дождливая. Небо затянуто серыми тучами. Она зябко передернула плечами.

Борис почувствовал себя виноватым. Попытался оправдаться:

- А приятней представить себе, что лежишь в земле сырой, в соответствующем виде? Может, в этом что-то есть? Жизнь чистого разума, без брэнного тела с его болезнями, поисками хлеба насущного, страхом смерти.

Он посмотрел на Алису, застывшую у окна. Брэнное тело... Вероятно, впервые заметил, что у нее очень пропорциональная и женственная фигура. Его покойная бабушка о таких женщинах говорила - статуэточка. Сейчас так не говорят, пожалуй потому, что статуэтки больше не покупают, вышли из моды. А если брэнное тело симпатичное, то все-таки жалко...

Алиса перебила его размышления.

- Как теперь жить... Со всем этим?

Это было сказано так безнадежно, что Борис понял – нужно принимать меры. Он заговорил спокойно и внушительно:

- Жить, как и прежде. Алиса, я от вас такой... – он подыскивал слово, - экзальтации не ожидал. Повторю, уже в который раз - не нужно к этому серьезно относиться. Сколько подобных и к тому же самодетельных теорий было и будет? Теорий, которые не нашли и не найдут подтверждения? Если на подобных вещах зацикливаться, то недолго... не хочу накаркать. Алиса, вы же здравый человек. Пока это не больше, чем игры разума.

Она отвернулась от окна, подошла к столу, села. Посмотрела на Бориса – он выглядел встревоженным.

- Да, вы правы. Я становлюсь излишне впечатлительной. Это на меня не похоже. Наверно, ваши чудеса с интерфейсом убедили меня в том, что самое невероятное возможно не только в жизни – это я уже знаю, - но и в смерти. Вы правы, заикливаться действительно не стоит. Не волнуйтесь, я в полном порядке. Лучше согрейте еще чаю. И пирожки, и чай удивительно вкусные. Вам повезло, не все мамы на такое способны. Например, мама Павлика.

- Зато моя мама не умеет играть на рояле.

Борис с явным облегчением отправился к плите. Они еще какое-то время поговорили на свободные темы.

Перед уходом Алиса спросила, когда он планирует закончить проект.

- Это будет долгая история. Весной собираюсь завершить только первый этап.

- Что это значит, первый этап, если не секрет?

- Для всех секрет, но не для вас, - подчеркнуто галантно ответил Борис. – Нужно оформить патенты и официально объявить о предварительных результатах. С демонстрацией. Только потом можно будет создать группу и приступить к серьезной работе. Нужно торопиться, чтобы кто-нибудь не обогнал... или не пронюхал, что еще более вероятно.

- Борис, вы понимаете, я никому...

- Я в вас уверен больше, чем в самом себе, - все с той же подчеркнуто шуточной галантностью сказал Борис и даже щелкнул под столом каблуками.

Алиса рассмеялась, смех по-прежнему был таким, как и положено эльфу.

Они попрощались вполне довольные разговором и друг другом.

Алису занимали еще неделю. После запятой и точки она нашла тире. Борис решил, что на первое время вполне достаточно. За Павликом она заезжала по-прежнему два раза в неделю. Иногда приходила на час раньше, иногда где-то задерживалась. Ждала в гостиной. Борис, как гостеприимный хозяин, угощал ее чаем со смородиной и пирожками. Они были то с мясом, то с капустой или картошкой, но всегда вкусные. Пирожки маме он, наверно, специально заказывал для Алисы.

Иногда Борис присаживался с ней рядом на несколько минут и тоже перекусывал. У них с Павликом был режим – в полчетвертого обед, приготовленный Аллой Михайловной, потом Павлик трудился без перерыва и без отдыха. Мог только выпить чашку чая и съесть пирожок или бутерброд, если ему приносил Борис на рабочее место. Причиной такого самоотречения была Алла Михайловна, мама и по совместительству, естественно, бухгалтер Бориса. При оформлении она строго поговорила с Павликом. Объяснила, что ему оформляют полставки, то есть двадцать часов в неделю, работать он будет десять, а значит должен вкалывать не за страх, а за совесть. Он и без этого напутствия горел на работе, но теперь дал себе слово не вставать с рабочего места все три, иногда три с половиной часа. Разве что в туалет и обратно.

Борис с удовольствием позволял себе небольшой перерыв, чтобы почаевничать с Алисой. Ему нужно было с кем-то поговорить о работе и иногда о проблемах, возникающих вне ее. С Павликом он это не обсуждал, «взрослый и самостоятельный мальчик» - по определению любящей мамы - для серьезных разговоров все-таки еще не созрел.

Алиса, вы знаете, всегда была внимательным и доброжелательным слушателем. Постепенно Борис стал делиться с ней новостями; как правило, не очень приятными.

Первой и, пожалуй, самой серьезной новостью был разговор в фирме «Омега». Борис не скрыл от Алисы, что использовал схему, разработанную им же на оборудовании фирмы и в рабочее время. Правда, идеи и их исполнение принадлежат ему, а дома он многое усовершенствовал, так что имеет право на авторство. Но «Омега» это наше КГБ, ФБР, Штази – называйте, как хотите. И с ними шутки плохи.

Сейчас они с «Омегой» связаны почти неразрывными узами - он не может один патентовать сделанное в фирме. Но и они без него тоже не могут оформлять права - так записано в договоре.

- Это хорошо, что они без вас не могут обойтись.

- Могут... если меня задавит машина.

- Борис!

- Хорошо, будем считать это неудачной шуткой. Но меня позавчера вызвал начальник «Омеги», в прошлом генерал, и прозрачно намекнул, что у них есть сведения... Откуда они знают и что именно - одному богу известно. Генерал шутил примерно так, как я сейчас.

- А почему их так волнует проект?

- Алиса, для них это манна небесная. Именно для них. Они же шпионы, внутри и снаружи. Представьте себе, у одного человека в кармане зажигалка, а другой неподалеку, не открывая рта, сообщает секреты. И никаких радиоволн, никаких предметов. Человека раздень догола – ничего не найдешь. А он в это время продолжает передачу. За такую возможность органы свою душу продадут и сколько понадобится других на тот свет отправят.

- Вы сгущаете краски. Сейчас не то время.

- Сгущаю, - согласился Борис, - но не слишком.

- Конечно, нужно быть все-таки осторожнее.

Видно было, что Алиса обеспокоена, это было приятно. Приятно, когда кто-то твои тревоги разделяет.

Говорили они не только о работе. Алиса поняла, что Борис действительно прилично начитан для современного технаря. Они говорили на одном языке, что с мужем – Алиса себе в этом призналась – было не всегда возможно. И даже иной раз делились сугубо личными проблемами, хотя оба были, пожалуй, скорее интровертами.

Алиса рассказала, как в ранней молодости вышла замуж. Еще молодой Лунин, для которого не было ничего невозможного, крупный, сильный, смуглый, казался ей Рустамом, героем персидского эпоса. Она тогда увлекалась Фирдоуси. Если бы не Фирдоуси, подумала она, может быть, ее жизнь сложилась бы иначе. Но вслух этого не сказала.

Борис ответил историей своего развода.

- Я понял, когда исчезает любовь. Когда в один прекрасный день ты видишь, что она обычная женщина. Может, красивая, может, неглупая, но обычный человек со своими достоинствами и недостатками. Когда любишь, то видишь ее... как в волшебном фонаре. И даже недостатки выглядят только милыми отличиями. И вдруг однажды понимаешь – навстречу тебе идет обычный человек, симпатичный, но вполне реальный. Немного излишне виляет бедрами, и глаза чуть-чуть припухли. Нижняя челюсть немножко, почти незаметно западает, с возрастом это проявится. А умилявшую тебя родинку над бровью неплохо было бы удалить. Все! Как пела когда-то моя покойная бабушка, которая любила мужчин и разбиралась в женщинах: «Значит, ты ушла, моя любовь...»

У Бориса был приятный баритон и неплохой слух.

- Это из советского фильма. «Моя любовь», так и называется, - Алиса все знала.

Но все-таки Борис в основном говорил о работе, тем более что поводов для беспокойства становилось все больше.

Когда начался проект, он, кроме договора с обычной охранной организацией «Карабин», поставил и свою сигнализацию на входной двери и отдельно на двери в кабинет. Не простую, отключить или обойти ее было почти невозможно. При его квалификации это было нетрудно. Сигнал он вывел на свой мобильный телефон. Однажды телефон зазвонил специальной мелодией. Борис еще не отошел далеко от дома и помчался к себе. Над дверьми горела сигнальная лампа, звенел – негромко, так было задумано – звонок. Борису показалось, что кто-то в замке ковырялся.

Но это были только цветочки.

Однажды знакомый айтишник - Борис ему доверял и иногда привлекал к работе - рассказал, что до него дошел слух. Вроде бы одной очень крупной голландской фирме предложили за сто миллионов долларов проект, похожий на тот, какой разрабатывал Борис. Может, фейк, может, правда. Это был шок.

Борис новостью поделился с Алисой, на нее это произвело более сильное впечатление, чем опасность со стороны «Омеги».

- Неужели проект столько стоит?

- Вполне реально. Может, поменьше, но порядок примерно такой. – Борис постарался, чтобы продолжение прозвучало как можно скромнее: – Сейчас небольшие Ай-Ти фирмы с обычными удачными программами продают за 20-30 миллионов. А это во многом действительно переворот. И стоит целое состояние. Вы вспомните свою реакцию на... дай бог памяти... да, на «мой дядя самых честных правил».

Алиса была огорошена суммой. И осознанием важности происходящего. Как-то за буднями это забылось.

- За такие деньги действительно на многое могут пойти, - в ее голосе была тревога.

Борис понимал значение своей работы, даже примерно представлял себе ее стоимость. Но только сейчас услышав от других эту цифру - сто миллионов! - он осознал, что вступает в мир, где обычные человеческие понятия о поведении, морали и законе напрочь отсутствуют. Сто миллионов даже для миллиардера сумма, в борьбе за которую все средства хороши. Борис был

готов приложить все силы и способности, чтобы добиться успеха в работе, а сможет ли он противостоять акулам бизнеса, когда те вступят в игру? Акулы не просто ходульное определение, оно соответствует действительности, особенно в странах, где закон бездействует. То есть у нас.

По спине пробежал холодок.

Посмотрел на Алису - она определенно чувствовала то же самое. На сей раз она не только волновалась по поводу Бориса, а впервые подумала, что опасность может грозить и Павлику. Если кто-то захочет узнать подробности разработки, у мальчика могут быть неприятности.

Борис интуитивно почувствовал ход ее мыслей. Он и сам ощущал ответственность за парня.

- Я думаю к концу марта, дней через десять, отпустить Павлика. Мне все равно нужно готовить абонента для демонстрации. Я уже переговорил с надежным парнем, Лешей Звонковым. Он, правда, слабее Павлика как программист, но мы уже главное сделали.

Алиса была ему благодарна.

Они постарались снизить накал эмоций и заговорили о погоде. Но и эта тема не радовала - на улице дождь лил как из ведра. И прогноз на ближайшие дни был неутешительный.

Но гипотетическая опасность оказалась не единственной причиной, по которой Павлик перестал работать с Борисом. Был целый комплекс этих причин. Удивительно, но Алиса последняя их осознала.

Первым отреагировал Павлик. Когда его мама и учитель мирно беседовали, он иногда все-таки покидал рабочее место и выходил в туалет - живой человек. И заметил, что они каждый раз замолкали при его появлении. Дело в том, что мальчик, по их мнению, не должен был слышать разговоры о проблемах и опасностях. Пусть работает спокойно. Но мальчик был уже достаточно взрослым, чтобы подумать, что они замолкают неспроста. Тем более он замечал растущую симпатию мамы к Борису, которого - как вы знаете - она раньше не одобряла. Павлику это становилось неприятно. Он хорошо относился к отцу, а мать для него до сих пор была не только вне подозрений, как жена цезаря, но и сама мысль об этих подозрениях не могла прийти в голову. Он даже специально пару раз неожиданно выскакивал в гостиную - все повторялось! Они замолкали и ждали, пока он уйдет. Павлика это по-настоящему взволновало и даже расстроило. Однажды он не выдержал и по дороге домой в машине сказал:

- Мама, ты извини... Но ты сначала недооценивала Бориса Алексеевича, а теперь, иногда мне кажется... в нем души не чаешь. Сидите, как голубки...

Алиса посмотрела на него такими удивленными глазами, что парень осекся.

- Нет, я к тому, что знаю - он имеет большой успех у женщин. Например, в нашей группе...

Алиса наконец поняла, что он имеет в виду, и искренне засмеялась.

- Какая чушь! Я, сынок, не в вашей группе.

Павлик привык ей верить на все двести процентов. Поверил и сейчас. Но иногда сомнения у него возникали. И постепенно он приходил к мысли, что ничего ужасного не произойдет,

если придется прекратить работу и мама перестанет за ним приезжать. Во всяком случае для семьи спокойнее.

Второй звонок прозвучал со стороны Лунина-старшего. Это, пожалуй, даже был не звонок, а сирена. Возможно, большая доля вины была на Алисе. Она в последнее время стала довольно часто обрывать мужа, когда он начинал ей что-то рассказывать о работе или политике. И говорила, что ей это неинтересно. Что это скучно. Иногда поправляла, когда он неграмотно - а такое бывало - говорил. Раньше она не допускала никакой резкости в общении, а сейчас, увы, что-то подобное появлялось. И однажды за завтраком муж не выдержал и тоже позволил себе резкость, которая раньше была немыслима. В ответ на уже привычное - скучно слушать о ваших с мэром сомнительных подвигах - он взорвался. Лицо потемнело, черты обострились и стали жесткими.

- Скучно? Ах, тебе скучно меня слушать? Тебе интересней в Стране чудес?

- Каких чудес?

Алиса не сразу вспомнила, что однажды, когда Лунин ворчал по поводу работы Павлика с Мазуровым, она сказала: «Не будем мешать парню. Пусть хоть он побудет в Стране чудес, если мне не довелось».

Лунин уже собой овладел, голос стал спокойнее, но лицо оставалось по-прежнему жестким и даже пугающим.

- Алисочка, ты знаешь, что я готов для тебя разбиться в лепешку. Но также ради тебя могу разбить в лепешку любого. И размазать по стенке.

Он не стал выслушивать ответ, поднялся и ушел на работу. Не поцеловал в щеку, такого тоже никогда не было.

Алиса удивилась и разозлилась. Почему они все с ума посходили и придумывают за нее то, чего нет и в помине? Рита и Павлик, а теперь Антон. Да, Борис человек интересный, поговорить с ним приятно. Но чувства это другое. Нет ничего даже близко. Никуда и ни к кому ее не тянет, никаких приключений не хочется. Какая ерунда!

Ну ладно, решила она, раз это всех расстраивает, а мне в принципе безразлично, то очень кстати, что все заканчивается автоматически.

Как раз в ближайшую пятницу был последний рабочий день Павлика. Она как обычно за ним заехала. С Борисом попрощались очень тепло, попили чай со смородиной и пирожками всей компанией вместе с Павликом и рыжим, очень симпатичным парнем лет 30-ти Лешей Звонковым, который уже приступил к своим обязанностям.

И уехали домой. Знакомство Алисы со Страной чудес закончилось вовремя и ко всеобщему удовольствию.

Все успокоились.

Все, кроме Бориса. Его предчувствия о вступлении в борьбу акул то ли бизнеса, то ли чего другого, кажется, оправдывались. Он стал чувствовать себя героем дешевого детектива в мягкой обложке.

Начали они с Лешей совместную работу дружно и в темпе. Борис передал ему все коды доступа – о защите компьютера и всей системы он серьезно позаботился, в этом, если вы не забыли, был профессионалом высокого уровня. Хотя именно как специалист понимал, что абсолютная защита невозможна.

Потом настроился на Лешину «точку», дело уже привычное, сигнал был чистым и четким. И пошла рутинная работа. Они повторили алфавит, система новый «голос», разумеется беззвучный, воспринимала отлично. После этого Леша продолжал набирать словарный запас и проводить корректировку. Все было бы хорошо, если бы их оставили в покое. Но стабильной работе, как говорил закончивший физмат Леша, мешали возмущения извне, эти возмущения возникали сначала в арифметической, а затем и в геометрической прогрессии. Бывший учитель математики, бросивший школу, когда ему надоело безденежье, любил для обычных житейских коллизий применять математические формулировки.

Очередным возмущением было неожиданное появление Миши Ядловского. Он позвонил по телефону и изъявил желание прийти в гости. Поговорить. Борис сказал, что до шести часов он занят.

- Хорошо, - неожиданно бойко сказал Миша, - буду в шесть. Пока. До встречи.

- Постой, ты же у меня не был и не знаешь адреса.

- А, ну да, давай.

«А то они бедные не знают», - подумал Борис.

В пять закончил работу Леша и ушел.

В начале шестого появился Ядловский.

- Гэбэшные штучки, - проворчал Борис, - застать врасплох.

Он действительно не успел выключить и заблокировать систему, не успел запереть дверь в кабинет.

Ничего существенного Миша не рассказал, правда мимоходом упомянул о том, что есть приличное предложение на их совместную работу, и «Омега» может выделить ему приличный процент. Хм, процент... Борис не отреагировал, с рейдерами он никаких дел иметь не хотел. Но кажется слухи о голландской фирме, которые передал его знакомый айтишник, были не пустыми сплетнями.

Миша на ответе не настаивал и намекнул на недовольство начальства, которое подозревает Бориса в использовании разработок «Омеги».

- В корыстных целях, так босс и сказал. А с чувством юмора у него - сам знаешь.

Прозвучало, как угроза. Вероятно, они что-то пронюхали. Но что вызвало куда более серьезные подозрения - в незнакомом доме Миша, ни о чем не спрашивая, пошел в туалет, завернув куда нужно, причем дважды. Потом уже на выходе «по ошибке» пытался попасть в кабинет. Нет, школу ГБ он не освоил. Хотя возможно - Борис подумал о нестандартном варианте - таким образом дали понять, что он «под колпаком». Действительно дешевый детектив в мягкой обложке. Жаль, что тема дорогая.

Дошло до того, что Борис вместе с Лешей стал искать жучки и скрытые камеры в кабинете. Выглядело нелепо. Не нашли, но это еще не доказывало, что их не было.

А буквально через неделю Бориса - он возвращался домой после курсов - позвонил вахтер Сергеич. Дом был элитный, поэтому имелись в наличии не только вахтеры, но и камеры на этажах. Сергеич сказал, что часа два тому назад проходил человек, мол, в квартиру на шестом этаже, но в камере было видно, что он появился возле двери Бориса. В это время кто-то вошел в парадное, Сергеича отвлекли. А когда он вернулся к экрану, человека возле квартиры уже не было. И опять Борис с Лешей бездарно изображали сыщиков из уже указанного детектива - ползали по квартире в поисках следов проникновения. Не обнаружили ни следов, ни жучков, ни скрытых камер. И в компьютере тоже - вроде бы! - никаких попыток взлома.

- Так были незваные гости или нет?

- Нельзя решить уравнение, в котором только одни неизвестные, - сделал математический вывод Леша.

На нервную систему «возмущения» определенно действовали. Сон у Бориса стал беспокойным. За ночь он несколько раз просыпался, чего не было даже в разгар развода. И сны были как под копирку. Не то, чтобы кошмары, просто одно и то же. Иллюстрация хобби, которым он поделился с Алисой. Снилось, что он парит над землей. Иногда близко к поверхности, иногда в облаках, а иной раз в космосе. И смотрит вниз. А на земле каждый раз какая-то война, как в кино - разноцветные солдатики, толстенькие короткие пушечки стреляют ядрами, скачут на лошадях то ли мушкетеры, то ли гусары, издали не разберешься. На вид нестрашно. Война какого-то Людовика с каким-то Вильгельмом, может XIV с Оранским. А неподалеку от Бориса зависли прозрачные легкие облачка, или что-то вроде паутинки. И в них просматривались лица, иногда четко, иногда как будто в муаре. Некоторые он узнавал. Узнал Наполеона, в основном по треуголке, Чехова по бородке и пенсне, Льва Толстого по бороде, Шекспира по известному всем портрету. Он подумал - неизвестно, кем был великий драматург, может вовсе и не Шекспиром, и неизвестно, как он выглядел, зато портрет знает каждый. Может, спросить, что он сам об этом думает? Это было интересно и не напрягало. Но когда он увидел лицо любимой бабушки, умершей два года тому назад, то стало жутковато.

Он пробовал с бессонницей и нежелательными сновидениями бороться с помощью коньяка - рюмку-другую на ночь. Помогало, но возникла опасность втянуться в процесс. Борис благоразумно от коньяка отказался и решил добавить лишних полчаса к прогулке перед сном.

Несколько дней было спокойно, а потом он обнаружил, что в ноутбуке побывал хакер. Почта, информация, словом все исчезло. А Борис постарался сделать защиту ноутбука как можно более солидной, применил лично им разработанный и запатентованный «Пакет СЗИ от НСД» - средства защиты информации от несанкционированного доступа. К счастью, основные компьютеры он уже довольно давно отключил от Интернета - хоть это очень усложняло работу - и они уцелели. Пока уцелели. Хотелось так думать. А в ноутбуке никаких конкретных данных не было, только немного об общем направлении работ - тоже ничего хорошего...

Это была новая ситуация. До сих пор Борис подозревал только «Омегу». Попытки проникнуть в помещение, визит Миши Ядловского – это было их почерком. Но после атаки на ноутбук появились вполне обоснованные сомнения. В фирме, при всем уважении к ее

шпионским возможностям, вряд ли были хакеры такого уровня, уж слишком качественной была защита. С местными хакерами Борис был знаком не понаслышке. Нет, вряд ли это «Омега». А вот солидная специализированная организация - и он опять вспомнил слухи о предложении аналогичного проекта голландской фирме - противник по-настоящему опасный. Прежде всего, этот гипотетический конкурент что-то о работе Бориса успел узнать, в наше время независимые совпадения типа Ломоносов–Лавуазье или Попов–Маркони малореальны, особенно в информационных технологиях. Просто кто-то у кого-то что-то украл.

Но если за дело взялась фирма-монстр, то бороться с ней в одиночку глупо. Наивно. Кажется, Борис недооценил значение и стоимость своих разработок.

Он оставил Лешу в одиночестве в кабинете, а сам ушел в гостиную менять планы.

Работая много лет в области информационных технологий, Борис привык к тому, что время от времени к айтишникам приходят контролеры, ревизоры, налоговики и прочие и требуют долю. При этом закрывают или даже отнимают компьютеры, арестовывают материалы, словом беспредел, ставший обыденной жизнью. Читатели смотрят телевизор и все это знают. Но тут рейдерство уж очень серьезного масштаба, и возможностей влиять на ситуацию у Бориса практически нет никаких. Только ожидать, что дальше произойдет.

Вы уже знаете, что он предполагал получить патенты и этим в какой-то степени обезопасить себя от «Омеги». А после официальной демонстрации ждать лучших предложений. Сама гэбэшная фирма серьезной технической конкуренции составить не могла - если еще ничего у него не украли. Миша Ядловский дальше сигнала, полученного Борисом, не продвинулся. Но против голландцев патенты не помогут. Во-первых, чтобы их получить, понадобится помощь соответствующей организации, а там шила в мешке не утаишь. И в каждой стране нужно оформлять патент, не бесплатный... Словом, это деньги и время - ни того, ни другого у Бориса нет.

Выход один: продаться - пока не поздно - другой не менее солидной фирме. Не хотелось идти под чью-то высокую руку, но нужно, и как можно скорее. Судя по всему, могут ноги переломать, и не только в переносном смысле. К счастью, особо напрягаться в поисках хозяина не было необходимости, кандидат только один - английская компания, которая заказывала ему проект голосового набора текста. Они его знают, ценят его профессионализм. Тема совпадает с их основным профилем. Эта фирма тоже монстр, далеко не самый безобидный. И тогда... пусть кит встретится со слоном, посмотрим, кто кого поборет.

В принципе для демонстрации у него уже достаточно материала, особенно учитывая взаимное доверие старых знакомых. Надо действовать немедленно, промедление смерти подобно, причем не только в фигуральном смысле.

«Тьфу, тьфу, что я заладил, то ноги поломают, то о смерти. Еще накаркаю».

Борису с такими мыслями нужно было бы быть поосторожней. Но разве можно все предвидеть?

Он продолжал размышлять. Звонить и договариваться о встрече с англичанами нельзя, скорей всего «Омега» бдит. Только лететь. Еще вчера это казалось манией и перестраховкой, но после нападения на ноутбук так не кажется.

Значит, нужно лететь.

Пришло время привлечь хорошего юрисконсульта, сам Борис с договорами, естественно, не справится. В этом вопросе тоже все ясно, кандидат только один, опытный, надежный, с которым Борис работал последних лет десять - Натаниэль Бурш. Имя и фамилия юрисконсульта были экзотическими для Украины, и это тоже имело свою историю - те, кто давно его знал, остряли, что его девичья фамилия Бурштейн. Остроты соответствовали действительности, разумеется не в смысле девичества. Лет десять тому назад он был Натан Бурштейн. И дело не в том, что пытался изменить имидж - Бурш был очень даже неглупым человеком, под иностранца не маскировался и открыто признавал себя по-прежнему евреем. Причина, по его словам, была иной: бурштейном в Украине называют янтарь, и это вроде бы служило основанием для бесконечных шуток. Поэтому он отрезал окончание фамилии, а заодно немного удлинил имя - для солидности.

Юристом он был очень хорошим. Сначала несколько лет работал в адвокатуре, и все считали его блестящим адвокатом – кстати, классный защитник должен быть именно «блестящим», обычный или того более косноязычный, будь он хоть семи пядей во лбу, успеха в этой профессии не добьется. А Бурш, всеми признавалось, был этих самых семи пядей во лбу. Он знал наизусть все законы и даже больше, чем все. Больше - это не оговорка, учитывая потенциал наших правоведов, он во время разбирательства иногда придумывал новый, подходящий к случаю закон и давал ему номер.

- Если не ошибаюсь, в УК, статья 125 часть 3 говорится...

Дальше шло то, что было нужно в данный момент защите.

Прокурор согласно кивал головой, настолько сильна была вера в «вечную память» Бурша. А слова «если не ошибаюсь» были страховкой от разоблачения - с кем не бывает. То есть он был авантюристом, но очень умеренным и осторожным.

Потом Бурш из адвокатуры ушел, потому что на защите честных людей денег не заработаешь, а с бесчестными работать противно - для юриста он был порядочным человеком. И подался в юрисконсульты, где тоже добился авторитета и доверия.

Он был года на два-три старше Бориса. Невысокий, немного полноватый, немного лысоватый, лицо круглое, пожалуй – немного хитроватое. Но вместе с этой довольно банальной внешностью было и одно отличие - Бурш всегда, в любое время суток и в любую погоду выглядел так, как будто только что вышел из салона красоты, где его постригли, побрили, помыли и одели во все свежее, с иголочки. Представить себе, что он потеет, было просто невозможно. Может быть, по этой причине - плюс уже упомянутое владение словом - он слыл признанным «ходоком» в городе. Борис, который тоже не мог пожаловаться на отсутствие успеха у нашей лучшей половины, беспрекословно признавал его превосходство.

Они были давними и надежными партнерами. Но у Бурша был один недостаток, который в данной ситуации мог помешать совместной работе, - он любил хороший доход. И все-таки у Бориса надежда на его ум и трезвый расчет была. В этом отношении он не ошибся.

Назначать свидание по телефону было опасно. Он пошел в уже упоминаемое кафе «Интер», где Бурш любил принимать клиентов. Тоже своеобразная блажь, у него был неплохой кабинет.

Просто он где-то вычитал о таком способе деловых встреч, и ему это понравилось: сочетание приятного с полезным.

Юриисконсульт сидел за любимым столиком у окна, пил вино и скучал - клиентов не было. Борис все обдумал заранее, поэтому сжато рассказал все, что Буршу, по его мнению, нужно и можно было знать. О проекте, его важности и уникальности, об акулах - реальность и подозрения, о принятом решении продаться английской фирме. И в конце - ориентировочные цены проекта. Последнее он мог бы не говорить - Бурш не хуже, а может быть, лучше Бориса, это мог оценить. Поэтому минут через десять разговора он сказал.

- Я с тобой. Когда летим? - и даже вопреки традиции не спросил о своей доле.

- Вчера.

- А проект договора? С ними, не со мной?

- Все там, в Англии. Здесь больше встречаться не будем. Забронируй два билета в Лондон на первое мая, возьмем перед вылетом. Полетим с пересадкой через Мюнхен. Не через Киев, не стоит болтаться лишнее время. Раз-два – и в дамки.

- Так все серьезно?

- Более чем. Взломали мой бук. Хакер высшего класса. Все, Натаниэль. Не звони, встретимся у самолета. Разбежались.

Плохо, думал Борис, что не с кем посоветоваться. У многоопытного Бурша совета спрашивать нет смысла, его ответ ясен. Не продавать, надеяться на свои силы - это синица в небе. А продажа - деньги сейчас, включая его долю. Леше о своих планах Борис, разумеется, рассказал, беседа состоялась после работы на улице, в квартире они, кроме как «о бабах», больше ни о чем не говорили. Но Леша все же в Ай-Ти дилетант. Он хороший парень, но... пока не советчик.

Хорошо бы с Алисой обсудить новую ситуацию, выслушать совет и даже сочувствие. Он бы скучал по разговорам с ней, наверняка скучал бы... если бы не эта непрерывная свистопляска и нервотрепка.

И к тому же пришлось искать подмену на курсах.

А Алиса вернулась к привычной жизни. Правда, до летних каникул пришлось работать два дня в неделю на второй смене, но это в жизнь семьи серьезных изменений не вносило. Обедали они в пять или шесть часов, как правило, всей семьей, то есть с Луниным. Ему нравилась эта традиция, и он старался к обеду забежать хоть на полчаса. Часто после этого возвращался на работу, которая могла быть и встречей в ресторане, но деловой. У олигархов свой режим и свои обычаи. Алиса его не подозревала в шашнях на стороне, видя прямо-таки подобострастное к себе отношение. А впрочем, кто их, мужчин, разберет. Возможно, такие опасения ее не волновали по другой причине - муж называл эту причину «рыбья кровь».

- У тебя все ушло в мозги и в музыку. До тела и до дела так и не дошло.

Ну что ж, она сама признавала, что сексуальным темпераментом бог ее не наградил, поэтому, наверно, и не очень осуждала бы мужа, если бы он иногда сворачивал с истинного пути. Но все знали, что ему никто другой не нужен.

Лунин тоже успокоился, стал прежним и предсказуемым. Хотя время от времени к Алисе возвращались воспоминания о вспышке ревности с его стороны, а главное – жесткое и даже пугающее выражение лица. Но она была склонна к философскому взгляду на жизнь - пусть будет, как будет. Во всяком случае хорошо, что дальнейших испытаний характера Лунина удалось избежать. А он как мог старался загладить свой мятеж. Покупал нелепые подарки, собирался в июле месяце снять яхту - опять со старым компаньоном и его новой молодой женой. Надеялся, что Алиса с ней найдет общий язык.

Друзей - настоящих - у нее было немного. Пожалуй, только уже знакомая вам Рита. С некоторыми женами из зажиточной компании мужа она ходила в бассейн, по магазинам. Дома читала - много читала. Или слушала музыку. Довольно регулярно посещала театр или концерты, обычно с Ритой, Лунин не слишком любил искусство.

«Страну чудес» она, конечно же, не забывала, но автоматически параллельно возникали опасения за Павлика - не дай бог! Определенно хорошо, что все закончилось. Хотя она признавалась, что после этого - как его назвать? события? приключения? - привычная жизнь казалась однообразной. Впрочем, она никогда ее не считала слишком увлекательной.

Раньше раз или два раза в неделю они с Ритой посещали любимое кафе. И сейчас эти посещения возобновились. Рита пыталась выяснить подробности истории с загадочным Борисом, ее это беспокоило, как и все, связанное с Алисой. Со школьных лет она ее опекала.

Рита была женщиной крупных спортивных форм, спортсменка-универсал. И в классе тоже возвышалась над всеми ребятами. Так что защита мелкой - по сравнению с ней - Алисе была гарантирована.

После окончания школы отнюдь не отличница Рита поступила на факультет физкультуры пединститута. Но физруком в школе - куда получила назначение - не работала. Женщина волевая и энергичная, она быстро сообразила, чем в новых условиях нужно заняться. Научилась неплохо играть в теннис и стала тренировать подрастающее поколение новых хозяев жизни. Это давало ей возможность неплохо содержать сына и мужа, пока последний не ушел.

Может показаться странным, но не слишком обеспеченная мать-одиночка Рита искренне переживала за богатую подругу, окруженную заботой любящего мужа-олигарха. Ей все время казалось, что с Алисой что-то может случиться, что очень она хрупкая и ранимая, хотя в действительности было, как вы знаете, не совсем так. А может, совсем не так.

Поэтому когда они после довольно большого перерыва снова встретились в кафе, Рите показалось, что Алиса изменилась, что с ней что-то произошло.

- Это твоя вечная мнительность. Все нормально.
- А почему тогда ты не рассказываешь, чем вы там занимались?
- Это не мой секрет. Я обещала. Давай переменим тему.

И Рита успокоилась. На следующей неделе они пошли в театр. Потом через несколько дней опять встретились в кафе. Решили выпить шампанское, Алиса спросила, есть ли у них «Царское золото». Не было, взяли другое. Большую бутылку. Когда они ее приканчивали, Алиса неожиданно сказала:

- Помнишь, я тебе рассказывала о Борисе? Ты сказала: «Ты никогда так ни о ком не говорила. Может, это неспроста?»

- Помню. Ты сказала... да, помню, ты сказала, что он не принц на белом коне.

- Рита, ты была права. Это неспроста, - на глазах у Алисы появились слезы.

Сидящая напротив нее крупная спортивная женщина испуганно всхлипнула:

- Господи, я все время чувствовала, что с тобой что-то произойдет. Я так и знала. - И промокнув глаза салфеткой, помахала официанту: - Еще бутылку.

Алиса тоже сквозь слезы добавила:

- Пожалуйста.

Наконец Алиса осмелилась признаться не только Рите, но и себе, что она влюбилась в Бориса. А может, даже полюбила, и это было бы еще хуже. Если только влюбилась, то еще есть надежда, что это просто наваждение, пройдет. А если полюбила...

Как это случилось? Солидная, мягко говоря - она себя не щадила, - семейная женщина и парень моложе ее на шесть лет. В конце концов, она не какая-нибудь примадонна, которой море по колено, или бизнес-леди. Это не ее стиль. Как такое могло произойти? Но понимала, что справиться с этим не в состоянии. Во всяком случае, пока.

Я уже говорил, что первую неделю, может две, было довольно спокойно. Потом она заметила, что воспоминания о Стране чудес появляются все чаще. Потом выяснилось, что страна только обстановка, а главное – это Борис. Сначала она какое-то время старалась не обращать на это внимание, не замечать. Потом уже сознательно давила воспоминания на корню, пыталась думать о чем-то другом. Плохо помогало. А еще через пару дней она признала, что он не выходит у нее из головы ни днем, ни ночью. На уроке он отвлекал ее от работы, она не слышала, что девочка вместо си диез взяла ля... Ученица фальшивила, а педагог слышала приятный баритон, который пел: «Значит, ты ушла, моя любовь». Словом, ее согласия на виртуальное присутствие Бориса уже не требовалось. И совсем скверно, из рук вон было то, что рассказы Антона о последнем предложении мэра не только были неинтересны Алисе, но вызывали раздражение как по содержанию, так и еще больше по форме. Она мысленно жаловалась - судя по всему все тому же Борису - на примитивность собственного мужа и при этом испытывала стыд за эти мысли, во многом несправедливые.

Страна чудес, которая на какое-то время внесла приятное разнообразие в ее довольно пресную - сейчас это сомнений не вызывало - жизнь, оказалась ловушкой. Как героиня Кэрролла провалилась в нору, так и Алиса выпала из привычного повседневного безопасного быта. День проходил за днем, все можно было планировать заранее, никаких неожиданностей, разве что грипп у кого-нибудь из Луниных, и то он случался не каждый год. Когда-то, в уже далеком детстве она была уверена, что подобно своей семилетней тезке, сможет спокойно,

разумно и терпеливо справиться с любыми грядущими трудностями. Оказалось, все шло слишком гладко, никаких сколь-нибудь серьезных проблем до сих пор не было. К семейству Луниных затасканная фраза «богатые тоже плачут» никакого отношения не имела. Двадцать лет спокойной жизни в беспокойной то кризисной, то в дополнение к кризисам воюющей стране. У Лунина на работе наверняка были стрессовые и даже безобразные ситуации, большой «бизнес с человеческим лицом» в нашей стране такой же миф, как рекламируемый социализм в недавнем прошлом. Но в уютную семейную гавань бури и штормы не доходили. Да, они не очень веселились, но уж определенно не плакали. И то что с Алисой происходило сейчас, может взорвать весь их уклад, привычный и удобный для всех троих. Может оказаться, что сплоченное и дружное семейство объединяло только терпение и здравомыслие Алисы, а это - выясняется - не самая надежная цементирующая основа для крепких связей. И вероятно, прав Антон, плюс ее «рыбья кровь».

За каких-нибудь полмесяца все изменилось. Она с трудом сдерживает неизвестно откуда появившийся темперамент и уже не пытается отрицать очевидные перепады настроений. Она даже их оправдывает - в конце концов, человек не машина, он не должен надежно следовать загруженной в него программе. Сомнения, колебания и даже временами отчаяние только доказывают, что человек еще жив, а не просто существует. Ей приходила в голову популярная острота медиков: если после сорока лет ты проснулся, и у тебя ничего не болит - значит, ты умер. Ей уже больше сорока. Самое время - пока не поздно - ощутить, где находится сердце, и что ему не хочется покоя.

В соответствии с перепадами настроений у нее порой возникали и прямо противоположные намерения. Впрочем, кроме одного, которое оставалось неизменным - никто и никогда не должен не только узнать, но даже заподозрить, что источником этих катаклизмов является Борис, да, в первую очередь он сам. В этом отношении перепадов не было, было вето, табу, анафема - какие еще есть самые страшные запреты и наказания? Единственным исключением была Рита, но хоть с кем-то человек должен поделиться, иначе чувствуешь себя таким одиноким в этом бесконечном мире... как, наверно, те души над нами, о которых ей говорил Борис. Она теперь часто смотрела на небо, возможно в поисках ответов.

Общепринятый взгляд - и Алиса в этом отношении не была исключением - женщина не должна разрушать семью, особенно если время вроде бы доказало ее устойчивость. И по отношению к мужу у нее есть долг, она понимала, какой трагедией могут оказаться для Антона любые перемены. Но именно отношения с ним являлись ахиллесовой пятой. Со всеми остальными эмоциями и чувствами можно со временем разобраться - она на это надеялась. Но муж... Эту проблему при всем желании невозможно было отложить в долгий ящик. Алиса чувствовала все большее отчуждение. Она - спустя два десятка лет! - внезапно удивилась тому, что так долго могла находить с ним общий язык. Это, к сожалению, касалось не только морального, но и физического общения. Теперь к вечеру у нее постоянно «болела голова». К счастью, Лунин настолько опасался за ее драгоценное здоровье, что никакие другие мысли его не посещали. Тем более, что непривычные страсти-мордасти на пользу Алисе не шли. За ее внешним спокойствием - а она очень старалась - все-таки стояло немалое напряжение всех

сил, которое даром не давалось. За последний месяц она немного побледнела, может и чуть-чуть похудела. Поблекла. Когда женщина неожиданно хорошеет и молодеет на глазах, то ей то ли в шутку, то ли всерьез говорят - «появился стимул». И понятно, что имеют в виду. Неразделенная любовь скорее дает обратный результат, «тает от любви-злодейки» в этом случае больше подходит. Поэтому у Лунина появились основания волноваться. Он предупредительно соглашался с Алисой во всем и только пытался сосватать ей то хорошего врача, то дорогой санаторий.

Как долго это могло продолжаться? Пока Алиса держалась неплохо, в основном на чувстве долга и самолюбии. Иногда думала - как хорошо, что она не видит Бориса, удалось бы ей при встрече сохранять спокойствие? Не бледнеть, не краснеть, дышать спокойно? Были основания для сомнений - когда Павлик что-нибудь рассказывал о нем, Алиса чувствовала, как краска приливает к лицу, и она не может спокойно участвовать в разговоре.

- Ма, ты меня не слышишь? Что-то ты тормозишь.

- Извини, отвлеклась...

На улицах в каждом плотном кудрявом брюнете невысокого роста ей чудился Борис, и она обмирала. Как институтка, разумеется – дореволюционная. Нынешние институтки не обмирают. И смех и грех. А кстати, грешные мысли и желания изредка, против воли, но все-таки у нее возникали, и это в нашей и без того странной истории кажется самым удивительным и невероятным.

Тридцатого апреля, накануне отмененного праздника Первого мая, днем, часа в три ей позвонил Борис. Она уже пришла с работы, пила кофе, что-то читала. Мобильный телефон лежал рядом, на столе. Алиса привычно посмотрела, кто звонит. «Мазуров комп». И обмерла. Тут же на себя мысленно прикрикнула: «Что-то вы, мадам, стали слишком чувствительны!»

- Алло, Борис? - но прозвучало все-таки не слишком уверенно. «Борис» было с вопросительным знаком.

- Да, это я. Здравствуйте. Извините за беспокойство. Но у меня к вам огромная просьба. И очень важное для меня дело. Завтра я улетаю, - Борис подбирал слова. - Я долго сомневался, но все-таки решил с вами поговорить.

Алиса снова попыталась обмереть. Борис подождал ответа, ответа не было.

- Если у вас сегодня будет время, не смогли бы вы мне уделить полчаса? Где-то в кафе, я объясню, почему в кафе, вы поймете. В каком вам будет удобно. Вы сможете?

Алиса, еще ничего не решив, почему-то сказала:

- «Солнышко», на Гоголя.

Борис принял это как согласие.

- Да, я знаю это кафе. А когда?

- Через час, - опять без обдумывания.

- Хорошо, я жду. Еще раз простите и огромное вам спасибо.

Мы оставляем Алису обмирать и приводить себя в порядок. В результате она разозлилась на себя, на Бориса, на все на свете. «Почему эта дура, - она имела в виду себя, - решила, что речь идет о чувствах? Было же ясно сказано - важное дело».

Но в зеркало все же посмотрела. Настроение от этого не улучшилось.

Борис тоже прилично осунулся. И неудивительно. Дело не только в напряжении. Двое суток он спал только урывками. Когда был Леша, они работали, как обычно. Он перестраховывался и не хотел, чтобы Звонков знал, чем он занимается, когда остается один. А после его ухода начиналось самое главное. Борис систематизировал данные, схемы, результаты и переносил на накопители. Если ему удастся в целости и сохранности довести их до Англии, то потом - в крайнем случае - можно будет все восстановить. Накопители - слава прогрессу! - имели вполне безобидный бытовой вид и маленькие объемы. Зажигалка была типичным представителем. Главное, чтобы их не успели перехватить. Борис понимал, что его опасения возникли не на пустом месте, но не переставал себя ощущать героем уже даже не детектива, а комиксов.

Оставалось еще очень важное условие защиты информации: недели отсутствия Бориса будет более чем достаточно для «Омеги» или голландской фирмы - а скорей всего, судя по комбинации почерков гэбистов и хакеров, они объединились. Они смогут войти в квартиру и так сказать «вживую» распотрошить схему. Тогда никакая защита долго не продержится. На этот случай у Бориса было решение, предмет его особой и вполне заслуженной гордости - блок связи (БС), о котором я уже упоминал. Мне долго объясняли, что это значит. Вот что до меня удалось донести. Устройство осуществляло связи между различными элементами или комплектами фильтра-усилителя. Элементы были собраны вроде бы беспорядочно, хаотично. Только включенный БС устанавливал связи в нужной последовательности, он - для наглядного сравнения - был как картинка разбросанного пазла. Без нее разноцветные кубики или пластинки собрать невозможно. Во всяком случае, чрезвычайно трудно.

Так как этот блок был поистине бесценным, наш айтишный как минимум талант добавил ему еще одну возможность - в нем был андроид, который мог подключаться к мобильной телефонной сети, имел почту, само собой сложный код доступа. Мало ли что может произойти, пусть будет возможность связаться с хозяином компьютера.

Блок связи был в пластмассовом корпусе, размером с небольшую книжку, подключался через USB. Мнительный Борис всегда держал ее под полкой столика для компьютера, чтобы не видно было ни с какой позиции возможной камеры слежения. И даже Звонкову не объяснял ее назначение. Впрочем, Леша был не любопытен, а может, и недостаточно квалифицирован. Борис понимал, что это уже на грани маниакальности, но в данной ситуации интуитивно сознавал, что кашу маслом не испортишь. И оказался прав.

На время отъезда БС нужно было кому-то - очень надежному человеку, сто миллионов долларов! - отдать на хранение. И тому, о котором наше КГБ, ФБР, Штази – называйте, как хотите – не сразу подумает. Скажем не родителям, не друзьям или близким знакомым.

Не буду отнимать у вас время, повторяя варианты, которые рассматривал Борис. Лучше Алисы Луниной он никого не нашел. Она почему-то первая появилась в памяти, когда речь зашла о порядочности. И вообще о достоинствах. В число требований также входило - в таком случае Борис будет обязан этому человеку. Не будет ли это его тяготить? Тут следовало твердое «нет» - не будет, скорее наоборот, быть обязанным ей приятней, чем всем остальным кандидатам.

После звонка Алисе он надел плащ - хоть на улице было довольно тепло. Потом, стараясь сделать это незаметно для гипотетических камер слежения, вынул из-под компьютерного столика БС и спрятал его под плащом, зажав под мышкой.

Алиса пришла в кафе на пять минут позже назначенного времени, Борис на десять минут раньше - политес был соблюден с обеих сторон. Она позволила себе только минимум миниморум макияжа, не хотела выглядеть «старой душой» - это уже было похоже на комплексы. Но - вероятно случайно - все-таки надела платье и кофточку, которые, как говорили, шли ее фигуре.

В кафе было немного народу, и Борис выбрал место подальше от стойки бара. Когда Алиса вошла, он встал, они поздоровались, обменялись улыбками. Заказали с общего согласия кофе с пирожными.

Настроения Алисы вам уже известны. А как Борис к ней относился? С уважением, большим уважением.

Почему-то многие считают, что мужчина оценивает женщину, если она не старая и не некрасивая, прежде всего с точки зрения - хотел бы он ее или нет. Все остальные впечатления идут уже следом. Если красавица с целым комплектом других достоинств не прошла первый пункт, то она автоматически входит в раздел «прочие». Я думаю, что это мнение о нас несправедливо, но... пожалуй, спорить с ним все-таки не буду. С самого начала знакомства уважение мешало Борису разобраться в отношении Алисы с указанным первым пунктом. Может быть потому, что она была матерью его молодого сотрудника, может, разговоры Аллы Михайловны об «отцах и детях» - помните? - оставили след. Но скорей всего причина другая - между эльфом, да еще умным и интеллигентным, и простыми смертными должна сохраняться дистанция. Между прочим, у вполне современного Бориса вопрос о возрасте даже теоретически не стоял - «правда жизни» доказывала ему, что какие-то плюс-минус десять лет для близких отношений, в том числе и для чувств, никакой роли не играют.

Алиса о шести годах не в свою пользу и прочих комплексах не забывала, потому что неожиданно для себя посмотрела на часы и сказала:

- Борис, у меня всего минут двадцать, - и спохватилась. Подумала, что, как и опасалась, ведет себя глупо. И даже невежливо.

Борис заторопился и смешался. Он, разумеется, продумал, что и в каком порядке будет говорить, но в цейтноте растерялся, начал почему-то с конца, потом перешел к началу. Алиса, которая была от природы тактичным человеком, полностью пришла в себя и перебила его не очень связные пояснения.

- Борис, прошу прощения, но я... изменю свои планы. Там, - она махнула рукой в сторону выхода, - не было ничего важного. Я не тороплюсь. Начинайте сначала.

Он благодарно посмотрел на нее, успокоился и действительно начал сначала. Кое о чем она уже знала - в том числе о предполагаемых ста миллионах. Он рассказал о визитах Ядловского и незнакомцев, о взломе ноутбука, о том, что голландская фирма и «Омега», по его мнению, объединились. Словом, о том, что вы уже знаете. О своих безрезультатных поисках жучков и камер. При этом он покраснел.

- Джеймс Бонд. Вы говорили, что я преувеличиваю, возможно. Но вы знаете, читали, слышали - у нас всех и вся подслушивают. Подсматривают. - Алиса кивнула, об этом трудно было не знать. - Поэтому и встреча в кафе. Здесь камеры, возможно, есть, но не подслушивают, уже хорошо.

Алиса слушала очень внимательно. Она полностью переключилась со своих - ей сейчас казалось во многом надуманных - проблем на его, очень важные и опасные. Сейчас самым главным оказалась тревога за Павлика... и за Бориса. За близких.

- Я пришел к выводу, что мне в одиночку с ними не справиться. И решил продаться. Но другой фирме, с которой уже работал. Английской.

Борис наклонился к ней и, приглушив голос, сказал:

- Я лечу в Англию для переговоров. Нельзя терять ни минуты. А теперь, почему я попросил вас прийти.

Он рассказал о том, что в его отсутствие от взлома фильтра-усилителя может спасти только блок связи, и в нескольких словах объяснил, что это такое. Алиса главное поняла.

- Это ключ к вашему проекту?

Борис кивнул.

- Я почему-то подумал о вас. Блок связи действительно ключ ко всему. Это значит доверить все, что у меня есть.

Алиса покраснела, наверно от гордости. И даже благодарности.

- Но вы понимаете, что это все-таки небезопасно. Хотя будем считать, что я преувеличиваю.

- Будем считать, - ободрила его Алиса.

- Да, хотя бы потому, что «Омега» вряд ли вас заподозрит. Начнут с родителей, друзей. Но все равно... Не знаю, имею ли я право...

Пауза была недолгой. Алиса, стараясь, чтобы момент был не слишком торжественным, шутливо взяла «под козырек».

- Как мы, разведчики, говорим, когда родина дает опасное задание? Благодарю за доверие!

У Бориса отлегло от сердца. Он почему-то подумал, что теперь у него все сладится. Есть талисман. Эльфы должны приносить удачу.

- Блок совсем небольшой. Нужно включить его в USB. Положить, скажем, на нижнюю полку компьютерного столика, там провода, удлинители, роутер, фильтры и всякая всячина, никто не заметит. И если можно, лучше оставить компьютер включенным в спящем режиме, я смогу убедиться, что все в порядке. Есть у меня такой способ. Будет спокойнее.

- Хорошо.

Оставалось еще одно «но».

- Алиса, есть еще проблема. Павлик видел блок, может не стоит...

- Я отнесу его к маме.

- Это будет лучше всего. Да, и когда я буду в Англии, общаться мы не будем. Я не доверяю никаким средствам связи.

- Понимаю.

На улице они постояли возле машины Бориса, и блок, как им казалось, незаметно, перекочевал в сумку Алисы.

- До встречи.

- До встречи. И удачи!

Алиса решила сразу же поехать к маме и оставить там блок связи. К маме... Она всегда говорила и думала - сегодня поеду к маме, давно не была у мамы. Даже не добавляла папу за компанию, хотя очень его любила, больше с ним общалась и легче находила общий язык. Результат матриархата. И Борис - она обращала внимание - тоже всегда говорил к маме, у мамы. Есть ли что-то общее в характерах жертв домашнего матриархата? И скажется ли это на Павлике?

Родители были дома. Обрадовались. Поговорили. Алиса зашла в свою комнату, она всегда обязательно туда заходила и какое-то время с удовольствием сидела в любимом кресле. Это была традиция. Комната двадцать лет в полной готовности ее ждала. Чистенькая, свеженькая, до сих пор девичья светелка. И на кровати спать разрешалось только Павлику. На стенах те же картинки сумиэ - перед замужеством она увлекалась Востоком. Параллельно с воспоминанием о Фирдоуси промелькнуло предчувствие – возможно, комната скоро дождетсЯ возвращения хозяйки...

Она положила блок на нижнюю полку компьютерного столика, подключила к USB задней панели. Среди проводов и различных коробочек он действительно не выделялся. Как просил Борис, настроила спящий режим. Вернулась в столовую пить с родителями чай.

- Мама, ты не выключай компьютер, мне кое-что могут прислать.

- Хорошо. Алечка, ты сегодня выглядишь лучше, спокойнее. В последнее время была какая-то напряженная. Взвинченная. Мы с отцом даже стали волноваться, на тебя это не похоже.

- Все нормально. День на день не приходится.

Она улыбнулась и с удивлением почувствовала, что этот день действительно не похож на другие. Посидев у родителей еще какое-то время, она попрощалась, села в машину... и решила поехать куда-нибудь в кафе, обдумать свое состояние. Оно в самом деле новое или ей только так кажется? Сначала хотела вернуться в «Солнышко». Но нет, там сейчас много народу. По дороге попалось маленькое кафе «Нива», столики на веранде. В углу две девчужки, больше

никого. Зашла, села за столик в другом углу. Подошел молодой парень, он, кажется, был один на хозяйстве. Попросила шампанского.

- Бутылку? 700 граммов, «Царское золото».

- Прекрасно. Сон в руку. Но все-таки бокал.

- А куда мы остальное денем?

Алиса засмеялась.

- Выпьемте!

- Только если за ваш счет.

- Идет!

- Настроение хорошее?

- Кажется, да.

- Оно и видно. Боюсь, мне много шампанского не останется.

- И шоколадку.

Хоть шампанское было слишком сладким для Алисы, да еще в сопровождении шоколада, тем не менее оно подтвердило - настроение переменялось к лучшему. Хорошо, если бы надолго, без надоевших перепадов. Прежде всего радовала возродившаяся - наконец! - самоирония, которой она прежде гордилась. Права мама - она действительно в последнее время была не только взвинченной, но и экзальтированной... даже на грани истеричности. Нервное самокопание, охи-ахи, сомнения, «быть или не быть», все эти то ли девичьи, то ли старушечьи - она саркастически ухмыльнулась - эмоции глупы и нелепы. Теперь совсем иная ситуация. Она задумалась: а в чем отличие? И нашла ответ - она снова почувствовала себя своей в Стране чудес, как и тогда, когда в роли абонента вставила запятую перед придаточным предложением. У нее в руках ключ от этой страны. Как Борис сказал: «Это значит доверить все, что у меня есть». Постороннему человеку «все что есть» не доверяют.

Ключ от всего... Ей неожиданно в голову пришло явно неудачное сравнение - «игла в яйце, а яйцо в гнезде, а гнездо на дубе». Какая ерунда, Борис не Кощей бессмертный, наоборот, он... а наоборот, кто? Уж не принц ли на белом коне?

Алиса призвала на помощь самоиронию. Нет, и это тоже ерунда. У нее сейчас простые человеческие чувства, конкретные, а не «миллион терзаний». Она волнуется, удастся ли ему заключить договор, не перехватят ли его по дороге. Волнуется за его безопасность и за безопасность Павлика. Может, есть что-то в этом материнское - может быть, но не стоит обращать внимания. Ее статус в отношениях с Борисом перестал быть самым важным, комплексы отошли на второй план. Она волнуется за дело, которое считает в какой-то степени общим, и за близких людей. Человек обязательно должен за кого-то волноваться и ожидать чего-то хорошего. У нее давно никаких ожиданий не было. Ну, правда, есть вроде бы для этого повод - Павлик должен хорошо сдать экзамены. Но в этом никто не сомневается. А ожидает ее отъезд любимого сына в Англию. Она не представляет, как они с Антоном будут жить без него.

Алиса наполнила опустевший фужер и задумалась - почему она никогда, практически никогда не волновалась за Антона? А ведь он со своей довольно сомнительной с точки зрения

закона компанией наверняка попадал в непростые ситуации? Мало того, она старалась в его дела не вникать. Пропускала мимо ушей. Была в нем уверена? Возможно. А за Бориса переживает. Сейчас она поняла, точнее понадеялась на то, что есть еще одна причина. Из категории морали, пусть это звучит высокопарно. Борис и Антон стоят по разные стороны баррикад. Хозяин колбасного завода, который назвал Антона рейдером, и Борис с одной стороны, а ее муж, который отжал этот завод, и подобные «Омеге» иже с ними - с другой. Но не поздно ли дала о себе знать ее внутренняя порядочность, а может, и скорее всего, это чистоплюйство? Закрывать глаза проще всего.

Нет, все-таки хорошо, что знакомство с Борисом позволило ей посмотреть на себя со стороны. И за это она тоже ему благодарна.

Второй фужер опустел. Действительно, парень оказался прав - ему достанется немного шампанского. Зато Алиса перед уходом смогла придирчиво спросить себя: а не в том ли дело, что дружеское доверие Бориса она подсознательно смешивает с другим чувством? И ответила, слегка поколебавшись: нет, надеюсь, что нет. Во всяком случае сейчас... Сейчас она уверена в своем новом состоянии, и оно ей нравится.

Ого! Она почти на час опаздывает к ужину. Проверила - пятьдесят долларов для автоинспектора на месте. И поехала домой.

Зашла в дом, улыбаясь, в отличном настроении.

Павлик и Антон увидели ее улыбку, повеселели и сразу же простили ей опоздание. А Алиса с огорчением подумала: «Как мои мужчины зависят от меня. Вот он, матриархат в действии. Нет, я не должна...»

Что не должна делать, она пока не решила, вместо этого предложила к ужину выпить шампанского. В доме у них всегда был ее любимый брют. И налила немного Павлику.

- Ма, мне заниматься.

- От сорока граммов шампанского, кроме просветления, ничего не будет.

Вечер прошел очень хорошо. Антон на радостях позвонил по телефону и сказал кому-то, что занят, просит перенести встречу на завтра. Когда Павлик по какому-то поводу упомянул Бориса, Алиса не стала бледнеть или краснеть, а отнеслась к этому совершенно спокойно.

Но к концу приятного семейного вечера от благодушия и шампанского Алиса утратила бдительность, и когда Антон спросил, как она себя чувствует, легкомысленно ответила:

- Прекрасно.

- Значит, голова не болит?

Выхода не оставалось. Ну что поделаешь, поговорка «не первый год замужем» подходила в прямом, а не в переносном смысле.

Было ужасно - и это очень слабо сказано. Алиса после долго отмокала в ванной. Она чувствовала неприязнь к Антону, хотя понимала, что он уж точно ни в чем не виноват. А к себе - пожалуй, отвращение. Мыло, мочалка... почему вдруг? Ведь действительно не первый год замужем. Она признавала, что уже давно в этих «играх» была не столько участником, сколько посторонним наблюдателем, считала это своим недостатком от природы. И вдруг

такие эмоции? Воистину, думала атеист Алиса, пути господни неисповедимы. Но понимала, что повторения, пока не выяснится, что к чему, она не выдержит.

Когда она вернулась в постель, Антон еще не спал. Он не любил засыпать один. И Алиса сказала, что у нее проблемы. Нужно пойти к врачу, а пока придется какое-то время воздержаться. Антон, как обычно не думая о себе, заволновался.

- Конечно, Алисочка, о чем речь!

В чем дело, не спрашивал, знал, что Алиса этого не любит. Когда сможет - расскажет.

Она снова почувствовала свою вину, ведь неприязнь, совершенно им не заслуженная, только усилилась.

«Плохо. Посмотрим. Время покажет», - с этими мыслями она уснула.

Борис и Натаниэль Бурш добрались до Лондона благополучно. Когда из аэропорта Хитрово приехали в город, было уже за полночь. Но никакой усталости от перелета Борис не чувствовал, гора с плеч, прилив оптимизма, только положительные эмоции. Этому способствовало и его отношение к городу. Лондон, пожалуй, ему нравился больше других столиц, в которых он побывал. Их было не слишком много, но с десятков все-таки набралось. А кстати, я обратил внимание на то, что действующие лица в моем рассказе люди не бедные, они не слишком много думают о хлебе насущном, поэтому - признаю - реальной социальной картины жизни в стране вы не увидите. Может, и к лучшему, достаточно включить телевизор... Но я отвлекся.

Борису нравилась особая атмосфера Лондона, сочетание большого современного города и многолетних традиций. Дело не только в левостороннем движении, такси, кранах с отдельно горячей и холодной водой. И не в количестве сохранившихся исторических зданий и районов. Во многих городах и странах они есть, и даже куда более древние, но только в Лондоне, особенно в центре они выглядят как новые. Не отремонтированные, не отреставрированные, а именно новые, недавно построенные. Любовно ухоженные. И это в стране туманов и вечных дождей! Взять хотя бы для сравнения Петербург... Но я опять отвлекся.

Цель путешествия – компания Special Taste, логотип ST – располагалась в Ридинге, недалеко, 60 км, от столицы. Но все-таки решили остановиться в Лондоне, поездом минут сорок, не страшно. Предусмотрительный Натаниэль забронировал гостиницу среднего класса недалеко от вокзала Паддингтон, пешком минут пятнадцать. Все продумано. Тем более, что в Лондоне у них были важные дела. В гостинице их ждали, вручили ключ, предложили ужин. Само собой и Борис, и Натаниэль довольно прилично говорили по-английски: на таком уровне это просто необходимо.

Утром Борис пошел в два крупных банка и положил в сейфы по комплекту записей - на всякий случай дублировал. А Натаниэль заранее наметил очень важное мероприятие. Он созвонился с секретарем довольно крупной фирмы, тоже занимающейся информационными технологиями, в некотором смысле даже конкурентом ST. Там он представился юрисконсультom некоторых украинских IT-фирм - кем в действительности и являлся. Сказал, что у него есть предложения. В этот же день во второй половине ему назначили встречу с кем-

то из правления – судя по всему человеком влиятельным. Натаниэль предложил фирме услуги опытных программистов - а Украина в этой области имела довольно высокий авторитет - и кое-какие реальные разработки. Мимоходом сообщил, что намерен с той же целью посетить несколько компаний, в том числе назвал ST. Попросил совета. Член правления тактично обругал все упомянутые фирмы, а о ST рассказал много интересного. Компания мощная, но в последнее время не развивается, что для бизнеса очень опасно. Теряет рейтинг. Ее намеревается купить крупнейшая компьютерная фирма из Калифорнии [Hewlett-Packard](#) не то за 5 не то за 6 млрд. долларов. Все стараются сохранять переговоры и сумму в секрете, но шила в мешке не утаишь. Хозяева ST очень хотят остаться самостоятельными, но для этого нужно поймать золотую рыбку.

Вечером Натаниэль свое сообщение Борису закончил эффектно.

- Во-первых, при цене 6 миллиардов каких-то сто миллионов найдутся, а во-вторых, мы попали прямо к обеду. «Прошу к столу, вскипело», - он любил цитировать Жванецкого.

Борис подумал, что эльфы действительно приносят удачу.

Чтобы не загружать вас производственными темами - а я это обещал, - сообщу результат. Хозяева фирмы сразу поняли, что предложение Бориса действительно золотая рыбка. В пакете будет и оборудование, и программное обеспечение при минимуме капиталовложений. Очередь потребителей, одних только «органов правопорядка» тайных и явных бесконечное множество, а медицина, социальные службы? А научные исследования и соответственно поддержка государства? Но еще важнее - это бренд. Все будут знать, что ST – фирма, которая открыла телепатию, это дороже любых миллионов. Да, быть первопроходцем почетно, а значит, выгодно.

Конечно, была торговля, сумма покупателям показалась огромной. Но Борис признался им - или сделал вид, что признался, - если бы ему не угрожали неизвестные конкуренты, он бы не продался. А так нужно торопиться, нужно от греха подальше (как это по-английски?) все официально оформить и запатентовать. Намек на конкуренцию был понят.

Они подписали предварительный договор на 130 миллионов английских фунтов, компромисс заключался в том, что из них сто миллионов акциями ST, то есть они остались в компании. Борис стал - почти стал - солидным акционером. Хорошо это или плохо, зависело от их теперь уже общего будущего. Окончательно договор будет подписан после демонстрации, которая должна состояться 14 мая на квартире у Бориса. Шесть дней на подготовку не много, но уложиться можно. Компания к этому сроку направит на демонстрацию представителей. Никто не сомневался в правдивости Бориса, но существуют формальности и традиция. Да и деньги немалые...

Весь лондонский период настроение у новоявленных богачей шло по нарастающей - от облегчения до надежды, потом к уверенности, потом к радости, переходящей в восторг. Перед отлетом в ресторане Хитрово они разговелись - раньше себе не позволяли - выпили и закусили, то и другое в приличных дозах и ассортименте. В Мюнхене на пересадке еще добавили. Продолжили в самолете. Приземлились часов в пять пополудни в очень веселом настроении, точнее прилично навеселе. И правильно сделали, как чувствовали, что родная

земля им продолжать эйфорию не позволит. Особенно Борису. Его ждали проблемы, как говорил Леша Звонков, в арифметической, а потом и в геометрической прогрессии. И кстати, первой проблемой был сам автор этого изречения.

Борис сразу же после выхода из аэропорта ринулся домой - нужно было проверить, не взорвали ли заинтересованные лица квартиру вместе с оборудованием. Это был черный юмор, но и обстоятельства не слишком светлые. Дома, к счастью, все было в целости и сохранности - на не слишком трезвый взгляд. И он тут же по мейлу отправил в ST сообщение, что можно к 14-му числу отправлять представителей на демонстрацию. После чего любые новости со знаком плюс больше не появлялись, а неприятности посыпались одна за другой.

В Англии Борис отключил свой мобильный телефон. То ли, заиклившись, боялся, что его обнаружат, но скорее всего просто не ждал от вестей с родины ничего хорошего. И после посадки его не включал - домой, быстрее домой! Сейчас главное было сделано, и можно звонить родителям и Леше. Он включил телефон и увидел смс.

«Извини, Борис. Ты мне о своих планах не рассказал, а тут мне на халяву возникла путевка в Турцию, город Каш, это центр дайвинга. И гостиница люкс-модерн. Ты знаешь, какой я фанат акваланга. Извини, буду 23 мая в понедельник с утра на работе как штык. Леша».

Борис в случайные совпадения уже не верил.

Внезапно навалилась усталость - перелет с непрерывным празднованием, стресс от смс Леша. Слишком много нагрузки и контрастов. У него даже не было сил принять душ, завалился в кровать и мгновенно отключился.

Проснулся, когда начало светать, часов в пять утра. Трезвый, готовый преодолевать очередные трудности. Принял душ, переоделся. Занялся системой. На этот раз он определил, что гости были. Включали, выключали, вынимали, отодвигали, ставили на место. Очень аккуратно. Наверняка все зафиксировали и записали.

Часов в семь он спустился к вахтеру. Опять дежурил Сергеич. Он еще не проснулся, и вокруг еще пахло спиртным. Обычная картина. Сергеич посмотрел в какие-то записи и сказал, что был вызов охраной организации в квартиру Мазурова, но не в его смену. Два дня, точнее ночи тому назад. Фирма приехала, все проверили и сообщили, что вызов ложный. Проверяли долго, часа четыре. Тщательно. Борис понял, что к «Омеге» и голландцам можно добавить охранную организацию «Карабин».

Поднялся домой. Аппетита не было, выпил кофе. Часа два-три ходил по квартире из угла в угол. Потом поднялся на два этажа и позвонил в квартиру сестры подруги Риты. Он знал, что хозяева и дети на работе и в школе. А дома только домработница Галя. Галя действительно была в квартире. Он попросил разрешения позвонить. Объяснять ничего не стал. Разрешение получил. Позвонил.

- Алиса, прошу прощения, вы на работе? Когда я могу перезвонить? Через пятнадцать минут будет перемена? Хорошо, еще раз извините.

Через пятнадцать минут перезвонил.

Потом поехал к маме, рассказал о командировке то, что нашел нужным. А в полвторого они с Алисой сидели за столиком в кафе «Солнышко».

Она была рада его видеть. Он ее тоже. У нее было хорошее возбужденное настроение, у него тоже возбужденное, но плохое.

- Ну как, все благополучно? Со щитом?

- Как обычно бывает. Две новости, одна хорошая, другая плохая. С чего начать, с хорошей?

Он рассказал о результатах поездки. О предварительном договоре в 130 миллионов фунтов стерлингов. Алиса была откровенно счастлива. Она умела сдерживать отрицательные эмоции - как я уже упоминал, всегда оставалась уравновешенной и тактичной. А вот с положительными справиться не научилась. Может быть, не так много было для этого в ее жизни поводов. Она улыбалась, глаза блестели. Но что делать, пришлось переходить к плохим новостям. Борису очень не хотелось ее огорчать - нужда заставляла.

Он рассказал о неприятностях в порядке их поступления.

И прежде всего о смс Звонкова. Прочитал по первоисточнику - мобильному телефону.

- Я не верю, что это случайно. Денег лишних у Леша не было, они жили с женой и ребенком на съемной квартире, копейки считали. На то, что я ему платил, в Турции не разгуляешься. Кто-то путевку подсунул. Он написал «возникла на халяву». Так не бывает. А значит, узнали и о договоре с ST, и о дате демонстрации. Откуда? Понятия не имею. Но как-то узнали. И сообразили, что без абонента я устроить демонстрацию не смогу, нового подготовить и обучить не успею. Отменять или переносить опасно, в ST это вызовет подозрение, подумают, что игра не совсем чистая. Или ненадежная.

Алиса начала догадываться, зачем он ее срочно позвал. И почему попросил приехать прямо с работы, можно и без блока связи.

Потом Борис рассказал, что в квартире были «гости» и трудились над схемой. То, что блок связи хранился у Алисы, спасло ситуацию - он на это надеялся.

- Почему они так за вас взялись?

Борис еще больше помрачнел, хотя казалось, это уже невозможно.

- «Омега» считает, что у нее есть право на участие в проекте. Хотя там было все мое, и идеи, и выполнение. Но главное - сейчас в проекте почти ничего от тех схем не осталось. Другой принцип. «Омега» предложила свои услуги голландцам, и пошло-поехало. Теперь они не остановятся, потратились, а расходы нужно окупать. И есть данные, что голландцы недалеко от банкротства, а в таком состоянии люди очень опасны.

Он немножко просветлел.

- А знаете, может и хорошо, что они у меня были «в гостях». Коды не прошли, результатов не добились - без блока связи это было практически невозможно. Но теперь у них есть все данные, и они будут над ними работать. Это время - и время немалое - мой резерв. Теперь они от меня возможно отстанут. Этой отсрочкой нужно воспользоваться для того, чтобы официально застолбить участок. Договор с ST будет подписан только тогда, когда компания убедится, что интерфейс действительно существует - после демонстрации. Только потом можно оформлять патенты. Но без абонента...

Он беспомощно развел руками.

- Мы с Павликом? - Алиса смотрела ему в глаза.

Он вздохнул, не просто вздохнул, а тяжело. Даже тяжело.

- Если бы вы знали, как мне не хочется втягивать вас в эту историю.

- Мы уже в ней. Мне кажется, это наша общая история, - она смутилась, - я не в смысле славы и денег...

Дальше они продолжали смущаться по очереди.

- Я давно считаю, что общая, - это прозвучало очень горячо, поэтому Борис смутился. - Нет, я не в том смысле, что хочу вас охмурить...

Он еще больше смутился, а Алиса успела подумать: «Жаль, что не в том смысле», - и наступила ее очередь покраснеть.

- Я что имею в виду – не для того, чтобы вы согласились участвовать в демонстрации. А впрочем....

Довольно быстро - главное уже выяснили - они договорились. Через два дня у Павлика последний экзамен, он подключится позже, а Алиса придет послезавтра после работы, в два часа дня, и они с Борисом опробуют систему, перепроверят «точку»...

Но Алиса пришла не через день, а на завтра, и не после работы, а с утра. И не пришла, а ворвалась в квартиру.

Дело в том, что после их встречи неприятности последовали не в соответствии с какой-то математической прогрессией, а посыпались как из мешка.

Вернувшись домой - в «Солнышке» они с Алисой только пили кофе, - Борис с аппетитом пообедал чем бог послал, то есть сосисками, которые всегда на всякий случай были в морозилке, потом прилег и полчаса вздремнул. Набравшись таким образом новых сил, принялся готовить схему к работе. Слишком много зависело от испытаний, он был не просто внимательным, а скрупулезным... и наверно поэтому по каким-то только ему ведомым признакам заподозрил, что «гости» защиту все-таки прошли. Во всяком случае два уровня. Следы взлома мог заметить только очень наметанный глаз плюс интуиция, а это означало, что либо снова в деле участвовал классный специалист с навыками хакера, либо... Вариант второй был еще хуже - «халява» Леша Звонкова оказалась не такой уж невинной. Очень неприятно даже мысленно подозревать человека, с которым работал, которому доверял. Не хотелось в такое верить - за дайвинг и гостиницу шик-модерн Леша бы совесть не продал. Хотя кто знает, может еще были предпочтения, более основательные...

Как бы то ни было, а пришлось хорошо прошерстить всю систему в поисках вирусов. На прогулку Борис вышел часов в десять, позже, чем обычно. Обуреваемый сомнениями, он, ни на что не обращая внимания, шагал по привычному маршруту и на самом темном участке почти натолкнулся на высокую худую чуть сутуловатую фигуру. Это был Миша Ядловский. Мелькнула мысль: «Они мой распорядок знают лучше меня».

- Привет, тень отца Гамлета. Что ты тут делаешь?

Ядловский действительно напоминал привидение и не только из-за особенностей фигуры, Борис обратил внимание на его необычную, даже какую-то фосфоресцирующую бледность. В нормальных обстоятельствах он был смуглым, загорелым. Миша попытался что-то сказать, не получилось. Собрался с силами и прокрипел:

- Отойдем, там есть скамейка. Дело швах...

Повернулся и, не ожидая ответа, пошел в сторону от дороги, к кустам. Борис пожал плечами и двинулся следом. Промелькнувшая мысль: «Заманивают», - показалась несерьезной. Он ускорил шаг, чтобы догнать Ядловского, в темноте обо что-то споткнулся, довольно неловко для бывшего акробата упал и больно ударился коленом. Охнул, выругался. Ядловский даже не оглянулся. Борис вспомнил свои недавние пророчества: «Так и есть, накаркал. Ноги уже начали ломать. А что-то я еще вещал по поводу смерти?» Он все же немного встревожился, хотя пока все выглядело скорее нелепо и комично. Но уж слишком необычным был Ядловский, его трясло, руки и плечи подергивались, как у куклы на веревочках.

Действительно рядом с кустами была скамейка, Ядловский плюхнулся на нее, Борис сел рядом.

- Я больше не могу. Чтоб они все провалились! Откуда эти гады взялись на мою голову? Не могу больше. Что с нами будет?

Борис его прервал.

- Перестань причитать. Кто они, чтостряслось?

Миша что-то силился сказать, но результатом было только тихое шипение.

- Говори толком.

- Леша Звонков умер, - и неожиданно почти закричал: - Его убили! Гады! Во что они меня втянули? Что делать? Чем все это может кончиться? Что со мной будет?

Это была истерика.

От этого известия Борис и сам оказался в шоке, так что более-менее вразумительное общение наладили не сразу. Но спустя какое-то время ему удалось вытянуть из периодически впадающего в панику Ядловского, что и как произошло.

Когда Борис улетел в Англию, делегация «Омеги» побывала в его квартире. Но надежную защиту Бориса да к тому же без кода не прошли, даже голландский хакер не помог.

- Так голландцы действительно участвуют? Я подозревал, но не был уверен.

- Они покупатели. И участники.

Тогда босс предложил завербовать Звонкова, как минимум тот знает коды. И сам лично разработал операцию. Считал, что опыт у него есть. Ядловского с самого начала привлекли как основного специалиста, поэтому он был в курсе всех событий.

Леша подрабатывал по вечерам, налаживая личные компьютеры. Однажды его вызвал к себе домой «наш человек» вроде бы по этому поводу. У «нашего человека» была в гипсе нога. В разговоре «случайно» выяснилось, что бедняга должен был послезавтра лететь в Турцию, в город Каш, центр дайвинга, а вчера упал на лестнице. Путевка и гостиница оплачены, и все псу под хвост. Кто сейчас купит? Миша слушал вместе с генералом по рации их дальнейшее

соревнование в благородстве. Леша сказал, что он фанат подводного плавания, что у него даже есть сертификат PADI - это международная организация дайвинга. Хозяин удивился «совпадению», обрадовался и предложил путевку со скидкой - все равно пропадает. Сдать ее смысла нет - от тысячи семьсот долларов останется пшик, да и не возьмут. Наши турфирмы те еще жулики. Леша сказал, что ему денег не хватает даже на платежки. Короче, сошлись на том, что Звонков будет год обслуживать компьютер благодетеля бесплатно. В Турцию виза не нужна, хозяин позвонил в туристическую фирму, договорился о смене данных, потом Леша туда подошел - все было оллрайт. Да и туристическая фирма была не случайно выбрана.

Утром Лешу вместо аэропорта привезли в какой-то особняк, Миша там уже был с группой гэбистов.

В этот момент рассказчик снова впал в буйную истерику и кроме всхлипов - «куда меня втянули, что со мной будет, соучастие в убийстве, до чего я дошел» - долго ничего путного сказать не мог. Борис даже было поднял руку, чтобы остановить его пощечиной, но пока решил попробовать многоэтажный мат. Помогло. Миша продолжил, раскачиваясь взад-вперед, как правоверный еврей на молитве.

Звонков оказался твердым орешком. Ему предлагали золотые горы. Потом угрожали компроматом – оказывается, он, когда работал учителем, трахнул какую-то ученицу, которой еще и 16-ти не было. В ответ Леша только рассмеялся - сейчас за такое только что медаль не дают. Он наотрез отказался вместе с группой войти в квартиру Бориса и не отвечал на вопросы о кодах и подробностях проекта. А местные гэбисты определенно дисквалифицировались, потому что на такое твердое сопротивление не рассчитывали. Времени оставалось мало - всего сутки до возвращения Бориса. Они засуетились, заспешили. Решили форсировать...

- Пытали? - с ужасом спросил Борис и почувствовал, как покрывается холодным потом. Это уже был триллер, а не детектив.

- Хуже, - ответил Ядловский и снова пытался впасть в истерику. Борис поднял руку, обошлось без мата. - Они стали колоть ему в вену какую-то гадость. На современном уровне. Звонков сначала поплыл, глаза помутнели, понес ерунду, правда вроде бы сказал код. Но не четко. Они добавили в вену. Из рта пошла пена... Он умер... Я потерял сознание...

Перерыв на панику, потом собрался с силами и продолжил.

Очнулся Миша на тахте в той же комнате. Звонкова... тела Звонкова уже не было. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта. Он слышал, как босс говорил группе, что делать. Звонкова... тело Звонкова должны были усадить в кабинке туалета аэропорта, а в ночную смену его обнаружит уборщица. Инфаркт. У них все схвачено. В наше время и не такие вещи проходят. Беспредел. Сегодня утром об этом сказали по телевидению.

- Я не слышал.

- Между прочим, на энном канале, чтобы не привлекать внимание. Ну умер человек, инфаркт. Боря, я больше этого не вынесу. Если еще и ты!..

- Что я?

- Я слышал, как босс сказал: «Теперь назад дороги нет. Нельзя, чтобы такое было зря. Он уехать не должен».

- Обо мне?

- А о ком? И еще он сказал, решительно: «Где один, там и два». Боря, бога ради, смойся как-нибудь... Я этого не вынесу. Для меня и одного много... Они все знают насчет Англии. Они тебя не выпустят.

Повисла тяжелая пауза. Миша раскачивался, Борис пытался переварить услышанное.

- И что ты собираешься делать?

Ядловский неожиданно почти нормальным голосом ответил:

- Что? Я тебе скажу что. Когда босс вышел и увидел ужас в моих глазах, то очень спокойно, по-деловому сказал: «Учти, если вякнешь - будешь следующим». Я ему поверил на сто процентов.

- А почему тогда мне рассказал?

- Почему? - Миша растерянно посмотрел на Бориса. - Наверно... наверно... потому что... «Боливар не вынесет двоих».

Неожиданная острота прозвучала очень мрачно. Борис ясно представил себе, каково это каждую минуту ожидать, что тебя могут убить, в каждом встречном видеть убийцу. Пришла его очередь брать себя в руки. Это стоило немалых усилий.

- Ладно, Боливар. Спасибо, что предупредил. Хотя вдряпался ты в такое дерьмо... С ног до головы.

И Борис невольно отодвинулся от Ядловского. Тот реакцию понял и еще больше сник.

- Так ты ничего не решил?

- Я же сказал - ничего. - Миша продолжал раскачиваться. – Может, еще не убьют, а вякну - сто процентов. Представляешь себе, какие верхи задействованы, чтобы устроить эту показуху в аэропорту? И власти, и медицина, и, и, и... И какие деньги! Куда мне рыпаться. Тем более... я соучастник.

Борис потихоньку справился с шоком. Стал приходить в себя. И решил воспользоваться тем, что Миша «дает показания», может спохватиться и замолчать.

- Откуда вы узнали, чем я занимаюсь?

- Догадались. Я догадался.

- Значит, этим я тебе обязан? Спасибо забираю обратно. Ну ты и сволочь.

Борис с трудом преодолел желание дать ему по морде, но уж слишком она - эта морда - была жалкой и виноватой.

- Ладно. Бог простит. Как ты догадался?

- Ты у нас позаимствовал кое-какие детали из запаса. Утащил. То, что купили в Японии на твою схему. Я знал, что ты над чем-то работаешь, все это знали. Договора у тебя нет. Ясно, тему продолжаешь. Потом поставили «жучки».

- Услышали, чем я занимаюсь?

- Поняли чем, но не поняли как. И босса заело, что ты нас не взял в долю.

- Там ничего вашего не было.

- Но формально... И это его идея найти покупателя.

- А откуда они все знают?

- На фирме ST мы кому-то платим.
- Не знаешь кому?
- Рой... Рой... Фамилия как у автора 007...
- Флеминг?

Они еще какое-то время поговорили, Борис выяснил все, что мог. Узнал, что «жучки» в розетках в салоне и кабинете. Только там. Миша попросил «жучки» не вынимать - догадаются, кто донес. Но самое главное: босс приказал снять с Бориса любое наблюдение, чтобы не связали со Звонковым - мало ли что. Сказал, что им займется лично и по другим каналам. Так и сказал - по другим каналам.

- Беги, Боря, прошу тебя. Попытаешься?

Борис только пожал плечами. Планов пока не было, а если бы и были, то он делиться ими с Ядловским бы не стал - по понятной причине.

- Меньше знаешь - крепче спишь.

Тот понял недоверие и печально кивнул в знак согласия.

Борис уснул только под утро. Сначала бродил часа два из угла в угол. Потом пытался уснуть, ворочался. Потом опять принялся бродить. Прежде всего решил отказаться от участия Алисы с Павликом - это сомнений не вызывало. Потом решил не делать демонстрацию. И последнее: «в профессии святого главное вовремя смыться» - эту фразу из старого фильма «Праздник святого Йоргена» он любил (я, кстати, тоже люблю и даже ею злоупотребляю). Нужно было решить, что и как сообщить в Англию. И как смыться. Как сообщить в Англию, он сообразил. Надежного способа исчезнуть пока не нашел. И как потом оказалось, это не понадобилось.

Когда начало светать, Борис наконец отключился. Разбудил звонок в дверь. Непрерывный, вызывающий. Он успел взглянуть на часы - начало одиннадцатого. Ого!

Натянул пижамные брюки и пошел открывать. Это была Алиса. Эльф превратился в фурию. Глаза метали молнии, углы губ опустились, лицо выражало злость и ненависть. Борис не представлял себе, что такое преображение возможно. Я думаю, если бы Алиса увидела себя в зеркале, то не узнала бы. Она с таким треском захлопнула за собой дверь, что Борис вздрогнул.

- Как! Как вы могли Павлика! - голос ее звенел от напряжения. - Павлика! Ну ладно меня, но Павлика! в это втягивать? Кем нужно быть? Кем нужно быть... Зная, что Звонков мертв, что наверняка его уби...

Она недоговорила. Борис уже наверно стал привыкать к стрессам, он вовремя отреагировал. Вспомнил о прослушке и не слишком вежливо схватил ее одной рукой за плечо, а другой зажал рот.

- Вы что, вы что... - она пыталась крикнуть и вырваться.

Он прошептал ей на ухо:

- Тихо, нас слышат.

- Да...как... ка... к... вы...

Борис, все еще закрывая ей рот рукой, другой обхватил за талию. Приподнял и внес в спальню. Веса не почувствовал. Опустил на пол, закрыл дверь.

- Теперь кричите.

Алиса не знала, как это все понимать. Растерялась. Только тяжело дышала. Борис воспользовался паузой.

- Там «жучки». «Жучки», нас подслушивают. Я хотел утром звонить, сказать, что все отменяется.

Он не был уверен, понимает ли Алиса, что он ей говорит. Кажется, до нее не доходит, потому что опять зазвенело:

- Как вы могли? Вы уже знали, что Звонков умер, что его убили, конечно, его убили! И ставить нас на его место...

- Да услышите меня, черт подери! - Борис тоже начал выходить из себя. - Я только вчера вечером узнал. И все решил отменить...

Они говорили одновременно, дуэтом.

- Каким подлецом нужно быть, чтобы ради денег. Да, подлец, вы подлец...

- Я говорю вам, что не знал. А когда узнал, все отменил.

Кажется, Алиса что-то услышала, но продолжала, хотя уже не так уверенно:

- Вы негодяй. Вас оскорбляют, а с вас как с гуся вода. Вы...

Борис уже безнадежно, но зло сказал:

- Не отвечаю, потому что старших нужно уважать.

Это было слишком. Этого Алиса не выдержала. Размахнулась и вlepила пощечину, от которой Борис пошатнулся. И произошло неожиданное. Он обхватил ее за талию, немного приподнял, прижал к себе и поцеловал в губы, получил еще пощечину - уже другой рукой, потом она его обняла за шею.

Говорят, что страсть с особой силой пробуждается в самые напряженные и даже трагические моменты. Это общеизвестно. Читайте хотя бы Золя...

Вернулись в реальность они в два часа дня. А в половине третьего уже сидели на кухне и пили чай с сушками, готовые к выходу. Только их волосы еще не просохли после душа - у нее светлые волнистые, у него темные и почти курчавые. Они сидели по обе стороны угла стола - вроде бы и рядом, и почти напротив, удобно разговаривать.

Было заметно, что Алиса не знает, как себя в такой ситуации нужно вести. Неудивительно: это был первый опыт в ее жизни. Она старалась быть естественной, не смущаться - не очень получалось. Это внешне. Но и внутренне не могла толком разобраться в своих чувствах. Как их назвать? Оглушенность - больше всего подходит. Никогда и ничего подобного она даже представить себе не могла. Вот значит, что некоторые люди могут испытывать хоть каждый день и, может, даже многие годы. Но для того чтобы такое было возможно, человек должен быть очень близок тебе, быть частью тела и души, даже в голову не должно прийти желание посмотреть на себя со стороны, как это, увы, бывало с Антоном. Тогда это будет просто секс,

наверно, тоже неплохо - для некоторых, но совсем другие эмоции, на несколько порядков ниже. Странно, она не чувствовала вины перед мужем. Почему? Вероятно, потому, что понимала: чем бы ни кончилась сегодняшняя встреча с Борисом, она узнала что-то очень важное, без чего жизнь любого человека, в сущности, пуста. Может быть, за это - как за любое ценное знание - придется расплачиваться. Расплачиваться дорогой ценой одиночества, такое вполне возможно. Вряд ли с Борисом у нее есть будущее. Но она ни о чем не жалела и надеялась, что не пожалеет.

А Борис? Не новичок в подобных ситуациях, он тем не менее тоже чувствовал себя напряженно. Не было привычной спокойной уверенности. А о том, чтобы применять отработанный метод - помните? делать вид, что он только не возражает против чужой активности – об этом и речи быть не могло. Наверно, думал он, опять вмешалось уважение, которое он испытывал к Алисе. В таких делах чрезмерное уважение только вредит. Он никак не мог мысленно найти приличную тему разговора. И только спрашивал время от времени:

- Еще чаю? Может сушек? А варенье, есть у меня варенье? Нет, не хочешь...

И сам всему этому удивлялся. Единственно разумное, что он сделал - первый перешел на «ты», и то с трудом. Алиса вслед за ним это сделала легче.

И осмысленный разговор тоже начала она.

- Я даже блок связи не взяла.

- Это хорошо. Пусть останется у тебя.

- Когда Павлик сегодня за завтраком мне рассказал о Звонкове, я чуть в обморок не упала. Даже не позвонила, так хотелось вцепиться тебе в волосы.

Борис покорно наклонил к ней голову. Алиса улыбнулась, немного подергала прядь, африканские волосы оказались не жесткими. Потом пригладила. Этот жест почти снял напряжение.

- Сорок лет, - она подумала, что пытается уменьшить возраст, и уточнила: - Сорок один год беспорочной жизни, и вдруг из-за внезапной потери рассудка все рухнуло.

Она замолчала, дождала ответа на незаданный вопрос. Ответа не было. Спыхватилась и подумала - а каким был незаданный вопрос? Из Евтушенко?

И спрашивала шепотом,
А что потом, а что потом?

Этого она себе позволить не могла. И поэтому решительно подвела итог:

- Да, мне нужно во всем разобраться.

Борис понял, что с ней происходит. Может, это была телепатия.

- Я не согласен с помутнением рассудка. А еще больше со словом «внезапное». Алиса, я о себе скажу. О себе. Разве случайно я тебе рассказывал то, что никогда и никому другому не говорил? Не только о делах или когда становилось опасно. О своих дурацких теориях. Даже о жене и разводе. Ты в единственном числе в мире это знала. А о ком я подумал, когда нужно было всю свою жизнь отдать на хранение? Это тоже внезапно, случайно?

Алиса не могла - мы знаем - справляться с радостью, она опять вся светилась. И ничего не могла с собой поделаться. «Сияю, как медный таз», - укоряла она себя. Бесплезно!

Борис это видел и попробовал оставаться честным.

- Я не думал, почему так происходит. Только сейчас понял. И мне тоже есть в чем разобраться, как и тебе. Но, Алиса, о том, что будет дальше, я говорить не могу.

Улыбка на ее лице застыла.

- Я должен уехать. Надолго. А может, и навсегда. Завтра, в крайнем случае послезавтра.

И он ей рассказал о том, как умер Звонков. Что в «Омеге» решено не допустить демонстрации. Потом не без колебания, но все-таки закончил:

- Вроде бы там принято решение... избавиться от меня до демонстрации. Генерал, начальник «Омеги» сказал - имея в виду Звонкова и меня - «где один, там и два».

Генеральский афоризм произвел на Алису впечатление.

- До демонстрации осталось пять дней.

Борис не назвал источник информации, но телепатия между ними, пожалуй, действительно существовала, потому что Алиса сказала:

- Твой Миша Ядловский?

Она немного побледнела, но не охала, не впадала в истерику, с неприятностями даже самыми большими умела справляться. Просто все ее волнения и сомнения полностью переключились на его проблемы.

- Сто тридцать миллионов... Да, ты должен бежать. Боря, я наверно тебя люблю, наверно сильно люблю. - Она понимала, что сейчас не время заботиться о самолюбии. - Беги. И дай знать, когда будет все в порядке.

- Хорошо. А блок пусть останется у тебя.

- Понимаю. Ну, мне пора.

- До встречи.

- Дай знать, когда... когда сможешь.

Они поцеловались. Не как любовники, а как близкие люди. И долго стояли обнявшись.

Алиса ушла. Соблюдая конспирацию, Борис подождал двадцать минут. Вначале он, само собой, думал об Алисе. О том, что она пошла домой, в семью. У него, несмотря на приличный опыт, еще не было отношений с замужними женщинами. Пожалуй, брезговал. По его мнению, это был один из вариантов группового секса, просто немного растянутого во времени, просто с паузой на смену партнера, на что далеко не каждая женщина способна. Алиса, безусловно, к этому типу не относилась и вряд ли сможет вести двойную жизнь. А значит, ее слова о том, что все рухнуло, не просто фраза под настроение... Борис даже почувствовал что-то вроде вины. Вины - возможно, но не ответственности. Он ничего не обещал, и они люди взрослые. В конце концов, он только сегодня, пару часов назад понял, что его отношение к Алисе не просто уважение к умной, привлекательной и очень своеобразной женщине, а возможно, нечто

большее. Насколько большее - время покажет. Он должен еще не только привыкнуть к этой мысли, но и убедиться, что для нее есть основания... Только время.

И он переключился на свои проблемы, которые ему казались куда более важными. Давайте все же простим ему эту - как наверняка считают некоторые читатели женского пола - черствость. Лично я думаю, что вопрос «жизни и смерти» должен иметь приоритет.

Итак, через двадцать минут Борис открыл дверь парадного и тотчас же поймал себя на том, что напоминает шпиона из все того же дешевого детектива в мягкой обложке, о котором я уже упоминал. Он подозрительно осмотрелся вокруг, пытаясь придать себе безразличный вид, потом постоял у ближайшего окна, вглядываясь в отражение в поисках «хвоста». Затем прошел на стоянку, снова посмотрел в стекло с той же целью. Сел за руль, с облегчением закрыл дверь. Но перед тем как включить зажигание, снова испытал тревогу. Мотор заработал, взрыва не последовало. Не выезжая со стоянки, Борис минут пять серьезно с собой побеседовал - если в таком духе будет продолжаться, то никакие покушения не понадобятся, он просто попадет в психушку. Решил истерику - а как это можно назвать? - прекратить. И действительно, поведение его в пространстве стало почти нормальным, уровень беспокойства удалось значительно снизить, но, к сожалению, не до нуля. Что ж, Борис был уравновешенным и разумным человеком, но не героем. Впрочем, говорят, герои тоже в подобных ситуациях как минимум нервничают. У него в ушах звучало генеральское: «Где один, там и два». И все-таки паника недопустима, иначе разумные действия будут попросту невозможны. А сейчас в короткое время нужно принять единственно правильное решение и постараться его выполнить. С этими благими мыслями он направился в кафе «Интер», надеясь там встретиться с Буршем - несмотря на уверения Ядловского о том, что прослушка прекращена, он не хотел звонить по телефону.

Натаниэля в кафе не было, пришлось ехать в его офис. Застал. Сразу предложил пройтись. Самовнушение, пожалуй, не слишком подействовало, потому что на улице Бурш спросил:

- Что стряслось?
- Гм, стряслось... По мне это так заметно?
- Еще бы!
- Плохо. Черт бы меня побрал. Нельзя распускаться...
- А все-таки?

Нашли одинокую скамеечку в полузаброшенном парке. И Борис снова рассказал то, что вы уже знаете. Но на этот раз со всеми подробностями, без купюр - в разговоре с Алисой он смягчал все, что было возможно. В том числе и про Флеминга.

Натаниэль был не только впечатлен, но и испуган - он-то уж совсем не был героем.

Борис предложил план. Главное - демонстрация все равно должна состояться. Чуть раньше, чуть позже. Пока ST не увидят «Телепат» в действии, договор не подпишут. Можно на основе переправленных документов воссоздавать схему в Англии, но это время, и немалое.

Голландцы имеют достаточно украденных данных, чтобы за месяц-другой все понять. И тогда может быть поздно.

Словом, они обо всем договорились, распределили обязанности, проиграли варианты. Я не думаю, что вам интересны их планы в деталях, а что из этого получилось, вы в свое время узнаете. Нужно отметить только две вещи - Натаниэль получил все права для проведения любых необходимых мероприятий с ST. Доверенность составили и заверили у нотариуса, с которым они оба уже работали добрый десяток лет. Это официальная часть их плана. Была еще неофициальная: Борис предложил Натаниэлю запомнить коды доступа в систему - мало ли что может произойти... когда бог спит. Бурш категорически отказался.

- Боря, я, надеюсь, порядочный человек. Но реалист. И себя хорошо знаю. Ты мне рассказал о Звонкове. Я не Звонков. Если мне предложат деньги - я не продам, можешь в этом не сомневаться. Но если меня или семью прижмут - выложу все. Нет, не искушай меня без нужды.

На этой скамейке они плотно поработали часа три. Скамейка была узкая, жесткая, отсидели на ней все, что возможно, но обо всем - вроде бы - договорились. Старт послезавтра, рейс в пять тридцать утра. Попробуют проскочить. Натаниэль должен забронировать два билета.

Уже темнело. Натаниэль проводил Бориса до машины - для безопасности, но сам тоже стал похож если не на шпиона, то как минимум на подпольщика: озирался по сторонам, напрягался, когда навстречу шел мужчина подозрительной внешности. Возле машины Борис спросил:

- Это заразное?

У них было чувство юмора. Посмеялись. Смех, как ему и положено, снял напряжение. Частично.

Борис поехал к маме. Рассказал родителям, что опять едет в Англию, и то, что посчитал возможным. Ситуация складывалась так, что возможного оказалось совсем немного. Потом по дороге домой заехал в универмаг, поднялся в спортивный отдел. Там у него был знакомый продавец. Борис решил, что если ситуация напоминает детектив или триллер, то должны быть и соответствующие аксессуары. Он попросил бейсбольную битку, деревянную, потяжелее и травматический пистолет.

- Какой пистолет? Конкретно?

- А какой посоветуешь?

- Зависит от опасности. Если реальная, то лучше, - продавец понизил голос, - российскую «Осу», хотя у нас она незаконна.

- «Осу», - решительно сказал Борис.

Продавец сочувственно покачал головой и, не слишком маскируясь, дал все требуемое. Зарядил пистолет, провел инструктаж. Битку положил в пакет. Пистолет Борис сунул сзади за пояс - как в фильмах - и прикрыл курточкой.

Интересно, что он сразу же почувствовал себя в большей безопасности, и твердо стал на позицию сторонников легализации оружия.

На прогулку все-таки не пошел - береженого бог бережет. Вместо этого во избежание явно угрожающей ему бессонницы, выпил не пятьдесят, а для надежности сто пятьдесят граммов коньяка и лег спать пораньше. Перед тем как провалиться в крепкий сон, успел подумать, что напрасно днем не догадался дать коды Алисе, все-таки не чужой и надежный человек. И

если... бог вздремнет... то она с Павликом смогла бы оживить схему. Тогда его имя стало бы, несмотря на происки врагов, известно человечеству. Интересно, утешило бы его это в случае чего? Он с удивлением понял, что утешило бы.

Алиса домой от Бориса не поехала. Там, наверно, уже был Павлик, должен вернуться после экзамена. Может, и муж пришел с работы - четыре часа, скоро ужин. В таком состоянии она дома появиться не могла. Ей нужно было прийти в себя и хотя бы попробовать наметить дальнейшую линию поведения. О том, что произошло, она старалась не думать, воспоминания забивали дыхание, сразу лишали ее возможности здраво рассуждать. И она по-прежнему была уверена, что не стала бы ничего менять, даже если бы была такая возможность. Но что дальше?

В таких случаях говорят - ноги сами ее принесли... В современном варианте это, пожалуй, будет звучать так - колеса сами ее привезли к кафе «Нива», где и на этот раз была только пара девчушек. Правда, девчушки были другие, но сидели в том же углу. А то ли официант, то ли бармен, то ли хозяин был тот же парень, и по-прежнему в единственном числе.

- А-а, постоянный клиент, - несколько фривольно, но весело заявил он. - Ваше место свободно. Вы вовремя. Осталась одна бутылка «Царского золота». Подавать?

Алиса села за столик, молча кивнула.

- И шоколадку, - демонстрировал парень хорошую память.

Она опять кивнула.

- Снова хорошее настроение?

Это было лишнее. Алиса подняла на него глаза.

- Понял. Исчезаю.

Буквально через минуту он появился с бутылкой, фужером, шоколадкой. Наполнил фужер почти до краев.

- Поможет выяснить настроение. Надеюсь, одной бутылки хватит. Исчезаю.

Оказалось, Алису очень мучила жажда, она с удовольствием сделала несколько глотков прохладного шампанского. Жаль, на ее вкус сладковатого.

Была еще одна причина, которая мешала серьезно задуматься о том, что делать дальше, - беспокойство о Борисе. С этим было справиться сложнее всего. Но придется. Домой ехать все равно нужно. Она заставила себя, отпив фужер до конца, подумать о том, как себя вести хотя бы сегодня вечером. О ночи она даже боялась думать.

И стоило бы заглянуть немного дальше, чем в нынешний вечер. Хорошо, что будущее, во всяком случае ближайшее, с Борисом не связано, разве только мысленно. Он уезжает, все у него должно быть благополучно. И вполне естественно ей пришли те же мысли, что и ему, - он ничего не предлагал, ничего не обещал, она вполне взрослый (и еще какой взрослый!), самостоятельный человек, сама отвечает за свои поступки. И даже если бы что-то было им сказано, она не стала бы с головой кидаться в омут, не девчонка. Время покажет – вы, конечно, обратили внимание, в выводах они были едины.

Так о том, что делать дальше. Вот и пришло то серьезное испытание, которое Алису поджидало уже сорок лет. Точнее сорок один год. Сможет ли она подобно своей героине быть сдержанной, разумной, терпеливой и терпимой? Как в принципе ей следует поступить? Чтобы было правильно и порядочно? Прежде всего она должна убедиться, что сможет продолжать жить в этой семье, конкретнее с Антоном. Нужно будет приложить все усилия. Потом - признаваться ему или не признаваться? Сейчас это несвоевременно. Можно и нужно отложить. Подумает об этом тогда, когда выяснит, сможет ли быть с ним. Если не сможет, то лучше промолчать, пощадить его самолюбие... Короче, выдержка, тактичность, время покажет. Не бить сплеча, ломать не строить.

Словом, ее рассуждения были обдуманными, здравыми, справедливыми, может только немножко книжными, такими, какими ей казались послы Льюиса Кэрролла. С этим она прикончила второй фужер и поехала домой.

Успела к ужину, вела себя за столом абсолютно нормально, спокойно, улыбнулась, когда Павлик сообщил о пятерке.

- Ну, математику ты всегда...

- Ма, тормозишь. Русский!

Спросила у Антона, как дела. Когда он пожаловался на какие-то неприятности, она улыбнулась и мягко сказала:

- Это хорошо.

Она не всегда понимала, что ей говорят, иногда не слышала, иногда не отвечала на вопросы. Но к ее поведению претензий быть не могло.

Неожиданно она почувствовала вину перед Антоном до такой степени, что дошло дело до галлюцинаций - она ясно увидела у него на голове рога. И даже мысленно назвала себя стервой.

Павлик сказал, что пойдет погулять, он обещал Кате, день после экзаменов - дело святое. Алиса разрешила, сказала, чтобы поздно не возвращался. Оленька ушла домой. Они вдвоём с Антоном по-прежнему сидели за столом. Он сказал, что сегодня никуда больше не пойдет, можно будет пораньше лечь спать. И игриво подмигнул. Алиса внезапно поняла, что все ее здравые и серьезные размышления не больше чем вздор и сплошной самообман. Абсолютный бред. И даже подлость.

- Антон! Я хочу тебе сказать. Извини, - это было сказано совершенно искренне, - прости меня. Я ухожу к маме.

- Надолго? - он еще не включился.

- Потом посмотрим.

Это прозвучало фальшиво. Смотреть она не собиралась.

Тогда он понял, что все серьезно. Побагровел. Лицо стало не просто пугающим, как во время ссоры по поводу «страны чудес», а зловещим. Лицо человека, который может убить, а может уже мысленно убил. Это было по-настоящему страшно.

- Я чувствовал, но боялся этому верить. А ты помнишь, что я сказал насчет стенки? Что размажу?

- Нет смысла, - она преодолевала страх, пыталась убедить, найти контакт, но это была далеко не литература, - он уезжает за границу насовсем. Давай мы с тобой поживем отдельно, подумаем...

Это тоже не прозвучало искренне. Вместе с этим человеком ей думать не о чем.

Антон это понял, но по-своему.

- Я тебя хорошо знаю. Пока он жив, нам не о чем думать. Далек он не уедет.

И Алиса наконец сорвалась. Опять превратилась в фурию.

- При чем тут кто-то? Вот я здесь. Делай свое дело. Ну! Давай! Будешь бить или душить?

Потом была долгая звенящая тишина, как эхо после крика Алисы.

Антон сдержался, было видно, чего это ему стоило, но нужно признать – вел себя как мужчина. В базар не вступил. Лицо было страшным. Тихо, с трудом выталкивая слова, сказал:

- Я сейчас ухожу. Потому что за себя не ручаюсь. Вернусь через три часа. Чтоб духа твоего тут не было.

- А Павлик?

- Его не трогай. Уходи раньше. Я сам все ему расскажу.

Он встал, повернулся и вышел из столовой. Алисе показалось, что он стал меньше ростом. Намного.

Ей всех было жалко - Павлика, Антона, Бориса. Всех, кроме себя.

Положила в сумку только самое необходимое. И поехала к маме.

Коньяк действовал безотказно; когда Бориса разбудил звонок в дверь, было девять утра. Он надел пижаму и, зевая, пошел открывать. Посетителем опять была Алиса. Она сразу сказала, что забежала на минутку. Дело важное и неприятное. Он приложил палец к губам, показал на спальню, Но гостя решительно пошла в кухню.

В отличие от Бориса, она провела бессонную ночь, результат, как говорится, был налицо. Кроме всех неприятностей вчерашнего вечера - объяснение с Антоном, с родителями, тяжелый телефонный разговор с Павликом, ее беспокоила еще одна проблема. Должен ли Борис узнать об угрозе мужа? Она призналась себе, что считает ее - к большому сожалению - вполне реальной. Но будет ли от информации польза? И даже придирчиво спрашивала себя, нет ли в этом просто повода для того, чтобы еще раз увидеться с Борисом? В конце концов решила, что предупредить Бориса ее долг, а все прочие соображения недостойны и мелочны. Но на всякий случай – может, для самооправдания - взяла с собой блок связи.

В кухне она буквально в нескольких словах рассказала о реакции мужа на ее решение уйти к маме.

- Он обещал тебя размазать по стенке, - она решила, что цитата подчеркнет серьезность положения. И с явным трудом добавила: - Это возможно. Связи в криминальном мире у него есть.

Борис пожал плечами.

- Как сказал генерал фирмы «Омега» - где один, там и два. И в смысле жертв, и в смысле...

Он хотел сказать «убийца», но перед ним сидела жена Антона. Она поняла недосказанное.

Борис не слишком отреагировал на это сообщение. Он больше впечатлился тем, что Алиса тут же все выложила мужу и ушла от него. Снова почувствовал нечто вроде вины, но на этот раз вместе с ответственностью. Хотя при этом испытал некоторое облегчение от того, что обстоятельства не позволяют ему даже теоретически принимать какое-нибудь решение в этом направлении. Но возросшую близость между ними определенно почувствовал. Поэтому больше не сомневался.

- Алиса, когда я сказал, что не хотел бы вас втягивать в эту историю, ты сказала примерно так - это наша общая история. Да? - Алиса кивнула. - А теперь я хочу втянуть тебя еще глубже. Конечно, с твоего согласия.

И он рассказал, что некому дать новые коды и доступы к системе.

- Так что вы с Павликом сможете меня заменить... «если Бог уснет», - он применил понравившееся ему выражение, которое в данном случае было более жизнерадостным вариантом другого - «если меня убьют».

Алиса вздрогнула, он для бодрости попытался пошутить.

- Подхватите знамя, выпавшее из рук...

Шутка не прошла. Но Алиса была рада втягиваться в историю, это было ясно... «Ясно как божий день», - с облегчением понял Борис.

- Хорошо, что ты принесла блок связи. Но потом снова заберешь его домой.

В кухне он ей все объяснил, потом взял бумагу, написал коды и порядок работ, дал ей выучить. Потом бумагу сжег. Все нужно было запомнить. Они пошли в кабинет и молча! без единого слова! несколько раз включили систему.

Вернулись в кухню. Борис ее поцеловал. Дал ключи от квартиры и почтового ящика.

- На всякий случай, мало ли что...

Эти слова были лишними, они оптимизма не добавили.

Алиса сказала, что у нее свидание с Павликом, он о Борисе знает, Антон ему объяснил, кто, по его мнению, виновник торжества. Нужно идти. Посмотрела на часы, тяжело вздохнула.

- Пойду. Не люблю прощаться.

Борис ее понял, задерживать не стал, еще раз - последний, на прощание - обнял, крепко поцеловал...

Я уже не первый раз в этом рассказе напоминаю, что слаб человек. А может, силен?

Ушла Алиса через два часа.

Борис стал собирать вещи. Кое-что записывал такими обрывками, которые могли быть понятны только ему. То есть просто о чем-то напоминали. Собрался вздремнуть - впереди была бессонная ночь, подъем в три часа, в полшестого утра вылет самолета. Но опять раздался звонок в дверь. Это была подруга Рита. Она не просто пришла «немного поболтать». Давно хотела, да все как-то не получалось. Есть новости. Она встретила Елену Тимченко. Та уже почти официально встречалась с бандитом-миллионером.

- Ну и что?

- Не относись к этому несерьезно. Она сказала, что поставила ему единственное условие - избить тебя до полусмерти. Такая злоба была, лицо перекошило. Совсем зациклилась...

Борис неожиданно засмеялся, старался остаться серьезным - не получалось. Вытирал слезы, всхлипывал, не мог остановиться.

- Что я такого веселого сказала? Ты не боишься, что от смеха родимчик хватит? - обиженно спросила Рита.

Борис, с трудом прерывая нервный смех, объяснил:

- Ты помнишь, что сказал твой любимый д'Артаньян в любимых «Трех мушкетерах»? На своей первой дуэли сразу с тремя - Атосом, Портосом и Арамисом. Где это было?

- У монастыря Дешо, - уверенно подсказала Рита.

- Наверно. Он попросил у них извинения за то, что не может дать удовлетворение всем троим. Атос может убить его первым, а обязательства перед последним - Арамисом - превращаются в ничто. Можешь это передать Лене при встрече.

Кажется, Рита обиделась. Пришлось выпить с ней немного коньяка, подруга хороший коньяк иногда употребляла. Наконец она ушла, и он лег спать. Но этому дню конца не было, причем шло по нарастающей.

Ближе к полуночи снова звонок в дверь. С трудом поднявшись - после коньяка - Борис пошел открывать. В дверях стоял Миша Ядловский, еще больше похожий на тень отца Гамлета, чем в полутьме при последней встрече. Он приложил палец к губам и направился на кухню, плотно закрыл дверь за Борисом.

- Ты что, решил покончить жизнь самоубийством?

- Черт с ней, с жизнью. Я с ума схожу. А они уже сошли.

- Что-то обо мне?

- О тебе не знаю. Но босс говорит, что все готово, с тобой будет все в порядке... В смысле олрайт... То есть, - наконец он нашел подходящее слово, - пипец. Но это не конец...Этот кретин, мерзавец, сволочь, - он добавил еще десяток непереводаемых слов, - решил вместо Звонкова схватить Павлика Лунина.

Он не заплакал, он зарыдал, заревел...

- Это я ему... Я!.. Я когда-то сказал, что Павлик знает все.

Борис тоже стал похож на тень. Это было ужасно. Он посмотрел на часы. Поздно. Придется звонить из Лондона. Нет, лучше на пересадке.

В полдесятого утра на следующий день в доме у родителей Алисы неожиданно появился Павлик. Он тоже выглядел не лучше, чем только что описанные мною Борис и Миша.

Алиса еще на работу не ушла, они сидели в столовой и завтракали.

- Павлик, дорогой, что-то случилось?

- Случилось.

- С тобой? С папой? Да говори же!

- Мама, ты... Мама, ты только...

- Да говори же наконец!

- Мама... Сегодня ночью убили Мазурова.

Она не поняла, а может, не поверила собственным ушам.

- Кого убили?

- Бориса Алексеевича.

Алиса не рассказывала, что чувствовала в те ужасные дни. Не любила. Близкие ей люди - родители, Рита, которая примчалась спустя полчаса после Павлика, вспоминали, что держалась она очень достойно: в конце концов нужно было соблюдать приличия, почти никто не знал, что умер небезразличный ей человек. Учитель сына, с которым и она была немного знакома, только и всего. Внешне все выглядело вполне пристойно, она не плакала, тем более не падала в обморок - многолетняя привычка владеть собой, быть сдержанной, корректной и внимательной наконец-то пригодилась. Но это было внешне. Если заглянуть в душу через глаза, ставшие пустыми и прозрачными, то близкие могли видеть, что там, внутри, все искалечено, разрушено, живого места не осталось.

Павлик сказал Рите:

- Я не знал, что мама так любит Бориса Алексеевича.

А о чем мне рассказала сама Алиса? Она вспоминала о вещах менее драматических и вполне конкретных. Говорила, что для себя приняла решение не просто вздохнуть или - ее выражение - выть на луну, а прежде всего разобраться в том, что произошло. Так будет легче, чем просто ждать у моря погоды. Не в духе графа Монте-Кристо - найти виновных и отомстить. Просто понять, как все произошло, и может, наконец признать произошедшее. Она в сущности не надеялась, что Борис каким-то чудом остался жив, просто не могла поверить в то, что он умер. Я вполне понимал, как эти противоречивые чувства в ней уживаются. А вы? Должны, если я правдиво описал ее характер.

Они сидели, слушали новости по телевизору. Сведений полиция и прокуратура выдала немного. На квартиру Мазурова ночью было совершено разбойное нападение; к сожалению, факт убийства сомнений не вызывает. Тело куда-то увезли, найти его пока не удалось, бандита - он же по данным следствия убийца - тоже пока не обнаружили. Все то же, что сообщил репортер утром в новостном канале, о котором упоминал Павлик. И затем источник иссяк. Кроме стандартного - «проводим следствие» - никакой информации.

Словом, после примерно двух-трехчасового траурного молчания собравшихся - а что они могли в такой со всех сторон странной ситуации сказать или сделать? - Алиса решительно собралась и направилась к выходу. Судя по всему не на работу, потому что на ходу позвонила секретарю и попросила подменить ее сегодня и завтра. В училище были экзамены, и подмена проблем не вызывала, в комиссии мог посидеть любой.

Родители и Павлик молчали, но от Риты без объяснений отделаться было невозможно, впрочем, с объяснениями тоже. Алиса остановилась и рассказала о своей первой цели - выяснить, что случилось на самом деле.

А о втором намерении, которое возникло в ней, как пожар, как стихийное бедствие, она не могла никому рассказать, не только потому, что это был не ее секрет, но и по другой, не менее

серьезной причине - Алиса отдавала себе отчет в том, что у нее определенно «поехала крыша». Возникло желание столь же непреодолимое, сколь и ненормальное. Она почему-то уверовала, что если Бориса действительно убили, если его сознание «отлетело», если он уже среди душ, которые смотрят вниз, то обязательно свяжется с ней по «Телепату». Даже думать об этом значило признаваться в собственном слабоумии, но бороться с манией она не могла. Рита была в этом смысле нежелательным спутником.

- Даже не думай, я с тобой, - прозвучало в ответ на невысказанное пожелание.

Спорить было бесполезно, Алиса только кивнула.

Ехать решили на машине Риты, так, подумала Алиса, при необходимости будет легче отделаться от хозяйки транспорта. В машине и провели совещание. Собственно план предлагала Алиса, а Рита соглашалась. Нужно было прежде всего выяснить, что известно родителям Бориса. Если так же мало, как общественности, то дальше действовать от их имени. Других вариантов не было. Какое у Алисы право требовать информации, седьмая вода на киселе - мать любимого ученика? Сейчас не очень прилично лезть с соболезнованием к убитым горем родителям, не в таких близких она с Аллой Михайловной отношениях. Но... иначе не получалось.

Телефон родителей Бориса - городской - был в телефонной книге мобильного. Она решительно позвонила из машины. Ответила Алла Михайловна. Алиса с трудом узнала ее голос. Испуг. Страх. Ожидание конца света... «Кто, кто говорит?» - несколько раз переспрашивала она. Отреагировала на «мама Павлика Лунина». Алиса сдержанно и тепло высказала все положенные соболезнования, поддержки особой не встретила и вынуждена была добавить:

- Борис Алексеевич попросил меня кое-что сделать, связанное с его работой. Не могла бы я с вами поговорить об этом? Я понимаю, сейчас не время... Но это была его просьба.

«Его просьба» определенно прозвучало как «последняя», так что даже у Алисы перехватило горло... А ведь в сущности, так и было.

- Алиса, ты что придумала?

- Молчи, - и в трубку: - Хорошо, адрес я запомнила. Спасибо. Буду минут через двадцать.

С Аллой Михайловной произошло не так много изменений, как с ее голосом. Алиса со страхом ожидала увидеть раздавленную горем женщину. Но очевидно Алла Михайловна тоже старалась держать свои чувства в узде, не демонстрировать их окружающим. Алиса вспомнила их разговор при знакомстве на кухне Бориса за чаем со смородиной и с пирожками. «Так что приходится нам держать себя в форме, чтобы им не было за нас стыдно. Правда, Алиса Николаевна?» Борис ее иногда шутливо называл «бизнес-леди Мценского уезда», имея в виду не очень крупные масштабы ее экономической деятельности. И сейчас она все-таки оставалась бизнес-леди, держалась с достоинством. Одежда была темных тонов, с намеком на траур, но аккуратная. Глаза воспаленные, но не опухшие от слез. И все-таки... скрыть напряжение, ожидание бед и потрясений не удавалось – ни в поведении, ни в голосе. Алиса решила, что Алла Михайловна тоже не может поверить в беду и боится, что кто-то или что-то ее в этом окончательно убедит.

«Да, - пришла она к выводу, - по-разному люди переносят несчастье. Я вот бегаю по городу, ищу ветра в поле...»

Они поговорили немного. Алла Михайловна сказала, что у мужа сердечный приступ. Он выйти не может. Друзья звонят, заходят, помогают. Подруга Рита - это бывшая одноклассница Бориса - сейчас пошла в аптеку за лекарством.

- Вот как! Я тоже подруга Рита, но одноклассница Алисы... Николаевны.

Время от времени звонил телефон, и тогда в глазах Аллы Михайловны снова возникало напряжение. Испуг. Страх. Ожидание конца света... Она отвечала на очередное соблезнование и возвращалась.

Довольно скоро выяснили, что никакие подробности Алле Михайловне никто не сообщал. Был опер из милиции, но повторил только то, что говорили по телевизору. Без подробностей. И они ей неинтересны. Алисе показалось, что даже нежелательны. Боятся их? Но что может быть хуже того, что уже известно?

Алиса не стала добиваться разрешения действовать от имени родных Бориса, не стала навязываться. И нарочито сухо сказала:

- Борис Алексеевич... буквально на днях... дал мне ключи от квартиры и просил, когда его не будет, сделать кое-что... по его проекту. Вы знаете, мы с Павликом немного участвовали в этом.

Взгляд Аллы Михайловны метнулся; кажется, она знала об участии Алисы...

- Я хотела бы спросить у вас разрешения.

- Но там пломбы, полиция...

- Когда будет можно. Он просил.

- Ну, хорошо.

Алиса еще раз высказала свои соблезнования. Они попрощались и пошли к машине. Прошлый раз на кухне с чаем и пирожками встречались две другие женщины, намного, намного моложе... А каким симпатичным тогда был Борис, причесанный, в новом свитере, голубоватом с разводами, в глазах ласковая улыбка... Об этом лучше сейчас не вспоминать.

В машине Алиса наконец заметила, что Рита вела себя непривычно скромно и незаметно. Правда, и ситуация к тому обязывала, но все-таки... Оказалось, это не случайно, подруга обдумывала идею, о которой несколько в загадочной форме объявила:

- Есть кое-какие варианты. Давай я тебя куда-нибудь отвезу, а сама смотаюсь.

- Хорошо, вези домой.

По дороге Рита не выдержала и намекнула, что собирается поговорить с Олегом Юрьевичем. Это был отец ее воспитанника, большой человек в одном из многочисленных новых карающих или надзирающих органов последней революции. Алиса даже их загадочных названий не могла запомнить, не говоря уже о назначении и тем более предназначении. Но догадывалась, что подруга не только тренирует чадо большого человека, хотя этим подозрениям значения не придавала - Рита была свободной женщиной, а Алиса, отнюдь не ханжа, иной раз только беззлобно острила по этому поводу.

Дома делать было решительно нечего. Алиса безуспешно попыталась заснуть, родители изо всех сил старались не демонстрировать свое сочувствие... Павлик уже ушел. Он у нее молодец! Все знали, что он мамин сын, но в этом случае поступил как настоящий мужчина. Алиса ушла к родителям, а Антон оставался один в огромном пустом доме. Павлик решил жить с ним до отъезда в Англию. И невольно чувствовал себя без вины виноватым - он познакомил мать с Мазуровым и даже втянул в совместную работу. Непростая психологическая ситуация, да и возраст сложный...

Алисе пришлось выпить снотворное, хоть она этого не любила. С грехом пополам уснула.

В полвосьмого утра позвонила Рита.

- Привет! Готовься, я сейчас к тебе заеду, и мы...

- Рита! - остановила ее уже набравшаяся опыта Алиса. - Приедешь, тогда и поговорим.

Остановила вовремя. Не хватало болтать об этом по телефону, с Риты бы стало.

Оказалось, что ее подопечный (имеется в виду старший) договорился об их встрече с человеком, наиболее информированным обо всем, что касалось убийства Мазурова - оперуполномоченным Сергеем Сергеевичем, который вел это дело. С вашего разрешения фамилию опустим. Олег Юрьевич откровенно признал, что для такой работы в таких органах Сергей Сергеевич достаточно приличный человек - считайте это большим комплиментом. Дело знает, за деньгами не гонится, если дают - берет, не дают - не требует. Но во всех вариантах работает добросовестно. Правда, очень уважает пожелания начальства, но иначе он там бы не задержался. Сергею Сергеевичу рекомендовано было сказать нам все, что можно и даже чего нельзя.

- Я про него узнала все. Даже то, что он любит кафе «Ребрышки». Там сегодня в полдесятого и назначено randevu. Времени в обрез.

Она была очень довольна собой, а Алиса невольно подумала, что наверно Олег Юрьевич тоже не чувствовал себя обделенным.

Ровно в полдесятого они уже были в кафе. Их встретил официант, ни о чем не спросил, только сказал:

- Прошу за мной.

За отдельным столом в углу сидел человек лет пятидесяти, плотный, невысокий. Виски седые, волосы каштановые - полный комплект, даже намек на лысину, стрижка короткая. Манера разговора спокойная, даже флегматичная. На мой взгляд, я с ним потом тоже познакомился, типичный опер из старых. Он вежливо привстал:

- Сергей Сергеевич.

Выслушал ответы, до пожатия рук дело не дошло.

- В кафе лучше, чем у нас в конуре, - одобрительно сказал Сергей Сергеевич.

Алиса, имеющая опыт в таких ситуациях, взяла инициативу на себя, ловко выяснила его предпочтения и тут же передала их официанту. Сергей Сергеевич повеселел и жизнерадостно спросил:

- Так зачем вам понадобился старый оперуполномоченный?

Рита не поняла.

- Старый или старший? Олег Юрьевич...

- По должности старший, а по возрасту старый, - и неожиданно помрачнел. - Уже наверх не пойду. И слава богу. Олег Юрьевич, - он возвел очи горе, - сказал, что с вами можно обо всем. Такой бардак. Не знаешь, кого слушать. Следователей из прокуратуры отдали, но никто их даром не берет, а мы без следователей работать не можем...

Началась обычная украинская процедура - жалобы на всех и на вся. Но можно было заметить, что в данном случае опер обижен чем-то лично. Алиса вмешалась:

- Сергей Сергеевич, при чем тут ваша бюрократия? Нас интересует, что в действительности произошло в квартире Мазурова. Факты.

- Эх, дилетанты... Бюрократия всегда причем. Как она захочет, так и будет. Захочет – и человек, простреливший ногу безоружному, станет пострадавшим... Не бюрократия зависит от фактов, а факты становятся такими, какие нужны бюрократии. Говорят, главное – закон. Нет ничего более неконкретного, чем наш закон. Ну если дело мелочное и никто не платит, то можно решить близко к истине. А если деньги или власть - всё, в таком случае закон хуже наперсточника. Там всего три варианта, а в нашем законе сколько хочешь.

Алиса поняла, что нельзя позволять Сергею Сергеевичу отвлекаться на проблемы бардака в правоохранительных органах, это больной вопрос. И на правах угощающего прервала:

- Мы же ничего не изменим?

- Никто ничего не изменит, - пробубнил Сергей Сергеевич.

- Тем более. Вернемся к Мазурову. Как все началось?

И стала ловко вытягивать информацию, пресекая - правда до поры до времени - его выпады против начальства.

Вот что он рассказал. Без двадцати три ночи его подняли с постели, заехала служебная машина со всей бригадой. В полицию звонил вахтер элитной многоэтажки и сказал, что произошло убийство жильца и, наверно, ограбление. Сергею Сергеевичу дали мобильный и предложили с ним поговорить, при этом ехидно улыбались. Вахтер храпел в трубку - не хрипел, а храпел, засыпал.

- Ты что, спишь?

- Сплю.

- На работе?

- А где ж еще...

Когда они приехали, то поняли, в чем дело. Примерно в два ночи позвонили в дверь парадного. Вахтер посмотрел в окошко, человек в белом халате, белой шапочке и роговых очках. Приоткрыл дверь - вызов врача, в квартиру Мазурова. Впустил, от человека действительно пахло доктором. И вахтер вскоре понял почему. Мужчина был здоровый, одной рукой схватил его сзади за шею, другой прижал к носу тряпку с хлороформом, тот даже не рыпался, и довольно быстро отключился. Потом понемногу стал кое-что видеть, но в тумане. Потом опять отключался. Сидел в кресле, голова на столе, приподымать ее не всегда

получалось. Сколько прошло времени, он сказать не может. Свет он обычно ночью выключал, чтобы спать не мешал, оставлял лампочку в углу. Но вот в полутьме нечетко он видит, что возвращается человек в белом халате, на плечо переброшен – думал, ворованный ковер, присмотрелся - человек. Решил, что это Мазуров, его оранжевую куртку вахтер узнал. Нести было даже такому верзиле тяжело, он покачнулся и прижал тело к стене, глухо стукнула голова. Вахтеру удалось пробормотать:

- Ему больно.

- Кому больно? Жмурику? Ему уже все равно. - Голос был скрипучий, как ржавое железо, так сказал вахтер.

Бригада быстро поднялась наверх. Технические подробности обыска Сергей Сергеевич опустил, перешел к выводам и результатам. Они выяснили, что Мазуров спал одетым на диване в гостиной, даже в обуви, рядом полностью подготовленная сумка, оставалось только встать и взять ее в руки. И вскоре после прихода бригады прозвенел будильник, было три часа, в это время он должен был проснуться.

- Ни следов борьбы, никрови?

- Никаких. И это как раз понятно. На полу лежала тряпка, она еще пахла хлороформом. Человек спал, поднесли тряпку к носу, не прижали, а только поднесли, через минуту-другую он отключился. Дальше прижали его голову к подушке, максимум три минуты - и все. На подушке следы слюны. Душить за горло дело тяжелое и шумное.

- Слюна... когда сладко спишь, бывает и слюна...

Он Алисе на такое глупое замечание даже не ответил.

Но та не теряла надежды.

- Может, это был не Борис? Не Мазуров?

- А куртка? И кого еще он мог найти? Всё, кроме Мазурова, в доме, всё на месте. Нет, уважаемые дамы, больше некому. В комнате всё в порядке. Кое-что сдвинуто - тело тащили, поднимали. Дверь оставалась открытой - с таким грузом не до дверей. Всё. Это как раз всё почти нормально и понятно.

- Почему почти?

И тут Сергей Сергеевич стал устраивать уважаемым дамам экзамены. Оказалось, они были неспособны на самую элементарную догадку, и это ему доставляло удовольствие.

- Почему он спал одетый, почему все было готово? Так ли трудно встать на двадцать минут раньше и спать как человек?

Дамы молчали.

- Не хотел включать свет, когда встанет, вот почему. Боялся, что увидят с улицы. Собрался полностью с вечера. Почему боялся? Кого? Вот вам странность номер один.

- А этих странностей много? - Алиса оживилась.

- Хватает. Утром, часов в семь далеко за городом нашли угнанную машину, ее облили бензином, взорвали бензобак. Ну, это как раз понятно - сожгли, чтобы сгорели все следы. Это нормально. Кстати там нашлись пуговицы от курточки Мазурова. - Алиса с трудом сдержала стон. - А зачем с трупом часа три мотались по городу и за городом? Почему не оставили дома

или в сгоревшей машине? Ведь где-то его закапывать или прятать целая проблема. И какой риск! А?

Дамы опять не отличились.

- Мой опыт говорит, что важно было его оставить в статусе пропавшего без вести. Нету тела - нету дела. Установление судом факта смерти, если нет трупа - срок от шести месяцев до пяти лет. Кому-то это было нужно.

Тут одна из дам - Алиса - оживилась. Вслух сказала.

- Значит, вопрос о наследстве... Есть организации, которым это выгодно.

А про себя подумала: «Английская фирма не сможет, пока он в розыске, ни с кем заключить договор. Голландцам только этого и надо».

Сергея Сергеевича она не удивила. Выходит, что о фирме он знал и кое-что о работах Бориса тоже.

- Но это еще не конец. Началось все нормально, возбудили уголовное дело, честь честью. И вдруг к концу суток - суток! - сверху сказали, что все ясно - им, видишь ли, все ясно, - и приказали закончить осмотр квартиры, вычеркнуть из рапорта упоминание о подслушках, снять пломбы. Из квартиры уйти. Даже машину не дали толком осмотреть. Как вам это? Я такого за всю свою жизнь не помню. А вы, уважаемые дамы, говорите бюрократия. Она все может. И вынесли решение о приостановлении досудебного расследования. Я такой скорости еще не видел. Это же нужно так надавить!

Он стал наизусть цитировать:

- «Когда не установлено лицо, совершившее преступление, досудебное действие может быть приостановлено лишь после производства всех необходимых и возможных следственных действий для установления лица, совершившего преступление». Им на это суток хватило! А дальше! «Досудебное следствие приостанавливается мотивированным постановлением следователя, копия которого направляется прокурору». И ведь всё за день написали, а то их и за год не допросишься. Сколько ж за это было уплачено!

Хорошо, что сейчас в Украине уже никто не боится ни о чем вслух говорить. Плохо, что никто не стесняется открыто делать дела.

Рита удивлялась, тому, что слышала. Алиса не очень. Дали возможность «Омеге» и голландцам еще раз попытать удачу. И задала вопрос, на который правдивый ответ получить не надеялась:

- А если бы вам дали возможность, вы бы в деле Мазурова дошли до истины?

Ответ был честный, но неожиданный.

- Не знаю. Бандит был залетный, сейчас он уже в России, нам не достать. И почерки не совпадают. Те, кто надавил, работают иначе. Может, просто воспользовались. И уважаемые дамы, - было сказано под последнюю рюмку и последнее ребрышко, - я за много лет привык искать в деле то, что они хотят, чтобы я нашел. Это стало второй, а может, и первой моей натурой. Меня уже не исправить. Одно утешает - молодые еще похлеще будут. Я хотя бы не циник, хотя бы знаю, что хорошо, а что плохо. Они уже не различают. Но, как я понимаю, для

вас главное: был ли труп. Труп, к сожалению, был. Просто не хотят, чтобы он нашелся. Ну, мне пора на работу.

Было одиннадцать часов утра.

Шансов на то, что Борис жив, после беседы не оставалось никаких. Поверить в то, что он мертв, по-прежнему не удалось. Но зато появилась шизофреническая возможность спросить об этом у него самого. Доступ к квартире открыт. Если за ночь «Омега» не вынесла весь «Телепат», при их наглости и не такое можно было ожидать.

Когда они с Ритой вслед за Сергеем Сергеевичем вышли из кафе и сели в машину, от спокойствия Алисы - хотя бы внешнего - и следов не осталось. Она даже не делала попыток скрывать напряжение. Рита пыталась разрядить обстановку, коснулась ее плеча - и отдернула руку, словно ее ударило током.

- Ого, двести двадцать вольт.

- Рита, я тебе очень благодарна. И люблю. Но сейчас прошу, ни о чем не говори. Отвези меня домой. Я потом объясню... когда смогу.

Они молча доехали до дома, Алиса с трудом дотянулась до щеки Риты, чмокнула.

- Пожелай мне удачи. Я позвоню.

Подруга испуганно на нее посмотрела, но ничего не сказала. Рванула машину с места - ей тоже передалось напряжение. Алиса зашла в дом, положила в сумку блок связи, ключи от квартиры Бориса, взяла бутылку минеральной воды - кто знает, сколько придется ждать.

Еще не было и двенадцати, а она уже сидела в компьютерном кресле и смотрела на мерцающий экран. Она не очень помнила, как открывала дверь, как включила компьютер, как прошла коды, как установила «точку» Бориса - все выполнялось в автоматически-сомнамбулическом режиме. Такое делать в здравом, нормальном состоянии просто невозможно. Тем более, что было 13-е число, слава богу хотя бы не понедельник, а пятница. Только помнила свое отражение в зеркале прихожей - действительно волосы едва ли не стоят дыбом. Рита права: двести двадцать вольт.

Она готова была ждать хоть до второго пришествия. Но второе пришествие наступило довольно быстро.

Алиса увидела, как на экране появился текст. Прочитать его пока не удалось - на какое-то время она потеряла сознание. Наконец-то. За прошедшие дни было много поводов упасть в обморок, но, согласитесь, этот был самым подходящим. Алиса знала, что компьютер не подключен к Интернету, связь через Всемирную паутину была исключена. Только через «точку», через «флешку».

Когда она очнулась, на экране уже была целая петиция.

«Тихо, ни звука, тебя подслушивают. Милая моя, слава богу, ты сообразила и пришла. Уже не знал, что делать. Не трать ни минуты, делай то, что я скажу. То есть напишу. Курсор на «ответить», набери пару слов, чтобы я убедился, что это ты. Потом на «отправить». Жду».

Она ответила:

«Боря, любимый. Ты там? Это правда? Ты там, где смотрят вниз? Как мне жить?»

Написать «тебя убили» она просто не могла.

Появился новый текст. Иногда с ошибками, но это нормально, мысленно диктует.

«Не трать ни секунды, потом поговорим. Возьми себя в руки, нужно спасти Павлика».

Спасать Павлика - это были единственные слова, которые могли заставить ее прекратить истерику и не упасть снова в обморок.

«Они сегодня ночью были здесь. Ничего не добились. Мне точно известно, что они хотят схватить Павлика - как Лешу Звонкова. Ты поняла, что это значит? Они в курсе, что Павлик много знает. Сделай так. Павлику не звони, ты и он на прослушке. Поезжай прямо к мужу, объясни, что сейчас не до ваших разборок. Скажи все, что нужно, чтобы он поверил. Он может невольно навредить. Потом домой, возьмите международный паспорт Павлика, я знаю, у него Шенген. Немного вещей. Валюту. Потом найдите его. Не звоните, они объявят аврал. И прямо в аэропорт, на любой самолет. Ему нет восемнадцати, на всякий случай вы в аэропорту должны быть оба. Пусть летит в Англию. Его там ждут. Хитрово, до востребования. Если успеете засветло, приходи, напишешь, все ли в порядке. Милая, не трать ни минуты. Удали все записи и в корзине тоже. Забери все, с чем пришла».

Она все-таки ответила:

«Люблю, где бы ты ни был».

Удалила, отключила. Забрала блок связи. Взяла себя в руки, убедилась в зеркале, что стала похожа на нормального человека. Нужно было спасти сына. Борису она всегда верила, как Богу... возможно они сейчас недалеко друг от друга.

Она села в машину и поехала в офис Антона. Только бы он был на месте. Наконец из глаз хлынули слезы. Хлынули без преувеличения в два ручья. Кофточка сразу стала мокрой. За дорогой было трудно следить. Нужно быть осторожной. Она должна спасти Павлика. Мельком взглянула наверх. Солнышко, легкие облака. Боря смотрит вниз? Это сумасшествие или все происходит на самом деле? Нет, нужно следить за дорогой.

Но когда подъехала к офису мужа, то решила, что сумасшествие происходит в действительности. Боря сверху смотрит и ей помогает. Потому что из офиса вышел Антон и направился к своей машине. Если бы она приехала на пару минут позже, то как бы его нашла? Помнила, Борис сказал, что звонить нельзя и свято в это верила.

Антон с удивлением посмотрел на нее, на его лице появилось то самое выражение, с которым он встал из-за стола при их расставании. А ведь это было всего два дня тому назад. Сейчас казалось, что прошла целая вечность - так много произошло за это время. Она стояла у своей машины и ждала. Все-таки многолетняя привычка подчиняться свою роль сыграла, Антон подошел к ней и буркнул:

- Чего тебе?

Походка тяжелая, немного раскачивается и чуть-чуть припадает на левую ногу. Сутулится. Она раньше этого не замечала, привыкла за годы. Кажется, и он смотрит на нее, как будто бы заново изучая. Тоже, наверно, увидел то, что раньше привычно не замечал.

- Антон, ты понимаешь, что если я приехала, то значит, что-то случилось. Садись в машину, нужно поговорить. Срочно.

Он ездил с шофером.

- Это с какой стати?

- Беда с Павликом.

Это подействовало. Он вздрогнул, безропотно обошел машину Алисы и сел рядом с местом водителя.

- Что с ним? - голос прерывался.

- Пока ничего, но времени в обрез. Расскажу по дороге.

Она завела машину и поехала.

- Мы куда?

- Домой... к вам домой. Ты не знаешь, где он сейчас?

- У Кати, наверно. Послезавтра экзамен... Да скажи, в чем дело, не тяни жилы.

- Хорошо. Слушай и не перебивай. Ты знаешь, что Алексея Звонкова, который работал с...

Мазуровым, - Антон брезгливо поморщился, - убили?

- Ты с ума сошла? Павлик говорил - инфаркт...

- Убили. Пытали и убили.

Он покрутил пальцем у виска.

- Ты совсем...

- Я знаю точно. И Мазурова убили. Это все из-за проекта, который они с Павликом делали.

- Из-за игрушек не убивают.

Времени не было, нужно убедить Антона, что дело серьезное. Был только один способ.

- Мазуров продал игрушку английской фирме за сто тридцать миллионов.

Антон привык доверять Алисе, но то, что она говорила, не лезло ни в какие ворота.

- Гривен?

Она отрицательно покачала головой.

- Неужели долларов?

- Английских фунтов.

Именно фунты потрясли Антона. Он считал себя очень богатым человеком, но не имел и четверти этой суммы.

- И что?

- Рейдеры, - она посмотрела на него искоса, но было понятно - такие, как ты.

- Да, за такие суммы я бы... - он спохватился. - И что?

- Они проникли в дом, срисовали все, что могли. Но Мазуров гений, - на этот раз Антон промолчал. - Они все украли, но не могут взломать защиту. Думали, Звонков скажет - тот мало что знал. Мазурова убили, чтобы англичане не могли с ним подписать договор. - Она видела, что Антон вникает на ходу, в таких делах он как рыба в воде. - И что теперь? Какой у них

выход? А Павлик, наш Павлик тоже... талант. И участвовал в проекте с самого начала. Главное ты понял, сейчас нужно немедленно отправить его первым самолетом в Англию. Там его ждут и охранят. А здесь - я точно знаю - охота уже началась.

Алиса поняла, больше убеждать не придется. Реальную ситуацию в стране Антон представлял лучше нее. В таких делах мог быть экспертом.

В доме они задержались минут на десять-пятнадцать. Везенье - или что-то большее - продолжалось. Павлик был у Кати. Они сразу же отправились в аэропорт. По дороге Алиса рассказала Павлику, в чем дело. Закончила словами:

- Меня предупредили...

- Я понимаю. Это все Борис Алексеевич. - В голосе Павлика звучали слезы. - Это он позаботился.

Антон промолчал. А Алиса с благодарностью посмотрела на небо. Да и как можно было сомневаться, когда в аэропорту узнали, что через два часа уходит самолет на Мюнхен, тот самый, на котором Борис с Буршем в свое время с пересадкой улетали в Лондон. А если еще оставались сомнения, то их развеял продажный не то таможенник, не то пограничник. Он сказал, что парню нет восемнадцати, поэтому... может... нужно... возможно понадобится... письменное разрешение родителей... хотя нигде это не сказано... но... Словом, хотел денег. Антон деньги дал и пообещал вырвать ноги, если тот будет продолжать вкаты. Короче, Павлик улетел. А Алиса сквозь слезы взглянула на небо и сказала про себя:

«Спасибо, Боренька. Хорошо, что ты у меня есть».

Слово «есть» у нее никаких сомнений не вызвало.

Антон позвонил своему шоферу.

- Ну, я пошел.

- Пока.

Антон внимательно посмотрел на нее, его лицо смягчилось. И даже как-то сочувственно сказал:

- Ты не похорошела...

- Ты тоже...

- У меня нет оснований.

Глаза Алисы снова наполнились слезами.

- У меня тоже...

- Ты не думай, это не я...

- Уже не думаю...

Алиса успела еще засветло - как Борис и сказал - приехать к нему в квартиру. Включила «Телепат», на экране уже был текст.

«Все в порядке? Улетел?»

Она ответила в таком порядке, как он сказал, то есть курсор на «ответить» и так далее.

«Да, милый, все хорошо. Успели как раз к самолету. Я так тебе благодарна. Но, Боря, скажи мне, что все это значит? Ты как... или где? Как себя чувствуешь... то есть нет, не то...

Боренька, я даже вопрос задать не могу, потому что совершенно не понимаю, что происходит».

Ответ - целиком - пришел быстро, наверно он его заранее подготовил.

«Милая, скажу сразу - произошло примерно как в моем фэнтези. Помнишь? Будем общаться так. Я буду писать ночью, днем тратится слишком много энергии. Поэтому все привидения у вас появляются ночью. И отправлю все письмо сразу - так экономичней. Завтра днем приходи. Мое письмо уже будет готово. Приходи не поздно, они могут еще появиться ночью. Нажми «ответить» и пиши. На следующий день прочитаешь мой ответ. Но у меня большая просьба - постарайся держать себя в руках. Не только для Павлика, но и для меня. Помни - если с тобой что-то случится, то я попаду в ад. С тобой все должно быть хорошо.

Все, милая моя, буду подзаряжаться. Тексты удали, ничего не забудь. Целую».

Она выполнила просьбы Бориса, все записи удалила. Но не смогла бороться с желанием сохранить его слова - то, что ей осталось от любимого. Электронная книжка - вы помните - у нее была всегда с собой, в сумке. И Алиса загрузила тексты с «Телепата» в книжку. Так и мне удалось самому с ними познакомиться и познакомить вас.

Она вышла на улицу. В каком состоянии - вы понимаете. Если бы кто-то наблюдал за ней, то убедился бы, что человек в полном отчаянии. Надежды - если они еще были - растаяли. Значит, он действительно там, где души. Где-то в космосе. А может, и недалеко. Она опять посмотрела вверх. Какое-то время ей было суждено больше смотреть вверх, чем перед собой. Кстати, возникали проблемы за рулем...

И теперь она старалась ездить как можно меньше. Помнила странные слова Бориса насчет ада - неужели ад есть? Во всяком случае, нужно держаться хотя бы ради него. Не сломаться.

Каждый день она приходила после работы к Борису, покупала четное число лилий или темно-красных роз, самых красивых. Избегала слишком ярких цветов в одежде, хотя в отличие от Аллы Михайловны на внешнее проявление траура права не имела. И должна была держаться достойно, что, по словам окружающих, ей более-менее удавалось. Иногда все же менее...

Вот, примерно, что я понял из рассказа Алисы о том времени. Она была не очень расположена делиться своими чувствами, вы ее характер уже знаете, а свое воображение можете в данном случае включить сами, без моей подсказки.

Лучше я приведу их переписку, Алиса мне разрешила ее загрузить в мою записную книжку.

Послание первое.

Алисочка, дорогая моя! Ты спрашиваешь, что я чувствую - ничего. Здесь нет чувств, чувства принадлежат только телу, только жизни. Радость, горе, счастье, несчастье, голод, холод, страх, любые желания, в том числе любовь - все это принадлежит жизни. На том, то есть на этом, свете их нет. Знаешь, очень часто разум противопоставляется чувствам, это общепринято. Мы слышим - «разум говорит одно, а чувства другое». Это действительно разные, как правило, противоположные вещи. Разум созерцает, сравнивает. Высший, чистый

разум это компьютер, если хочешь - робот. Во многих книгах обсуждалось, что комп - в любом виде - не может иметь чувств. Так и здесь - их почти нет. Что значит почти? Есть два состояния - покой и беспокойство. Помнишь слова Пушкина из неоконченных глав «Онегина»? «На свете счастья нет, а есть покой и воля». Я бы отсюда написал: «На том свете счастья нет, а есть покой... и беспокойство».

Я сейчас в космосе. То ближе к земле, то дальше - это значения не имеет, я не чувствую, как уже писал, отличий. Никаких ощущений нет. Здесь нет звуков. Вижу неподалеку - хотя слово «вижу» не подходит, скорее сознаю присутствие каким-то внутренним «зрением» - легкие как паутинки прозрачные облачка-поля, такие же души, как я. Иногда в них, как в фотокарточках-виньетках, видны лица. Я, кажется, могу с ними телетапно общаться, пока не хочется. Попытался спросить что-то у Чехова, но не знаю, о чем. Недавно увидел бабушку, которая умерла два года тому назад. Она меня то ли не заметила, то ли... И то, что происходит на Земле, тоже сознаю, не вижу, а сознаю. И вас, близких мне людей, тоже...

Ближе к земле душ больше, дальше в космосе их меньше. Существование этих полей удивительно, но не так непонятно, как существование бесконечных просторов Вселенной. Здесь я эту бесконечность ощутил больше, чем когда был на Земле. Существование бесконечной вселенной не укладывается в человеческий разум. Это невозможно ни представить себе, ни попробовать понять. Существование Бога – совершенно туманная, но куда более простая и доступная человеку идея, именно поэтому она так прижилась. От попытки осознания бесконечности Вселенной человек беспомощно отказался и заменил ее Богом.

Но отсюда видно, что старания крошечной Земли вместе со своим Богом поставить себя в центр бесконечного мироздания даже не мания величия. Это и наивностью не назовешь, особенно для тех, кто считает себя обладателем разума. Единственно, что можно сказать с пониманием - чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало.

Ответ.

Боренька, я многое поняла, а еще больше, не поняла. Но что делать мне, которая пока живет и у которой чувства? Я сейчас могу не сдерживаться и говорить о любви. Но это единственное, что я могу. А как мне относиться к любимому, который вроде бы... мертв? С трудом написала это слово. Но как можно говорить «мертв» о человеке, с которым переписывалась вчера - считай, говорила - и буду говорить завтра? Это еще похуже твоих полей, совсем невообразимо. Я живу без тебя или с тобой? Это новая реальность или бред, сумасшествие? Если это действительно сделано, то зачем?

Послание второе.

Ты помнишь, мы обсуждали, что если появилась «душа» в том виде, о котором я говорил, то есть энергетическое поле с памятью, которая и после смерти видит, что происходит на Земле, то какой-то смысл в этом заложен. Сейчас я убедился в том, что примерно так оно и

есть. Я тогда предположил, что таким способом человек пытается передать свой опыт потомкам. Но отсюда мне видится куда более жесткий вариант.

Вот он. Мой вариант. Природа если что-то делает, то со смыслом и вполне определенной целью – в первую очередь для сохранения жизни. Человечество определено мчится без тормозов к гибели, самоуничтожению, а попутно и уничтожению всего живого на Земле. И природа заранее готовит контрмеры. Во всяком случае, делает все от нее зависящее.

В чем основная причина самоубийственного поведения человечества? Мне отсюда видится такой ответ на этот вопрос.

Разум дал возможность человеку понять неизбежность смерти, одному из всех живых существ на Земле. Скорой смерти, по масштабам вечности, «есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь». Сочетание могучего разума плюс осознание скоротечности, мгновенности жизни- это и есть причина и последствия отсутствия тормозов. Отсюда для большинства девиз - «однова живем, после нас хоть потоп» - в сочетании с возможностью этот потоп осуществить, куда более реален, чем любые экологические и религиозные призывы. Даже если верят в загробную жизнь, то к земной - в психологии людей - она вроде бы не относится. Там для большинства - кроме самых ужасных преступников, да к тому же нераскаявшихся - приготовлена манна небесная, райские кущи, в крайнем случае – семнадцать девственниц. Во всяком случае, и верующие, и атеисты после смерти уже никакого отношения к Земле, с ее отравленной природой, страданиями большинства, войнами, правом сильного и наконец грядущим атомным апокалипсисом, иметь не будут. «Хоть трава не расти...»

Природа видит, что призывы морали, религий и суеверия не помогают. Нужны более убедительные доказательства, что за все нужно отвечать, даже после смерти. И - мне отсюда видится - природа призвала на помощь науку. Наука - тоже часть природы, это просто попытка объяснить и применить ее законы. Я думаю, природа пошла на крайние меры: устанавливает очевидную для всех связь с тем миром, который после смерти. Не хочу на себя брать много, но и мы с тобой, милая моя, стали участниками этого процесса.

Вскоре всем станет доподлинно, без всяких сомнений известно, что мы после смерти будем долго, очень долго свидетелями того, что творится на Земле, что нам предстоят бесконечные беспомощные сожаления. Видеть, понимать и не иметь возможности вернуть время и что-то исправить, хотя бы попытаться - это и есть ад. Это страшнее танталовых мук. Твой собственный чистый разум, уже не затуманенный мирскими желаниями и вожделениями, даст объективную оценку тому, что тобой сделано или не сделано, с чем ты мирился в жизни. Какова твоя доля в том, что творится на Земле. Это и есть высший суд.

Такое знание жизнь не украсит, но кажется, это действительно крайняя мера. Знание о будущем должно воздействовать на людей еще при жизни, когда они могут на что-то влиять, могут что-то изменить хотя бы в себе. А если и это не поможет - ну что ж, так тому и быть.

Ответ.

Боренька, дорогой. То, что ты видишь сверху, конечно, впечатляет. Но и внизу, у нас, ты тоже был склонен к парадоксальным и убедительным обобщениям. А что мне, земной женщине, так и не понявшей, потеряла она или не потеряла любимого человека, делать? У меня мысли сейчас куда более приземленные. Я не знаю, нахожусь ли в здравом уме. И посоветоваться ни с кем не могу, потому что у меня на руках «Телепат» и чувство ответственности за него. Но иногда, и довольно часто, мне кажется, что после того, как я узнала о твоей гибели (сейчас уже не знаю, можно ли так назвать твое исчезновение), то просто сошла с ума. И все беседы с тобой только воображение моего воспаленного мозга. Такое вполне может быть. Я стараюсь по лицам родных, Риты, знакомых определить, видят ли они, что у меня поехала крыша. Кажется, не видят. Но уверенности в этом нет никакой. Я даже зашла к знакомому психиатру. Посидела у него несколько минут, поговорили о том, о сем... и ушла. Если бы я ему сказала, что мой любимый человек сейчас в космосе, видит в виньетках души умерших людей, то он бы немедленно вызвал бригаду санитаров. И правильно бы сделал.

Но больше всего говорит о моей ненормальности вот что. Если бы мне определенно сказали, что крыша моя поехала, что тебя просто убили и в действительности нет и не может быть никаких разговоров по «Телепату»... то я предпочла бы продолжение этого сумасшествия. Во всяком случае, мне даже страшно представить себе, как можно было бы с этими цветами ходить на твою безответную могилу на кладбище. Это кошунство, нельзя сравнивать, но мне в моем сумасшествии - если это оно и есть - легче. И ты просишь меня держать себя в руках ради вас с Павликом - все это мне помогает, как говорила твоя мама, оставаться в седле. Во всяком случае, пытаться это делать.

Но дорогой мой. Что будет дальше? Ты знаешь, в книгах - и наверно, в жизни - в таких случаях часто говорят друг другу: «Увидимся там, в той жизни». Или: «Я буду тебя там ждать». Может, и мне ждать и надеяться на встречу с тобой? Там?

Послание третье.

Моя дорогая, ты совершенно права, меня занесло, и пора спускаться с неба на грешную землю, хотя бы пока в переносном смысле. Действительно, давай с тобой посидим рядом - хотя бы мысленно - как за столом на кухне или как мы сидели в гостиной, помнишь? И поговорим об обычных вещах. О том, что нам плохо друг без друга.

Между прочим, насчет «Телепата» не беспокойся, все будет сделано в свое время. Ты только соблюдай правила безопасности - надеюсь, знаешь, что я имею в виду.

Но, милая, теперь о главном. Насчет встречи здесь - не верю, что это оправдывает надежды. Здесь, я уверен, любовь и страсть в земном понимании невозможна. Нечем любить - нет тела, нет горячей крови в жилах, нет сердца, нет даже мозга, который всем этим правит. И если тебе слова «нечем любить», показались пошлым намеком - то... извини, это тоже правда. Когда встречаются два чистых разума, две «флешки мудрости», то в лучшем случае может быть научная или философская дискуссия. Я не стану утверждать, что бестелесная жизнь не может иметь какой-то свой интерес, для таких выводов я еще слишком зеленый новичок. Но мне он

непонятен. Этот интерес вроде бы должен базироваться на чисто интеллектуальной основе, но ведь этой основы у слишком многих, даже у большинства, нет и в зародыше... Извини, меня опять занесло, просто я хотел сказать, что любить и быть счастливым нужно на Земле. На Земле с тобой я был счастлив, сверху это видно. И почему-то думаю, что мы найдем какой-то не менее счастливый выход из нашего нынешнего положения. Для этого нужно стойко держаться и по-прежнему любить друг друга.

Алиса и старалась изо всех сил держаться хотя бы внешне, но внутри перепады настроения зашкаливали. И это понятно. Она признавала бы свое сумасшествие - а как в здравом рассудке можно относиться к этой истории с космосом? - если бы с ней не было электронной книжки, где факт разговоров с Борисом был зафиксирован черным по белому. Она читала и перечитывала письма. И в словах Бориса, как и в своих мыслях и чувствах, тоже находила противоречия. Между прочим, поиски этих противоречий иногда отвлекали ее от приступов отчаяния, неизбежных в ее положении, тем более что их приходилось скрывать от всех.

Некоторые противоречия были приятны. Ну, например, когда вслед за заявлением об отсутствии чувств у душ, которые смотрят вниз, вдруг появляется фраза «нам плохо друг без друга». Или еще того пуще - «нужно по-прежнему любить друг друга». Не сочетается, хотя и в хорошем смысле. Но были и обычные несоответствия, не связанные с чувствами. Прежде всего, вместо привычного последовательного появления слов, сразу на экране все письмо. Он это объяснил, допустим. Но как он читает мои тексты с экрана, если нас и вообще все не видит, а «ощущает внутренним зрением»? И откуда такое изобилие знаков, даже кавычки? Когда Павлик уходил, этого не было. А странные ошибки, две буквы, которые в клавиатуре расположены рядом, иногда появляются вместе?

Все эти детективные размышления ее отвлекали от тяжелых мыслей.

Ответ.

Боренька, милый мой. Я понимаю, что веду себя традиционно по-женски. Женщины как голосят? «На кого ты меня покинул!» То есть прежде всего о себе. Может, и правильно, потому что ему вроде бы уже все равно. Но наш с тобой случай, дорогой мой, совсем другой. Поэтому я хочу знать все. И снова спрошу, как ты себя там чувствуешь, хотя уже получила ответ - никак. Но как тогда бесчувственные души, которые смотрят вниз, страдают от того, что видят на Земле? А ты сам сказал, что это цель природы... И пишешь, что нам плохо друг без друга. Вроде бы «никак» не получается.

И что еще удивляет меня - ты говоришь, что нас не видишь, только ощущаешь каким-то внутренним зрением. Но как тогда ты можешь читать с экрана?

Послание четвертое.

Милая, я всегда удивлялся твоей проницательности и умению заглянуть в самую суть проблемы. Так и на этот раз, я благодаря тебе попытался разобраться, что с душами, как ты замечательно сказала, которые смотрят вниз, происходит. Я уже говорил, что есть только два

состояния - покой и беспокойство. Не боль, не чувства... с чем бы сравнить? - чисто умственное расстройство, но сильное. Наверно, такое, как ничем физически необъяснимая тревога... при панической атаке. Ты у меня умная, знаешь, что такое паническая атака в психиатрии. Приходится мне, как и тебе, невольно сравнивать наши ощущения с психической неуравновешенностью, но такова необычная для разума ситуация, в которой мы оказались. Когда я думаю об опасности, грозящей Павлику, о том, как ты переживаешь, от беспокойства за вас - вот, нашел сравнение! - ум за разум заходит.

А насчет чтения с экрана - это просто, я как-то забыл объяснить. Оказалось, что наш с тобой «Телепат» имеет еще одно замечательное свойство, просто у меня раньше не было возможности и необходимости его узнать. Это называется «обратный эффект». Оказалось, что если он настроен на мою «точку», то я могу не только писать, но и читать послания. Я даже примерно представляю, как все происходит... Но милая моя, это специфика. Дорогая, доброго тебе дня и спокойной ночи. Жду твоих писем.

Ответ.

Боренька, дорогой мой, спасибо за письмо. Я теперь без них - как наркоман без дозы. Но придется обходиться два дня. Сейчас я выезжаю с классом во Львов на фестиваль. Хотела отвертеться - не получается. Милый, я знаю, что днем тебе тяжело это сделать, но пошли сейчас пару слов, если сможешь. Я подожду.

Послание пятое.

Счастливого пути, дорогая моя. Не опоздай к пятнице - 20 мая в город съезжаются участники симпозиума фирм Ай-Ти, в субботу и воскресенье предстоит важный для всех нас «большой байрам». Я об этом прочитал в газете. Прошу не опоздай. Жду встречи. Твой Борис.

Алиса вернулась из Львова поздно вечером в четверг. Идти в это время на беседу к «Телепату» нельзя, она должна соблюдать технику безопасности - можно натолкнуться на рейдеров. Два дня казались бесконечными, она ужасно соскучилась по общению с любимым. Воистину наркоман.

Проснулась рано, посмотрела на часы-календарь. Пять часов утра, пятница, 20 мая 2016 года. На работу только к двум часам. Уснуть уже не удастся. Чем заняться? Вспомнила, сегодня к вечеру съезжаются гости на симпозиум фирм Ай-Ти. Как Борис написал, в субботу и воскресенье будет «большой байрам».

А кстати, откуда он знает? Еще одна сомнительная история в новостях с «той стороны». Время сейчас есть, и она решила суммировать наконец все нестыковки в переписке с Борисом, которых становилось с каждым днем все больше. Оснований для подозрений любимого в мистификации накопилось немало. Она, конечно, не огорчится, если окажется, что он не там, где смотрят вниз, а намного ближе. Будет сама на седьмом небе, но уж разозлится

определенно. Просто она даже не смеет на это надеяться. Еще раз прощания с ним она просто не выдержит. Но с другой стороны, стоит посмотреть трезво, без особых надежд, но трезво.

Откуда такие необъяснимые странности? Почему на экране не появляются последовательно слова, как это было при записи мыслей, а целыми блоками, как в мейле или эсэмэске? Допустим, что отправка блоком требует меньше энергии. Допустим. А где он хранит и набирает этот блок до отправки? В памяти? Даже при их «чистом разуме» это сложно. Но допустим.

А откуда такой набор символов и пунктуации? Раньше ничего подобного не было. Леша Звонков, светлой памяти, все-таки светочем программирования не был, вряд ли он внес все эти кавычки, многоточия, двоеточия и прочие излишества.

А повторяющиеся ошибки, совпадения, словно нажимаются сразу две буквы, как бывает, когда печатаешь на маленькой клавиатуре; скажем, на мобильном телефоне? Пусть у него в памяти экранная клавиатура, но мысленно выбрать сразу две соседние буквы он определенно не сможет.

И почему он экран видит, а меня нет? Объяснение натянутое. А теперь, оказывается, он и газеты видит. Что за избирательность? Двадцатого открытие симпозиума Ай-Ти, это он вроде бы прочитал в газете.

Стоп! Стоп! Самое главное! И решающее! Она точно помнила, что он написал 20 мая. Посмотрела в электронную книгу - так и есть! Цифры он не мог продиктовать «Телепатом». Числом передать мысль невозможно! Боже мой, как к этому относиться. Чему верить? Надежде? А если...

Она вскочила, было начало седьмого. Ждать больше не было сил. Одедась, даже не умылась, бросила в сумку ключи и блок связи. Мама проснулась, спросила:

- Ты куда чуть свет?

- Потом.

По дороге к дому Бориса она два раза чудом избежала аварии, не слышала мата, несшегося вдогонку. Сергеич как раз открывал парадное и дыхнул на нее перегаром - она не почувствовала. Дрожащими руками открыла дверь квартиры, вошла в прихожую и... увидела улыбающиеся глаза Бориса. В них кроме улыбки было что-то еще, очень похожее на любовь.

Старая истина, что в истории многое повторяется дважды, но на новом витке спирали. Но что делать, к этому историческому моменту фраза имеет прямое отношение.

Алиса размахнулась и изо всех сил отвесила Борису пощечину, так что он покачнулся. А дальше... правильно, вы верно догадались - он обхватил ее за талию, приподнял, прижал к себе и крепко поцеловал. Получил еще одну пощечину другой рукой, потом она обняла его за шею, потом...

В пять-шесть часов вечера должны были прийти гости из Англии, пресса, должна состояться демонстрация. Нужно было к тому времени проверить «Телепат», настроиться на точку Алисы. Правда, Борис работал уже вторую ночь, но все равно дел было еще много. И все-таки они нашли лишних два, а может, три часа. Кто их, эти часы, считает, а счастливые даже не наблюдают...

Итак, спустя два-три часа, как и положено по спирали истории, они сидели на кухне за столом и пили чай с сушками. Их волосы еще не просохли после душа - у нее светлые волнистые, у него темные и почти курчавые. Они сидели по обе стороны угла стола - вроде бы и рядом, и почти напротив, удобно разговаривать.

Борис признался - а вы, возможно, об этом уже забыли, - что в блок связи был встроены андроид, который мог подключаться к мобильной связи и имел выход на экран «Телепата». Борис действительно пользовался мобильным телефоном.

- Как ты мог?! Ну, допустим, я, но мама, отец? Сколько нам досталось. Могло быть все, что угодно. Мы живые люди...

- И поэтому я пока еще живой человек. Не было выхода. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Дай мне рассказать, как все было. В дело вмешался Арамис.

- Какой Арамис?

- Из «Трех мушкетеров», у которого не было шансов получить удовлетворение, оно полагалось сначала Атосу, потом Портосу.

Он засмеялся, она тоже, не понимая в чем дело, просто от счастья.

Как и положено к концу детектива-фэнтези, позвольте мне воспользоваться правом автора, и рассказать, что произошло на самом деле.

Вы помните, как ночью накануне предполагаемого вылета в Лондон пришел Миша Ядловский и рассказал о том, грозит Павлику. Звонить Алисе было поздно, да и опасно, он понимал, что их прослушивают. Решил позвонить на пересадке.

Он действительно лег спать полностью одетый, чтобы не привлекать внимание наблюдателей, в чьем существовании даже не сомневался - «Омега» была готова перехватить его любой ценой. И тут вмешался Арамис, он же бандит-миллионер, который не подозревал, какая игра ведется вокруг «Телепата», а простодушно решил выполнить пожелание своей Елены Прекрасной, а заодно и выполнить свое давнее обещание. Он поручил племяннику, прибалтненному полуотморозку, проживающему в Дофиновке, одном из дальних пригородов, найти специалиста и не только «отметелить» как следует соперника - этого ему показалось недостаточно, - но заодно и немного пограбить. Кстати, это отведет от него подозрения - обычный грабеж. Мера необходимая, уж очень Елена Прекрасная афишировала планы мести.

Племянник, которого, кстати сказать, Борис раньше видел, лез из кожи вон, чтобы угодить дяде, и решил соучаствовать. За большие деньги был найден надежный «специалист», вызван из России - ради прекрасной Елены и не на такие подвиги и преступления шли в истории. «Специалист» зашел в парадное один, «отключил» Сергеича, потом впустил племянника. Когда он - опять-таки «простодушно», не зная ситуации - стал ковыряться отмычкой в замке, Борис услышал сигнал мобильного, стал за стенкой прихожей с битой в правой руке и взведенной «Осой» в другой. Непрошенные гости открыли дверь, осветили фонариками. На вешалке висела приметная оранжевая куртка Бориса. Отморозок ее надел, чтобы иметь доказательства, что именно он выполнил пожелание «хозяйки», кастет в руке не помешал. У

бандита тоже было подручное средство - «колбаса». Первым высунул из проема в прихожей лысую - несмотря на относительную молодость - голову племянник. Бандит задержался сзади, поливая салфетку хлороформом. Они не хотели при избиении устраивать в квартире лишний шум – Борис должен был последовать за Сергеичем и не видеть племянника. Все было продумано. Но! внезапно загорелся свет, и племянник получил удар массивной битой по лысине со всей силы - было не до церемоний. Он рухнул на пол без единого звука. Борис его узнал и понял, чьи это посланцы. Не «Омега», уже легче.

В это время показался и бандит, размахивая «колбасой».

- Ты что, мать, перемать, перетак, переэдак. Ты ж его убил!

Борис бросил битую, в правую руку переложил «Осу» и направил в лицо бандиту.

- Хочешь остаться без глаз и без мозгов?

Бандит был из России, поэтому знал, что такое «Оса». Он перестал махать своим оружием и только повторил:

- Ты что, ты ж его убил.

- Забирай этот мешок с дерьмом и уходи, пока я не нажал на курок.

Бандит, который не рассчитывал и не нанимался на мокрую, выбросил уже ненужную салфетку, безропотно поднял и перебросил через плечо не подававшего признаков жизни племянника в оранжевой куртке и пошел к лифту, который стоял, естественно, на этом этаже - в полтретьего ночи ездить некому. Борис посмотрел в лестничный проем, увидел, как бандит вышел с племянником на плече из лифта. Потом перешел в гостиную, из окна которой просматривался двор. Бандит потащил свой груз на улицу. Борис потихоньку спустился в парадное, прислушался. Услышал, как Сергеич бормотал в телефон, что вызывает милицию, что бандит убил и унес жильца дома Мазурова. Он и без куртки бы решил в полутьме, что это Борис - а действительно, кому еще быть? - но оранжевое пятно поставило точку.

Что делать? Убийство, видимо, все-таки было. Самооборона, не самооборона - это будут выяснять потом, полиция его прежде всего увезет в камеру предварительного заключения - «обезьянник», а уж там, на территории закона, он точно до утра не дотянет, учитывая опыт Звонкова и то, какие силы задействованы.

И тут произошло то, что может случиться только в момент наивысшего напряжения - Бориса осенило. Он быстро поднялся к себе, взял битую и «Осу», постоял несколько мгновений над сумкой в нерешительности и - все-таки - документов вынимать не стал, мобильный тоже не трогал. Поднялся на два этажа и пару раз прикоснулся к кнопке звонка подружки Риты. Вот, собственно, главное.

Рита купила ему новый мобильный телефон, изредка, только в крайнем случае поддерживала связь с Буршем в Лондоне через случайные - чтобы не наследить - компьютеры. И держала язык за зубами, так как это могла делать только она.

Из ее квартиры Борис даже носа не высовывал.

Дальнейший мой рассказ основан на информации, хотя, каюсь, иной раз приходится звать на помощь интуицию. Интуиция в большей степени относится к «Омге». Ловушка скорей

всего ожидала его в автомобиле - помните, Сергей Сергеевич жаловался, что «даже машину не дали толком осмотреть»? Наверняка там что-то было сделано или заложено. Это современный украинский стиль.

Теперь о бандитах. «Специалист» погрузил племянника в заранее угнанную машину, в которой они приехали «на дело». Я думаю, в это время «труп» стал подавать признаки жизни, но в сознание не приходил. Тогда обычный бандит позвонил бандиту-миллионеру и доложил, что произошло. Бандит-миллионер уже пожалел, что ввязался в эту историю, приказал везти племянника домой в Дофиновку, потом уехать подальше и сжечь машину, в которой племянник наверняка «наследил», самому же уходить в Россию. А когда на следующий день бандит-миллионер узнал, что племянника приняли за труп Мазурова, то, естественно, свои знания оставил при себе.

«Омега» тоже довольствовалась исчезновением Бориса и все силы приложила к тому, чтобы тело не только не искали, но, самое главное, не нашли. Пока Мазуров находится в розыске, никакие договоры английской фирмы с его наследниками невозможны. Мало того, поиск мог натолкнуть на следы их «деятельности», включая дело Звонкова - легко просматривалась связь между двумя смертями. А так за месяца два-три голландцы разберутся в ворованном и выдадут за свое. Словом, всех все устраивало. Кстати, и Бориса. Если бы в «Омге» подозревали, что Борис жив, то вполне могли разбить «Телепат» в щепки, а так они знали, что никто - к сожалению, и они тоже - пока не может им воспользоваться. Держали в целости и сохранности как опытный образец, оригинал. Иногда сверялись. И все обошлось.

К тому же поведение родителей и Алисы убедительно доказывало, что он покойник. А ее походы в квартиру Бориса воспринимались с пониманием - гражданская вдова посещает могилу любимого человека. С цветами. Тем более она после каждого посещения становилась все печальнее. Так не сыграешь.

Теперь в качестве дополнения даю слово героям.

- Как можно? А если бы с родными...

- Насчет родных было проще. Просто Рита пришла к ним позже, чем дошли, как сказал Марк Твен, преувеличенные слухи о моей смерти.

- Ты еще шутишь...

- Она еле их откачала. Зато все было естественно. И Рите можно было зайти к ним с соболезнованием, она с детства вхожа к маме. В этом ничего подозрительного не было.

- Так вот почему мне показалось странным поведение Аллы Михайловны. Как будто она не в отчаянии, а сильно напугана, ждет неприятностей.

- Да, она боялась, что меня поймают. Но мама... мама такой человек. Она хорошо держалась. А к папе, у которого действительно был сердечный приступ, никого потом не допускали. Насчет родителей можно было рискнуть.

- А мне? Мне ты не мог по «Телепату» написать?

В глазах Бориса появилась ирония, правда ирония теплая.

- Если бы я сказал, что жив, то только слепой бы этого по тебе не увидел. А ведь ты была под наблюдением. Посмотри на себя в зеркало.

- Да, - призналась Алиса, - как медный таз.

Вспомнила поток слез и мокрую кофточку, когда вышла из квартиры Бориса после первого общения с «тем светом». И четное количество цветов, которые всегда приносила. Она бы не сыграла. Борис понял ее согласие, но на всякий случай решил оправдаться.

- Но я тебе подбрасывал сомнения, чтобы не лишать совсем надежд. Ошибки, кавычки...

- Так ты специально? – кажется, намечалась еще пощечина.

- Да, считал, что внезапная радость может быть не менее опасной, чем внезапная потеря...

А с цифрой 20 мая я тебя ждал еще вчера вечером. Долго доходило...

Пощечина отменилась. Вместо этого Алиса вздохнула.

- А какие посланья ты писал...

- Нужно же было создавать иллюзию «того света». Я немного воспользовался своими снами, которые время от времени повторялись. Но дело не только в этом. Целыми днями в квартире, без дела, непривычно. Думал о всяком, о разном... И - как я понимаю - уже привык делиться всем с тобой. Это стало потребностью.

Алиса бы засияла еще больше, если бы такое было возможно.

Осталось рассказать совсем немного. Бурш в Лондоне осуществлял один из вариантов плана, продуманного ими на узкой скамейке. То есть вариант, когда Борис будет вынужден скрываться в городе, что и произошло. Они заранее наметили приезд солидной делегации из Лондона на симпозиум 20 мая. Энергичный Бурш такую - и весьма авторитетную - группу собрал. Попутно разобрались с Флемингом, утечки информации не было. Помешать их приезду никто из мафии был не в силах. Кстати, приехал и Павлик. Прямо с аэродрома они, прихватив по дороге прессу, без объяснений отправились на квартиру к Борису, где их встретил сам радушный хозяин. Пока в «Омеге» удивленно чесали затылки, состоялась демонстрация с Борисом, Павликом и Алисой в качестве абонентов. И торжественное подписание договора. С тех пор любые шаги оппонентов смысла уже не имели. Участок был официально застолблен.

А неотвратимость наказания виновных? Никакой неотвратимости не было, такова правда нашей сегодняшней жизни.

Предупреждаю желание читателей - как сложилась дальнейшая судьба Алисы и Бориса? Я об этом ее прямо спросил.

- То была романтическая история со всеми красками, которые ей положены, - ответила она.

- А сейчас... Словом, мы пока ничего не решили. Борис будет в основном жить в Лондоне, там же Павлик, я буду приезжать. Жизнь покажет. Будет видно.

Это были спокойные и разумные слова, я ей поверил. И действительно, я уже не один раз в этом рассказе писал - правда жизни способна на любые неожиданные повороты.

Единственное, что мне казалось подозрительным - уж очень Алиса светилась.

А закончить я хочу тем, что случилось в конце демонстрации. Собственно, почему и написан этот роман.

Борис сказал несколько прочувствованных слов о Леше Звонкове, показал его портрет на экране компьютера, установил и продемонстрировал его «точку».

- Вот точная настройка на параметры Алексея. Так он общался с компьютером.

И вдруг на экране стали последовательно появляться слова:

Боря, я им ничего не сказал, это ясно, как дважды два. Будьте счастливы. Алексей Звонков.

Фамилию «Звонков» уже было еле видно, наверно заканчивалась энергия. Я пишу об этом, потому что текст видело много народу, скрыть такое невозможно. А вот дальнейшие сведения фирма и правительство Англии пока закрыли. Так что выводы, точнее предположения можете делать сами.

Борис назвал проект «Телепат имени Алексея Звонкова». Но на Западе к таким излишествам не привыкли, и как-то постепенно прижилось название «Телезвон». Авторы в этом не видят ничего обидного.